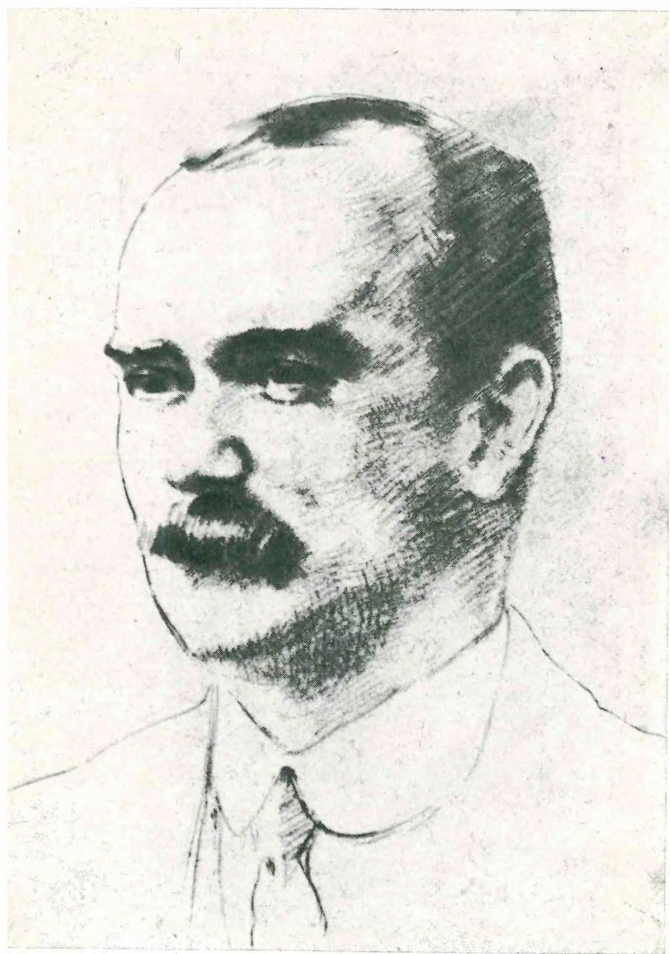

Конноли

РАБОЧИЙ КЛАСС В ИСТОРИИ ИРЛАНДИИ

Джеймс Конноли

РАБОЧИЙ КЛАСС В ИСТОРИИ ИРЛАНДИИ • ОТВОЕВАНИЕ ИРЛАНДИИ

Перевод с английского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

МОСКВА 1969

JAMES CONNOLLY

**LABOUR IN IRISH HISTORY
THE RE-CONQUEST OF IRELAND**

Перевод К. Н. ТАТАРИНОВОЙ

Вступительная статья и редакция перевода А. Д. КОЛПАКОВА

1-6-3

БЗ № 33—69 № 3

К советскому читателю

Ирландский рабочий класс гордится тем, что Джеймс Конноли вышел из его рядов. Это чувство гордости усилится еще более после опубликования на русском языке классического исследования Конноли о роли трудящихся масс Ирландии в длительной и еще не завершенной борьбе за национальное освобождение.

Знаменательно, что первый перевод работ Дж. Конноли на иностранный язык осуществлен в СССР, стране Великой Октябрьской революции, доказавшей спустя семнадцать месяцев после казни Дж. Конноли британскими империалистами способность рабочего класса уничтожить капиталистическую систему и приступить к созданию социалистического общества. Ради осуществления этой цели боролся и Конноли.

Весьма знаменательно, что опубликование в Советском Союзе этой книги Конноли имеет место в период празднования столетней годовщины со дня рождения В. И. Ленина; оба они в решающий для международного социалистического движения момент заняли по отношению к империалистической войне 1914—1918 годов идентичную позицию; призыв В. И. Ленина к «превращению войны империалистической в войну гражданскую» нашел отклик в руководимом Дж. Конноли ирландском восстании 1916 года.

Джеймс Конноли родился в июне 1868 года. В десятилетнем возрасте он начал свою трудовую жизнь, а в двадцать один год стал принимать участие в социалистическом движении. С этого времени происходит формирование многогранного таланта Конноли: он проявил себя как историк, экономист, литературовед, поэт и даже драматург. Но сам Конноли прежде всего стремился к активной революционной борьбе, выступая как профсоюзный организатор, оратор

на массовых митингах, журналист, которому часто приходилось самому печатать свою газету «Уоркерс рипаблик» («Рабочая республика»).

Создав в 1896 году Ирландскую социалистическую республиканскую партию в целях «установления Ирландской социалистической республики, основанной на общественной собственности ирландского народа на землю и средства производства, распределения и обмена», Конноли тем самым придавал новый идеологический аспект многовековой борьбе ирландского народа. Спустя четыре года участие этой партии в работе Парижского международного социалистического конгресса углубило ее интернационалистический характер.

Когда в связи с возникновением империалистической войны лидеры II Интернационала предали рабочих и стали на позиции социал-шовинизма, Конноли назвал их «трусливыми приспособленцами и соглашателями в мире империалистического и финансового разбоя». 8 августа 1914 года он писал в «Айриш уоркер»: «Если бы европейские рабочие, вместо того чтобы убивать друг друга ради прибылей королей и финансистов, начали завтра воздвигать по всей Европе баррикады, разрушать мосты и уничтожать средства транспорта, чтобы можно было покончить с войной, мы были бы вправе последовать их славному примеру и принять участие в окончательном свержении хищных классов, которые правят миром и грабят его».

К тому времени Конноли преобразовал Ирландскую гражданскую армию, первоначально созданную рабочими в целях обороны во время знаменитой дублинской стачки 1913 года, в наступательную революционную силу. Он руководил ею во время того восстания 1916 года, которое «левые» осуждали как «путч», а социал-шовинисты — как «удар ножом в спину». Задачу защиты этого восстания, определения его характера и социального содержания выполнил В. И. Ленин, чье имя будет навсегда связано, благодаря его заступничеству, с этой славной страницей в истории нашего народа.

Конноли служил делу борьбы рабочего класса многими путями. Как историк он внес наиболее значительный вклад, написав исследование «Рабочий класс в истории Ирландии». До этой книги все ранее публиковавшиеся работы по истории борьбы ирландцев были украшены романтическими легендами и преувеличивали роль отдельных личностей. Конноли отметил, что «ирландский вопрос — вопрос социальный, и вся многовековая борьба ирландского народа против своих угнетателей оказывается в конечном счете борьбой за обладание в Ирландии средствами к жизни и источниками производства».

Этот вывод он сделал в результате применения при толковании ирландской истории положения, «сформулированного Карлом Марксом, величайшим из современных мыслителей и первым представителем научного социализма», и состоящего в том, что экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории.

Работа Конноли содержит много поучительного не только для повседневной борьбы ирландского рабочего класса, но и для любой национально-освободительной борьбы. Он ясно определил руководящую роль рабочего класса в борьбе за национальное освобождение, не раз отмечал, что представители национальной буржуазии, возглавлявшие восстания ирландского народа, всегда стремились к компромиссному исходу борьбы, в основе которого лежало бы лишь удовлетворение в той или иной степени их собственных классовых интересов. Конноли иллюстрировал это горьким возгласом одного из казненных участников восстания 1798 года: «Богатый всегда предаст бедного». Что касается нашей борьбы за освобождение, то, как указывал Конноли, «только ирландский рабочий класс остается неподкупным продолжателем борьбы за свободу Ирландии».

Ненадежность буржуазии как лидера в национальной борьбе была наглядно подтверждена спустя пять лет после казни Конноли. После подавления вос-

стания 1916 года ирландские массы возобновили борьбу за национальное освобождение (подтвердив, таким образом, слова Ленина о том, что восстание не было «путчем»). В 1917 году в результате массовых действий народа и всеобщей стачки была сорвана попытка проведения принудительной мобилизации в стране для участия ее в империалистической войне. В 1919 году во время выборов в британскую палату общин подавляющее большинство мест получили представители ирландских национальных сил. И, вместо того чтобы направить их в Вестминстер, где заседала «мать всех парламентов», наш народ учредил свой собственный независимый парламент. В стране существовало двоевластие. «Незаконный», но активно действующий ирландский парламент с гэльским названием «ирландский Дойл» старался добиться международного признания де-факто и де-юре.

Наличие в Америке большого числа ирландских иммигрантов и их заметное влияние в политической жизни страны порождало большие надежды на признание со стороны США. Однако эти надежды вскоре исчезли.

Лишь одно государство было готово признать только что рожденную Ирландскую республику, и этим государством явилась Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Ирландский Дойл установил с ней дипломатические связи; был составлен проект договора о дружбе, но вновь, как и в прошлом, ирландские буржуазные национальные лидеры проявили колебания; несмотря на готовность Страны Советов, договор этот так и не был подписан. Ирландские буржуазные лидеры больше заботились о соглашении с империализмом, который мог обеспечить им «независимость» для защиты своих классовых интересов, нежели об интересах ирландской нации. В результате в 1921 году был подписан англо-ирландский договор, расчленивший Ирландию на два государства: колониальное государство — Северная Ирландия и неоколониальное государство — ирландский доминион. Еще раз «богатый предал бедного»

Другой договор — Договор о дружбе между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Ирландской республикой — дал бы Ирландии надежного союзника в антиимпериалистической борьбе и создал совершенно иные условия для борьбы за национальное освобождение.

Дж. Конноли был не только великим ирландским патриотом, но и замечательным интернационалистом. Он полностью отвергал узкий национализм и всегда отстаивал интернациональный характер борьбы и за национальное освобождение и за социализм. Его идеи не потеряли свою силу и сегодня, когда империалисты, применяя новую стратегию, стараются вбить клин между социалистическими государствами, рабочими капиталистических стран и национально-освободительным движением.

Советским читателям будет интересен пример, приведенный Конноли для раскрытия классового понимания характера интернационализма. В памфлете «Легко осуществимый социализм», изданном в 1908 году, он упоминает, что 12 июня 1899 года дублинские газеты опубликовали проект строительства железной дороги в России. Капиталистам в Ирландии представлялась, таким образом, возможность нажиться за счет русского народа. Здесь проявился, как отметил Конноли, «интернациональный характер капитала и капитализма». Чтобы противостоять этому, подчеркивал он, ирландские рабочие также должны быть интернационалистами и, «следовательно, интересоваться каждым выступлением рабочего класса во всем мире, так как те же самые лица, против которых направлено восстание, могут с помощью удивительного механизма капиталистической системы — через акции, облигации, используя национальные и муниципальные долги, — оказаться паразитами, сосущими кровь у ирландских рабочих».

Это подчеркивание принципа интернационализма чрезвычайно важно для *всех* отрядов международного рабочего класса и антиимпериалистического движения и сегодня, когда империализм хотя и ослаб, но стал еще более агрессивен в своей политике и бо-

лее коварен в тактике. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» сегодня еще более необходим, чем когда-либо.

Как жаль, что Конноли не дожил до того времени, когда бы он мог стать свидетелем величайшего восстания рабочего класса в октябре 1917 года, руководимого В. И. Лениным и партией большевиков.

Он увидел бы событие, потрясшее мир капитализма и империализма до основания; событие, сделавшее возможным возникновение других социалистических стран и обеспечившее для них возможность коллективно защищать свои революционные завоевания; событие, изменившее соотношение сил в мире в пользу национально-освободительного движения во всех колониальных странах и ускорившее успешное продвижение к социализму всюду, включая Ирландию Джеймса Конноли.

Издание в Советском Союзе книги одного из наиболее прославленных сынов Ирландии, ее выдающегося марксиста,— это не только проявление обычного для советских людей чувства интернациональной солидарности, но и большая честь для ирландского народа. Оно, несомненно, еще больше укрепит узы дружбы и братства между ирландским народом и великим советским народом, который является главной опорой в борьбе против той империалистической системы, против которой боролся и Джеймс Конноли.

*Майкл О'Риордан,
Генеральный секретарь Ирландской
рабочей партии*

Дублин, 14 марта 1969 года

Вступительная статья

Вниманию советского читателя предлагаются впервые изданные на русском языке работы «Рабочий класс в истории Ирландии» и «Отвоевание Ирландии», принадлежащие перу выдающегося ирландского революционера, пламенного борца за независимость своей страны Джеймса Конноли.

Революционная деятельность Дж. Конноли и его творчество были тесно связаны с социально-политической борьбой в Ирландии конца XIX — начала XX века, а также с историей освободительного движения ирландцев против иноземного гнета.

Следует вспомнить, что на протяжении восьми последних столетий история Ирландии отмечена непрекращавшейся борьбой ее народа против английских завоевателей.

Вторгшиеся впервые на ирландскую землю в 1171 году английские феодалы встретили упорное сопротивление гэльского (кельтского) населения, жившего еще в условиях первобытнообщинного строя. Главными звеньями общественной структуры гэлов были род и клан; основная масса крестьян-общинников, членов клана, сохраняла личную свободу и долю в общей земельной собственности; существовал также и обычай танистри, то есть избрание вождей и их преемников всеми членами клана. Вместе с тем в гэльском обществе уже имелось имущественное неравенство, постепенно возникала земельная аристократия из среды клановых вождей. Все большее число общинников эксплуатировалось ею на феодальной основе.

Борьба ирландцев против английских завоевателей была настолько упорной, что вплоть до XVI века подчинение Ирландии английской короне являлось во многом формальным: значительная часть страны фактически оставалась в руках ирландских кланов. Окончательное завоевание острова, сопровождавшее-

еся массовым истреблением местного населения, широкими земельными конфискациями в пользу англичан и притеснением религии побежденных, то есть католичества, победителями-протестантами, произошло в конце XVI—середине XVII века. После Английской буржуазной революции ирландское клановое устройство было окончательно разрушено, местная родовая знать либо подверглась уничтожению, либо слилась с английской, земли кланов стали собственностью английских помещиков-лендлордов, а некогда свободный ирландский крестьянин-общинник превратился в арендатора земли, ранее ему принадлежавшей. В политическом отношении Ирландия была бесправным придатком метрополии; находившийся в Дублине ирландский парламент, где заседали в основном проживавшие в Ирландии англичане, не мог принимать законы без санкции Лондона.

В начале XIX века после мощного революционно-демократического подъема и грозной крестьянской войны 1798 года и эта видимость ирландского самоуправления была ликвидирована. Актом об Унии 1801 года Ирландия была присоединена к Великобритании. Были отменены таможенные пошлины между двумя странами, что вскоре вызвало гибель слабой ирландской промышленности, не выдержавшей английской конкуренции.

XIX век принес Ирландии неисчислимые страдания: экономическую деградацию, постоянные политические унижения, жестокую нищету и губительные голодные годы (например, страшный период «великого голода» 1845—1847 годов). В этих условиях ирландцы не прекращали борьбу. В 1820—1830 годах ирландская деревня была охвачена ожесточенной аграрной войной, в 1848 году в стране вспыхнуло восстание. В конце 50-х и в 60-е годы в Ирландии разворачивается фенианское движение, когда впервые в политической борьбе начинают принимать участие городские наемные рабочие, хотя еще и не как самостоятельная сила. В последние десятилетия XIX века английское правительство, напуганное мощным аграрным движением, возглавленным общенациональ-

ной организацией ирландского крестьянства — Земельной лигой, стало передавать арендаторам за большой выкуп земли в стране. Это значительно укрепило капиталистические элементы в Ирландии и способствовало формированию ирландской буржуазии, требовавшей независимого национального государства и свободного капиталистического развития. В начале XX века была создана политическая организация Шин фейн (по-гэльски «мы сами»), выдвигавшая и пропагандировавшая эти требования. Тогда же в стране возникло широкое и влиятельное движение, известное под названием Гэльского возрождения. Оно стремилось возродить гэльский язык, самобытную ирландскую литературу, способствовать подъему самосознания ирландцев как самостоятельной нации. Однако буржуазно-националистические деятели Гэльского возрождения и Шин фейна, как правило, резко выступали против классовой борьбы и самостоятельных действий ирландских трудящихся, отстаивали лозунг «единой ирландской нации» и стремились подчинить своему политическому влиянию рабочие организации. Многие из них поддерживали популярную тогда идею гомруля — восстановления уничтоженного Актом об Унии автономного ирландского парламента. С его помощью они надеялись решить все стоящие перед страной социальные и политические проблемы.

Против подобной деятельности буржуазных националистов активно выступало молодое ирландское рабочее движение, вышедшее в начале XX века как самостоятельная сила на политическую арену. Его появление было отмечено массовыми экономическими выступлениями, созданием многотысячных и боеспособных профсоюзных организаций на принципах «нового юнионизма», знаменитой «классовой войной» 1913 года, всеобщей осенней стачкой дублинских рабочих, которую высоко оценил В. И. Ленин.

Накануне первой мировой войны Ирландия стояла на пороге нового подъема национально-освободительной борьбы, призванной разрешить задачи буржуазно-демократической революции: создание независимого национального государства, завершение аграр-

ной реформы, обеспечение условий для беспрепятственного экономического и культурного развития. Не довольствуясь требованиями буржуазной республики, передовые отряды ирландского пролетариата уже в те годы выдвигали лозунг социалистической революции и социалистической республики.

В апреле 1916 года передовые ирландские рабочие в боевом союзе с революционно-демократической военной организацией «Ирландские волонтеры» подняли в Дублине восстание и провозгласили независимую Ирландскую республику. После недельной героической защиты 1200 повстанцев были сломлены 12-тысячным карательным корпусом англичан. Английские каратели захватили в плен и расстреляли 15 вождей восстания. В числе этих вождей был и Дж. Конноли — популярнейший руководитель ирландского рабочего движения, видный пропагандист научного социализма, вице-президент провозглашенной Ирландской республики.

Джеймс Конноли родился в 1868 году в Шотландии, в семье полунищих ирландских эмигрантов, и оставался там до 1896 года. В конце 80-х годов, принимая активное участие в стачечной борьбе и выступлениях безработных, он приходит к социализму, изучает «Капитал», «Коммунистический Манифест» и другие программные произведения научного коммунизма. В 1896 году Конноли переезжает на родину родителей — в Ирландию, где в том же году в Дублине основывает первую в стране социалистическую организацию — Ирландскую социалистическую республиканскую партию, требовавшую создания независимой от Англии социалистической Ирландской республики.

В 1903 году нужда заставляет Конноли покинуть Ирландию. Он переезжает с семьей в США, где быстро находит свое место на левом крыле социалистического движения, сближается с передовыми профсоюзными деятелями, вступает в знаменитый рабочий союз «Индустриальные рабочие мира». В 1910 году по приглашению ирландских социалистов Конноли возвращается в Ирландию, теперь уже навсегда. Моло-

дому ирландскому рабочему движению он отдает весь свой богатый практический опыт и знания, накопленные за долгие годы скитаний и борьбы. Руководство совместно с «красным» Джимом Ларкином наиболее многочисленным и революционным в Ирландии профсоюзом транспортных и неквалифицированных рабочих, знаменитой дублинской стачкой 1913 года, принципиальная интернационалистская позиция в начале первой мировой войны и подготовка использования последней в целях национальной и социальной революции и, наконец осуществление восстания в апреле 1916 года — таковы основные вехи последнего ирландского периода жизни Конноли. Именно в эти годы и были изданы две его самые важные работы — «Рабочий класс в истории Ирландии» и «Отвоевание Ирландии», явившиеся как бы теоретическим итогом его многолетних занятий ирландской историей, результатом осмысления современной ему политической борьбы и одновременно его политическим завещанием.

Помимо этих работ, Дж. Конноли оставил обширное публицистическое наследие, состоящее из сотен статей по проблемам политической и идеологической борьбы социалистического, рабочего и национально-освободительного движения, экономики и военного дела¹.

В начале нашего столетия, когда марксистское направление в мировой исторической науке еще только складывалось, Конноли-революционер заявил о себе и как крупный и самобытный историк-марксист, первым применивший к изучению новой истории Ирландии марксистский материалистический метод.

В годы, когда он выступил со своими работами по истории, в ирландской исторической науке безраздельно господствовал идеалистический в своей основе, национально-романтический подход; буржуазные

¹ См. сб. «A Socialist and War», Lnd. 1941; «Labour and Easter Week», Dublin, 1949; «Socialism and Nationalism», Dublin, 1950; «The Workers' Republic», Dublin, 1951. В 1968 году в Дублине вышел в свет новый сборник статей «Revolutionary Warfare», куда вошли статьи последних лет, посвященные вопросам стратегии и тактики вооруженной борьбы пролетариата.

историки занимались почти исключительно политической, военной или культурной историей Ирландии, игнорируя социально-экономические факторы и классовую борьбу. Свои труды они рассматривали в первую очередь как средство «оживить и поддержать национальный дух, доказать исконные права гэла». В центре внимания чаще всего оказывалась древняя история острова, когда независимая гэльская Ирландия успешно сопротивлялась внешним врагам и достигла сравнительно высокого для того времени уровня образования и культуры. Героями исторического действия обычно становились ирландские «короли» (клановые вожди), родовая знать, духовенство. Что же касается истории более поздних периодов, то там активно внедрялся культ «героев» — членов ирландской или англо-ирландской буржуазно-помещичьей элиты, возглавлявших «марш нации к свободе».

Читателю последовательно и упорно внушалась мысль об исконной «общности интересов» и традициях неразрывного единства всех слоев ирландской нации перед лицом общего иноземного врага. Что же касается английской литературы, посвященной Ирландии, то, за редким исключением, в ней грубо фальсифицировалась история страны, доказывалась правомерность и благотворность английского завоевания «бедного и дикого острова» и якобы цивилизаторская роль англичан.

«Ирландская история писалась представителями господствующего класса и в интересах господствующего класса», — справедливо отмечал Дж. Конноли.

Когда пытаешься оценить главный труд Конноли, «Рабочий класс в истории Ирландии» (1910 год), то не находишь другого слова, как подвиг. Ибо какой силой духа, какой высокой убежденностью и самоотверженностью надо было обладать, чтобы, находясь вне академических и университетских кругов, не имея специальной профессиональной подготовки, не располагая необходимым досугом и средствами, довести до конца первое в марксистской литературе исследование по национальной истории своей страны, не потравившее своего значения и до наших дней!

«Рабочий класс в истории Ирландии» не претендует на всеобъемлющий охват и анализ событий. Конноли прямо говорит об этом, указывая, что ставил перед собой задачу не написать историю ирландского рабочего класса, а выяснить его место в истории Ирландии. Однако, несмотря на это, работа Конноли — выдающийся исторический труд, написанный на основе большого числа источников и литературы. Здесь и аграрная статистика, и парламентские документы, многочисленная памфлетная литература XVIII—XIX веков, включая памфлеты ирландских тайных революционных обществ и организаций, большой и разнообразный материал, извлеченный из ирландской прессы различных направлений в XVIII—XIX веках; опубликованные документы первых ирландских социалистических коммун, мемуарная литература, многочисленные исследования по истории Ирландии XVII—XIX веков и т. д. Весь этот разнообразный материал Конноли использует для того, чтобы доказать необоснованность буржуазно-националистической трактовки истории Ирландии, низвергнуть «божества», которым ирландцам надлежало поклоняться. Взамен этого в центр исторической борьбы он повсюду последовательно выдвигает классовую борьбу и социальные отношения как итог экономических процессов. Главной действующей силой исторического процесса становится ирландский трудовой народ.

Образцом материалистического подхода Конноли к ирландской истории является рассмотрение им эпохи якобитских войн в Ирландии (1689—1691), когда ирландские католики стали под знамена изгнанного из Англии Якова II Стюарта.

Основываясь на положении Маркса о господствующей роли способа производства и обмена в любую историческую эпоху, Конноли констатирует, «что преобладающим способом производства и обмена был феодальный способ, основанный на частной собственности на земли, украденные у ирландского народа, и все политические конфликты этого периода вызывались материальными интересами одной группы узурпаторов, желавшей сохранить эти земли, и другой,

добивавшейся обладания ими». Вместе с тем здесь, как и в ряде других глав книги, проявляется характерная для ранних марксистских работ тенденция к чисто экономическому объяснению исторических событий, против которой в свое время предостерегал Ф. Энгельс, указывая, что различные элементы надстройки могут оказывать важное, иногда решающее воздействие на формы исторической борьбы¹.

В главах работы, посвященных XVIII веку, Конноли впервые освещает тяжелое экономическое положение ирландского крестьянства (голод 1740 года, массовый сгон арендаторов с земли помещиками в середине века, чтобы заменить пашни пастбищем). В 60-х—70-х годах в стране вспыхивает крестьянская война; организации «Белые парни», «Дубовые парни» и «Стальные парни» наводят ужас на лендлордов, вступают в сражения с войсками. Для подавления их объединяются все имущие слои, независимо от религиозных убеждений — и протестанты, и католики. Классовая солидарность, подчеркивает Конноли, одерживает верх над религиозной рознью. Все это явилось откровением для ирландского читателя.

Особое значение для создания новой, передовой концепции ирландской истории имели главы работы, освещающие национальный и революционно-демократический подъем в Ирландии конца XVIII века. Как писал Конноли, это был его любимый период национальной истории. В эти годы жил и боролся человек, которого он бесконечно почитал, — национальный герой Ирландии Теобальд Уолф Тон².

Буржуазные историки исказили историю этого периода. Либералы — гомрулеры конца XIX — начала XX века, добиваясь от Англии предоставления Ир-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., Изд. II, т. 37, стр. 394—395.

² Т. У. Тон (1763—1798) — основатель революционно-демократического тайного общества «Объединенные ирландцы», ставившего своей целью свержение английского господства и установление в Ирландии демократической республики. С 1794 года находился в эмиграции. В 1798 году направлялся в Ирландию в составе французского десанта, был взят в плен англичанами, приговорен к смерти и покончил с собой.

ландии автономии, постоянно ссылались на «процветание» страны до Унии, когда в Дублине заседал свой парламент. Конноли критикует доводы сторонников «парламентской теории», указывая, что подъем промышленности и торговли в стране, плодами которого пользовалась местная буржуазия, был связан в первую очередь с нововведениями в промышленности и с последовавшим удешевлением промышленных товаров.

Он свергает с пьедестала любимца буржуазных историков Генри Граттана — руководителя волонтерского движения 80-х годов, добившегося от Англии определенных политических уступок. Конноли отмечает компромиссный, классово ограниченный характер так называемой граттановской революции, забуксовавшей на месте, как только встал вопрос о предоставлении права голоса беднякам. Развенчивая Граттана и его помощников, он поднимает революционных демократов из общества «Объединенные ирландцы» и их лидера Уолфа Тона, стремившихся осуществить подлинную демократическую революцию в Ирландии. На основе документального материала Конноли раскрывает подлинный характер и основные принципы движения «Объединенные ирландцы», до которого не было дела буржуазным историкам. Особое значение он придает выдвинутому Тоном лозунгу объединения всех демократических сил Ирландии для общей борьбы, независимо от их религиозных убеждений.

Конноли обращает также внимание на социальные аспекты заговора Эммета¹: предпролетарский по преимуществу состав участников движения и его программу, направленную против частновладельческих прав в землевладении.

Судом научной истории Конноли судит еще одного кумира буржуазии — знаменитого Дэниеля О'Коннелла, руководителя общенационального движения за

¹ Заговор Эммета — неудачное восстание во имя освобождения Ирландии от английского господства в июле 1803 года, возглавленное Робертом Эмметом.

эмансипацию католиков, вырвавшего у английского правительства в 1829 году закон, облегчивший их положение. Он указывает, что этот национальный лидер был злейшим врагом объединенных в профсоюзы ирландских рабочих и убежденным союзником английских капиталистов. Подчеркивая классовый союз эксплуататоров Англии и Ирландии, Конноли с удовлетворением отмечает интернациональные связи трудящихся обоих островов (в частности, создание в Ирландии в 40-х годах XIX века чартистских организаций).

Глубокому классовому анализу подвергается в работе Конноли период революционного подъема 1848—1849 годов. Автор отмечает, что в стране создалась революционная ситуация, однако нерешительность руководителей «Молодой Ирландии»¹ стала препятствием на пути развития революции. Этой организации он противопоставляет революционную деятельность издателя газеты «Объединенный ирландец» Джона Митчела². Здесь же Конноли знакомит читателя с новой выдающейся личностью в ирландской истории, мало известной широким массам, но вызывающей ненависть правящих классов из-за глубины и притягательной силы своей революционной программы. Речь идет о Джеймсе Финтане Лалоре из Тенакила, обосновавшем требование национализации всей земли в Ирландии и передачи ее законному владельцу — трудовому народу. Конноли справедливо указывает на непреходящее значение лозунгов этого, а также ряда других революционных деятелей ирландской истории для современной ему Ирландии. Далее он обращается к наиболее близким к нему по

¹ «Молодая Ирландия» — буржуазная политическая организация, возникшая в начале 40-х годов XIX века вокруг журнала патриотического направления «Нация». Выступала за национальное возрождение ирландского народа и его право на самостоятельное существование в качестве суверенной нации.

² Джон Митчел (1815—1875) — убежденный республиканец, активный участник революционного подъема 1848—1849 годов. Требовал независимости Ирландии, глубоко сочувствовал трудящимся массам; однако его революционные взгляды не были последовательными.

времени массовым народным движениям в Ирландии — фенианскому (50—60-е годы) и аграрному, связанному с именем Земельной лиги (70—80-е годы). Связывая расцвет фенианизма с тяжелым экономическим положением ирландских наемных рабочих, он указывает, что именно рабочий класс более крупных ирландских городов, таких, как Дублин, Корк, Уэксфорд, Килкенни и др., дал больше всего рекрутов фенианским организациям.

Красной нитью через работу Конноли проходит мысль о том, что социалистические идеи и стремление воплотить их в жизнь вовсе не являются чем-то инородным для Ирландии. Он подробно останавливается на деятельности известного ирландского утопического социалиста первой половины XIX века Уильяма Томпсона, рассказывает о замечательном эксперименте — создании в 1831 году на ирландской земле, в Ралехайне, социалистической колонии по оуэзовскому образцу. Конноли обращает особое внимание на то, что У. Томпсон, пропагандируя в своих трудах перестройку современного ему общества на социалистических началах, не питал иллюзий относительно решающего содействия, которое способны были якобы оказать в этом власть имущие. Напротив, называя наибольшим общественным злом политическое и социальное угнетение рабочих, он доказывал, что наличие в обществе капиталистического класса приведет к губительным для него последствиям.

Обосновывая и развивая в книге «Рабочий класс в истории Ирландии» ирландскую социалистическую традицию, Дж. Конноли большое внимание уделяет концепции древней, гэльской Ирландии. Отмечая существование там общей собственности на землю, выборности вождей, наличие высокого патриотического духа и т. д., он рассматривает ее в какой-то мере как эталон, по образцу которого надо перестраивать современную Ирландию.

К гэльской проблеме Конноли часто обращается, повествуя об английском завоевании Ирландии, утверждая, что в ходе последнего происходила борьба между двумя формами собственности на землю —

привнесенной извне феодальной, английской, и подлинно ирландской клановой, или общей, собственности. Эксплуататорские классы Ирландии, землевладельцы и капиталисты, указывает он, приняли иноземную систему и порвали с исконной гэльской традицией. Конноли неоднократно отмечает благотворность гэльских принципов и стремление английских завоевателей, католической церкви, а позже и ирландских политиканов вытравить их из памяти народа. Это свидетельствует об определенной идеализации Конноли первобытнообщинных порядков древнеирландского общества и продержавшихся в Ирландии до начала XVII века примитивно-феодальных отношений, а также о переоценке им так называемого гэльского «золотого века».

Однако следует отметить, что его концепция гэльской Ирландии — страны сильного, свободного, не знающего частной собственности и живущего общим трудом народа — была все же ближе к исторической правде, чем созданный буржуазно-националистическими историками «аристократический миф» о древней Ирландии как о сообществе королей, родовой знати и их верных дружинников, в котором не оставалось места общиннику-землепашцу. Резко выступая против этого мифа, Конноли стремился создать у ирландского народа правильное представление о своем историческом прошлом и традициях, использовать последние в интересах борьбы ирландских трудящихся за свое освобождение.

Вторая предлагаемая читателю работа Дж. Конноли, «Отвоевание Ирландии» (1914 год), дополняет и развивает его основные идеи главным образом в свете борьбы ирландского рабочего движения на новом, то есть империалистическом, этапе. Главной задачей ирландского рабочего класса Дж. Конноли считает отвоевание им страны у британских империалистов и их местных союзников. В этой работе Конноли вновь рассматривает английское завоевание со всеми его жестокостями, массовым истреблением и рассеиванием ирландского народа по свету в качестве эмигрантов или каторжных рабов. Он обращает особое

внимание на социальные и экономические результаты завоевания, то есть на лишение оставшихся в стране ирландцев средств производства, на превращение их в бесправных рабов завоевателей и слившейся с ними местной верхушки. Конноли особо рассматривает актуальнейшую для определения перспектив ирландского освободительного движения проблему Ольстера, то есть северной части Ирландии, колонизированной англичанами и шотландцами-протестантами после истребления и вытеснения местного католического кельтского населения. Решительно выступая против утверждения английской колониалистской пропаганды о существовании «исконной вражды» между протестантами и католиками, он убедительно доказывает, что основное деление в ирландском народе происходит не по религиозному, а по классовому признаку. Конноли подчеркивает, что перед трудящимися массами католического юга и протестантского северо-востока стоят одни и те же социально-экономические и политические проблемы: это капиталистическая эксплуатация рабочего класса; разорение ирландской деревни и бесперспективность мелкокрестьянского хозяйства в условиях все усиливающейся крупнокапиталистической конкуренции, тяжелое положение ирландских женщин и невозможность решения женского вопроса при капитализме; жалкий уровень народного образования, антисанитарные условия в школах и губительные последствия этого для здоровья ирландских детей.

В картине нарисованного смелой рукой Конноли грядущего общенародного похода для отвоевания Ирландии есть и определенные изъяны, связанные в первую очередь с анархо-синдикалистскими ошибками автора (они связаны главным образом с американским периодом его жизни и деятельности и участием в «Индустриальных рабочих мирах», а также со слабостью ирландского рабочего движения тех лет). Увлеченный идеей «индустриальной демократии», рабочей власти, возникшей в результате борьбы в индустриальной сфере, он пропагандирует синдикалистский лозунг Единого большого союза, недооценивает роль политической партии рабочего клас-

са как руководителя всенародной борьбы. Однако обладавший тонким чувством политического реализма и умением анализировать создавшуюся ситуацию, Конноли постепенно освобождался от своих ошибок.

Что касается некоторых исторических неточностей в его работе, то они прежде всего объясняются исключительно трудными условиями, в которых создавались его труды. Не имея под руками ни всей необходимой литературы, ни времени, достаточного для более широкого сопоставления ирландской истории с европейской и всемирной, он иногда склонен переоценивать первую. Так, он несколько преувеличивает значение революционного опыта «Объединенных ирландцев» для всего последующего развития европейского социалистического движения; определяет роль У. Томпсона в развитии европейской социалистической мысли без достаточного учета значения и заслуг континентального утопического социализма, включая французский, который, как известно, послужил одним из источников создания научного социализма; некритически оценивает социальные концепции, возникшие в Ирландии в конце XIX — начале XX века в связи с бурным развитием в стране сельскохозяйственной кооперации на капиталистической основе: между намерениями авторов этих концепций и их осуществлением был немалый разрыв.

С другой стороны, Конноли не всегда правильно оценивает роль ирландской буржуазии (особенно мелкой) и оппозиционных английскому владычеству англо-ирландских групп на разных этапах развития освободительного движения. Он выносит необоснованно суровый приговор Дж. Свифту, чьи знаменитые памфлеты, особенно «Скромное предложение...», «Предложение о всеобщем употреблении ирландской мануфактуры» и «Письма суконщика», явились острым разоблачением английского грабежа и порабощения Ирландии. Он не видит известного позитивного вклада, который внесли в борьбу против английского колониального гнета руководители волонтерского движения, а также Д. О'Коннелл.

Однако эти отдельные ошибки не могут помешать

нам правильно оценить огромное значение трудов этого выдающегося пролетарского мыслителя.

Возникшие на базе научного социализма идеи Дж. Конноли, взятые на вооружение передовыми отрядами ирландского рабочего движения, с честью выдержали проверку временем.

После освободительной антиимпериалистической войны 1919—1921 годов Ирландия стала доминионом, а в 1948 году была провозглашена Ирландская республика. В ходе самоотверженной антиимпериалистической борьбы ирландские трудящиеся массы одержали значительные победы. Укрепление политического суверенитета и неприсоединение к военным блокам, зримый рост национальной экономики, образования и культуры — все это не так уж мало для недавно отсталой, разоренной и разграбленной европейской колонии Англии. Но тем не менее поставленные Конноли основные задачи отвоевания Ирландии ее народом по-прежнему актуальны и злободневны. Английский империализм сохраняет прочные позиции в стране. После второй мировой войны резко усилилось проникновение в Ирландию и американского империализма. В последнее десятилетие влияние иностранного империализма на внутреннюю жизнь страны и ее внешнеполитический курс заметно усилилось. В этих условиях пророчески звучит предостережение Конноли: «Если завтра мы вытесним английскую армию, водрузим зеленый флаг над Дублинским замком и не провозгласим социалистической республики, наши усилия пропали даром. Англия будет все же править нами с помощью своих капиталистов, землевладельцев и финансистов, с помощью массы торговых фирм и частных интересов насажденных ею в этой стране»¹.

По-прежнему малоземелье, безработица, необеспеченность, тяжелые жилищные условия омрачают жизнь тысяч ирландских тружеников города и деревни, вы-

¹ См. ст. «Socialism and Nationalism» в сб. «Socialism and Nationalism», Dublin, 1950, p. 25.

нуждают многих из них, как и сотню лет назад, эмигрировать из родной страны. Незавершенной осталась и борьба за политический суверенитет над всей ирландской территорией: север страны, Ольстер, остается под властью Англии. Как и предвидел Конноли, ирландская буржуазия оказалась неспособной осуществить полное политическое и социальное освобождение Ирландии и ее народа. «Спустя сто лет со дня рождения Конноли еще предстоит выполнить задачи, намеченные им»,— писал в 1968 году прогрессивный ирландский публицист А. Рафтери.

Идеи Конноли легли в основу действий Ирландской рабочей партии, как это записано в ее программе, принятой в марте 1962 года. В ней отмечено, что классовый, марксистский анализ, которому Конноли подверг ирландское общество, несмотря на большие изменения последних десятилетий, до сих пор в основном сохраняет свое значение. Перед трудящимися массами Ирландии по-прежнему стоят задачи бескомпромиссной классовой борьбы против иностранного засилья в форме английского империалистического неокOLONиализма, а также против связанного с ним экономически и политически местного крупного капитала. Лишь поражение этих сил может приблизить полное и окончательное национальное и социальное освобождение ирландского народа. Актуальнейшим вопросом дня остается проблема преодоления религиозной розни и объединения демократических сил в целях борьбы с реакцией.

Сейчас, когда в Северной Ирландии достигло невиданно широкого размаха массовое движение за гражданские права, включающее демократов различных политических и религиозных убеждений, вспоминаются слова Конноли о закономерности подобного объединения ирландцев для общей борьбы. Достижение такого объединения являлось одной из основных целей жизни Конноли, за него он боролся, осуществить его завещал своим последователям.

Непреходящее значение имеет последовательный пролетарский интернационализм Конноли, глубокое и действенное осознание им роли ирландского рабоче-

го класса как одного из отрядов великой пролетарской армии, ведущей борьбу против общего врага. Глубоко чуждый всякой национальной ограниченности, он в течение многих лет активно боролся против ирландских буржуазных националистов, пытавшихся повести за собой рабочее движение. «Для меня социалист любой страны — товарищ и друг, — писал Конноли, — тогда как капиталист моей собственной страны — естественный враг»¹.

Рассматривая и прошлое, и современность с позиций классовой борьбы, возможность победы рабочего класса он видел лишь в революционном переходе к социализму под руководством рабочего класса. Конноли был непоколебимо убежден в том, что именно последний является основной силой, способной перестроить старый мир и создать на его месте новое справедливое общество.

Теоретическая и практическая деятельность Конноли явилась в ирландских условиях практическим воплощением соединения воедино рабочего и социалистического движения с национально-освободительным движением. Настойчиво и успешно отстаивая в этом союзе ведущую роль рабочего класса и его организаций, Конноли рассматривал национально-освободительную борьбу как составную часть общей революционной борьбы за социализм.

Прошло более полувека со дня гибели Джеймса Конноли, но его труды и его идеи реакции уничтожить не удалось. Они по-прежнему в строю.

А. Колпаков

¹ См.: «A Continental Revolution» в: «A Socialist and War», Lnd. 1941, p. 29.

**РАБОЧИЙ КЛАСС
В ИСТОРИИ ИРЛАНДИИ**

Введение

В своей замечательной работе «Становление Ирландии и ее гибель», представляющей единственный известный нам вклад в изучение ирландской истории и соответствующей уровню современной исторической науки, Стопфорд Грин, рассматривая, как влияет на Ирландию рассеивание ирландской нации во времена Генриха VIII и Елизаветы, а также последующие разрушения гэльской культуры и разрыв с гэльскими традициями и законом, утверждает, что ирландцы, получившие образование за границей, отказались от традиций древнего Эрина или же ничего не знали о них и не сочувствовали ни духу кодекса Брегона *, ни социальному порядку, юридическим выражением которого был этот кодекс. Автор считает, что эти ирландцы «насаждали теорию, весьма враждебную древнему закону Ирландии и утверждающую, что только в грязных притонах еретиков могла возникнуть идея, будто людям позволено самим избирать правителя и даровать верховную власть любому, кто им понравится». Другими словами, новые ирландцы, получившие заграничное воспитание, приняли как свою собственную феодально-капиталистическую систему, выразителем которой на ирландской почве была Англия, и навязали эту систему гэльским ирландцам. Разгон кланов Кромвелем окончательно покончил с гэльской Ирландией; с этого времени высшее образование ирландцев осуществлялось по иностранным образцам и было окрашено чужеземным колоритом.

Другими словами, гэльская культура ирландской клановой системы в семнадцатом веке была грубо разрушена, и вместо нее в умах ирландских студентов насаждались континентальные доктрины европейских

* Кодекс Брегона — свод правовых норм и установлений в древней Ирландии (Эрине). (Здесь и далее примечания редакции.)

деспотов, после чего этих студентов отправляли обратно в Ирландию проповедовать фанатическую веру в королевскую и феодальную прерогативы, столь же чуждую духу гэла, как и английский правитель был чужд ирландской земле. Какой свет проливает это на ирландскую историю семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого столетий! Это помогает прояснить подлинное происхождение так называемого ирландского почитания аристократии, о котором столь красноречиво пишут буржуазные шарлатаны от ирландской литературы! Почитание это, как и сама аристократическая каста, имеет иноземное происхождение. И то и другое представляли собой «отвратительные иноземные цветы, процветающие повсюду, чтобы отравить наши долины».

Однако коварная ложь об аристократических тенденциях ирландцев пустила столь глубокие корни в их сознании, что потребуются длительное время, чтобы покончить с ней и заставить ирландцев понять, что вся ортодоксальная концепция ирландской истории за последние 200 лет представляет собой предательство и отказ от лучших традиций ирландской нации. Дело обстоит именно так. Рассмотрим это несколько более детально.

Подобно тому как поток не может подняться выше своих истоков, так и национальная литература не может выйти за пределы морального выражения социальных условий жизни народа, от которого она получает свое вдохновение. Чтобы понять национальную литературу, мы должны изучить социальные и политические условия жизни народа, помня при этом, что его писатели представляют собой продукт этих условий и все, что рождалось в их головах, возникало и формировалось в определенных исторических условиях. Одновременно с утратой своей древней социальной системы Ирландия утратила и свой язык как средство выражения мыслей тех, кто действовал в качестве ее руководителей. В результате этой двойной утраты нация пострадала в социальном, национальном и интеллектуальном отношениях, ибо ее развитие надолго приостановилось.

В течение последних лет семнадцатого, всего восемнадцатого и большей части девятнадцатого столетий ирландцы в социальном и политическом отношениях находились в Европе на положении самых бесправных илотов. Ирландский крестьянин, утративший свое положение свободного члена клана, владевшего клановой землей и контролировавшего совместно с другими управление кланом, превратился в простого арендатора, которого земельный собственник мог безнаказанно подвергнуть выселению, бесчестию и оскорблению. В политическом отношении он был ничем, в юридическом — не имел никаких прав, в интеллектуальном — он опускался все ниже под тяжестью социального унижения и гнетущего бремени бедности. Он был побежден и страдал от всех ужасных последствий поражения, нанесенного тем правящим классом и той нацией, которые всегда действовали по древнему римскому принципу «горе побежденному».

В дополнение к своему унижению, те ирландцы, которые сумели избежать полного разорения и посылали своих детей учиться в чужие края, обнаруживали по возвращении этих «диких гусей» * на родину, что их дети, отправлявшиеся во Францию, Италию или Испанию полные ненависти к английской короне и английскому лендлордизму в Ирландии, возвращались просто католическими приверженцами претендента на английский престол ** и весь престиж, который давала им заграничная ученость, использовали для дискредитации гэльских идей равенства и демократии и внушения подрастающему поколению феодальных представлений о божественном праве короля управлять и обязанности подданных беспрекословно повиноваться. Ирландские студенты университетов на континенте были первыми плодами той политики, которую папство проводит и по сей день с присутствующими ему ловкостью и настойчивостью — настойчивостью, мало изменившейся за прошедшие столетия.

* «Дикие гуси» — прозвище ирландцев, покидавших родину, чтобы избежать чужеземного гнета.

** Имеются в виду Стюарты, бежавшие во Францию после «славной» революции 1688 года.

Эта политика рассматривала католическую Ирландию как простое орудие, которое может быть использовано для духовного отвоевания Англии католицизмом. В восемнадцатом веке подобная политика сделала в Ирландии свое гибельное дело. Оказавшись до смешного бессильной заставить хотя бы одного ирландского труженика в городе или деревне выступить на стороне Стюартов во время шотландских восстаний 1715 и 1745 годов, она в то же время не дала им выступить в своих собственных интересах или хотя бы извлечь пользу из распрей своих врагов. Эта политика сделала еще больше: она убила гэльскую Ирландию; говорящий только по-ирландски католик был бесполезен в Англии в качестве миссионера, а ирландский крестьянин, хранивший язык своих отцов, вполне мог испытывать известное уважение к принципам того социального устройства и той цивилизации, при которых его предки жили и благоденствовали столько лет. Но для французских, испанских или папских покровителей школ на континенте, где получали образование ирландцы, эти принципы были еще более неприемлемыми, чем для английских монархов. Поэтому несчастные ирландцы не только являлись париями в социальной системе того времени, но и лишались надежд на возрождение интеллектуальной жизни с помощью своих детей. Последних учили презирать язык и традиции своих отцов.

Как раз в этот период, когда ирландский крестьянин был низведен до самой низшей точки, когда самое большее, на что он мог надеяться,— это на жалость, подобную той, какой жалели животных, именно в этот период родилась ирландская литература на английском языке. Ее писали не для ирландцев, как подобало подлинно ирландской литературе; она была написана ирландцами об ирландцах, но для английского и англо-ирландского * читателя.

Об ирландце, как его представляет эта английская литература, можно сказать, что он родился со

* Англо-ирландцами обычно называют английские семьи, в течение ряда поколений проживающие в Ирландии.

словами извинения на устах. Его создатели понятия не имели о свободном и независимом сыне гэльской Ирландии, но они знали побежденного, ограбленного, поработанного, огрубевшего, деморализованного ирландца — плод хозяйничания в стране поколений лендлордов и капиталистов; за него-то они и ухватились, его-то и выставили на обозрение всего мира и требуют, чтобы народы приняли его за истинно ирландский тип.

Если он пресмыкался перед представителем королевской власти с покорностью, порожденной тем, что сотни лет он был лишен политического лица и подвергался воздействию чужеземных идей, то на его смирение гордо указывали как на пример «древней кельтской верности наследственной монархии»; если, памятуя о вечном голоде, об изгнаниях, тюрьмах, виселицах и краткосрочной аренде, затуманивавших его рассудок, он унижался перед высшими классами или привязывался к некоторым из их членов подобно собаке, то на его низкопоклонство ссылались как на проявление «древнего ирландского почитания аристократии», а если постоянная необеспеченность жизни порождала в нем неукротимое желание иметь собственный клочок земли, чтобы обеспечить своих близких при той системе, когда земля означала жизнь, то этот возродившийся земельный голод торжественно объявлялся доказательством «ирландской преданности принципу частной собственности». Необходимо понять, что мы говорим не об английских хулителях ирландца, а об его ирландских защитниках. Английский клеветник никогда не причинял такого большого ущерба, какой нанесли эти самозванные толкователи ирландского национального характера. Английский клеветник унижал ирландца в глазах всего мира, ирландские же буржуазные писатели и наставники унижали последнего в его собственных глазах, превознося как достоинство ирландцев любое проявление низкопоклонства, порожденного рабским положением целого ряда поколений. Поэтому, когда ирландец — крестьянин, рабочий или ремесленник — объединялся со своими товарищами, чтобы выступить

против угнетателей в защиту своего права жить на земле отцов, «респектабельные» классы, усвоившие чужеземные идеи, публично осуждали подобный поступок и лицемерно приписывали его «дурному влиянию на ирландский характер плохого английского управления»; когда же изредка какой-либо ирландец, нарушая традиции нации и взбираясь по спинам товарищей, богател или занимал высокое положение, его карьеру рассматривали как пример того, чего могут достичь ирландцы при благоприятных обстоятельствах. Семнадцатое, восемнадцатое и девятнадцатое столетия были для ирландского народа подлинной дорогой скорби. За это время ирландский гэл исчез из поля зрения, а буржуазные политики, капиталисты и духовенство стремились создать вместо него некий гибрид, принявший иностранную социальную систему, иностранную речь и иностранный характер. В своих усилиях усвоить из этих вещей две первые ирландцы, к несчастью, слишком преуспели, преуспели настолько, что сегодня большинство из них и понятия не имеет, что их предки знали когда-то другую систему собственности, а ирландские националисты с трудом овладевают родным языком и говорят на нем с иностранным акцентом *. К счастью, оказалось слишком трудным втиснуть ирландский характер в респектабельную иноземную форму, а его стремление избежать смертельных объятий английской капиталистической традиции подобно тому, как это уже привело к переоценке гэльского языка, по всей вероятности, приведет также и к новым исследованиям и к переоценке той социальной системы, при которой гэл достиг высшей точки цивилизации и культуры в Европе.

При возвращении Ирландии к гэльским принципам общей собственности народа на источники пропитания и существования самым сложным препятствием, которое придется преодолеть, явится противодействие

* Имеется в виду движение за возрождение гэльского языка, начавшееся в Ирландии с конца XIX века среди патристически настроенных кругов как часть более широкого движения за возрождение национальной культуры (Гэльское возрождение).

тех, кто составил свое представление об ирландском характере на основе англо-ирландской литературы. Эта литература, как мы уже объясняли, появилась в период наибольших страданий нашего народа от рабства; она носит все следы своего происхождения, но какой иронией является то, что эти следы рабства рассматриваются нашими учителями как «прирожденные характерные особенности кельта».

Один из этих следов — вера в капиталистическую общественную систему; освобождение от этого признака рабства начинается тогда, когда ирландец начинает понимать, что капиталистическая система — явление, глубоко чуждое Ирландии.

Уже более 250 лет мы сталкиваемся в Ирландии с поразительным явлением — представители высших и средних слоев убеждают ирландских трудящихся, что их священный — национальный и религиозный — долг состоит в том, чтобы поддерживать тот социальный строй, против которого их гэльские предки боролись свыше 400 лет, несмотря на тюрьмы, голод и меч завоевателя. В противоположность норманнам, поселившимся в Ирландии, о которых говорили, что они стали «большими ирландцами, чем сами ирландцы», ирландцы из имущих классов стали большими англичанами, чем сами англичане, и продолжают оставаться таковыми и в наши дни.

Мы надеемся, что эта книга, представляющая собой попытку показать положение обездоленных масс ирландского народа в течение кризисного периода современной ирландской истории, может справедливо рассматриваться как часть литературы Гэльского возрождения. Подобно тому как гэльский язык, презираемый имущими классами, искал и обрел свое последнее пристанище в сердцах и домах «низших сословий», чтобы возродиться здесь в наше время и, как надеется автор, занять в цивилизации место более значительное и прочное, чем прежде, точно так же, по словам Томаса Френсиса Мигера*, «жалкие хи-

* Один из видных участников революционных событий 1848 года в Ирландии.

жины были священными хранилищами, где сберегались и передавались по наследству традиции и надежды Ирландии».

Отступнический патриотизм класса ирландских капиталистов, возникший в результате разрыва с гэльской традицией, отвергает, конечно, эту концепцию, и представители этого класса, сами пропитанные иноземными идеями, будут продолжать бросаться эпитетом «иностранные идеи» в адрес борющейся ирландской демократии. Но подлинное кельтское возрождение в Ирландии, неизбежно ведущее к пересмотру и более глубокому изучению закономерностей и социальной структуры Ирландии в период, предшествующий английскому вторжению, помимо прочих положительных результатов, подтвердит и упрочит правильность вышеупомянутой концепции. До сих пор изучение прежней социальной структуры Ирландии имело один крупный недостаток. При описании и объяснении социальной жизни и обычаев в Ирландии ученый полностью зависел от сделанных ранее описаний и толкований, данных людьми, совершенно не располагавшими необходимыми знаниями и лишенными умения проникать в суть тех фактов и явлений, которые они пытались изучать. Авторы, воспитанные на представлениях феодального или капиталистического социального строя, постоянно старались объяснить ирландские институты в терминах, присущих совершенно чуждому этим институтам порядку вещей. Ирландские титулы, обозначавшие лишь функции, выполнявшиеся их носителями в обществе, эти авторы приравнивали к таким феодальным титулам в Англии, которые они считали аналогичными ирландским, забывая о том, что поскольку одно общество являлось полной противоположностью другому, то и одна группа титулов не могла иметь такое же значение, как другая, а тем более полностью соответствовать ей.

Во многом аналогичную ошибку допускали испанские конкистадоры в Америке, пытавшиеся описать социальные и политические системы Мексики и Перу; результат был тот же — они вносили бесконечную

путаницу при каждой попытке постичь действительное положение в этих странах накануне завоевания. Испанские авторы не могли оторваться умственно от представлений, свойственных социальной структуре континентальной Европы, а отсюда их странные и вызывающие удивление рассказы о деспотических перуанских и мексиканских «императорах» и «дворянах», в то время как на самом деле там существовала сложная родовая система народа, еще не завершившего создание своей государственности. До тех пор пока не был опубликован монументальный труд Моргана «Древнее общество», ученые не имели ключа для изучения местной американской цивилизации. Тот же самый ключ еще отперет двери, за которыми хранятся тайны кельтской цивилизации, и даст возможность массам полнее ознакомиться с ней.

Нам хотелось бы поделиться с читателями двумя соображениями, на которых основана эта книга,—они, как мы полагаем, отражают и опыт прошлого и зрелую мысль настоящего по тем вопросам, которые подвергаются рассмотрению.

Первое. В развитии цивилизации прогресс борьбы за национальную свободу любой угнетенной нации должен с неизбежностью идти вровень с борьбой за свободу наиболее угнетенного класса этой нации, причем изменение экономических и политических сил, сопровождающее развитие капиталистической системы общества, неизбежно ведет к усилению консерватизма нетрудящихся элементов и возрастанию революционной энергии и силы рабочего класса.

Второе. Результатом издавна продолжающейся борьбы Ирландии до сих пор было то, что старые клановые вожди исчезли или же в лице своих вырождающихся потомков пошли на компромисс с беззаконием и вошли в число приверженцев существующего порядка; буржуазия же, выросшая в условиях национальной борьбы и однажды, в 1798 году, почти вынужденная английским экономическим соперничеством возглавить революционную борьбу против политического

деспотизма своих промышленных конкурентов, теперь тоже склонила колени перед Ваалом; тысячами экономических нитей в форме капиталовложений привязана она теперь к английскому капитализму, они идут вразрез с любой патриотической привязанностью, основанной на чувстве или на исторической традиции; один лишь ирландский рабочий класс остается неподкупным продолжателем борьбы за свободу Ирландии.

Этому непокорившемуся ирландскому рабочему классу и посвящает свою книгу один из его числа

Джеймс Конноли.

Уроки истории

История — это только басня, принятая на веру.

Наполеон I

О подчиненном месте, отводившемся рабочему классу в ирландской истории, свидетельствует уже тот факт, что автор считает необходимым объяснить свою цель, прежде чем детально рассмотреть (для пользы своих читателей) положение ирландских рабочих в прошлом и извлечь из этого уроки для руководства движением рабочего класса в настоящее время. Если бы история была тем, чем она должна быть, то есть точным литературным отражением того времени, которое она рассматривает, тогда страницы истории были бы почти целиком заполнены описанием обид и борьбы трудящегося люда, составляющего значительную часть человечества. Но история обычно относится к рабочему классу так же, как политики относятся к отдельному рабочему: презрительно, когда он пребывает в пассивности, с насмешкой, ненавистью и клеветой на него, когда он осмеливается проявить желание сбросить иго политического и социального рабства. Ирландия не составляет исключения из правила. Ирландская история писалась представителями господствующего класса и в интересах господствующего класса.

Если в современной ирландской истории возникал социальный вопрос и проблема рабочего класса и его обид затрагивалась в устных и печатных выступлениях современных ирландских политиков, то всякий раз это происходило лишь потому, что данные вопросы можно было использовать как оружие в борьбе против политического противника, а вовсе не ввиду

того, что лицо, выдвигающее эти проблемы, было убеждено в том, что угнетение рабочего класса действительно является несправедливостью.

Эта книга стремится прежде всего доказать, что это так. Доказать — на основании свидетельств, документальных и иных, иллюстрирующих положение ирландского рабочего класса в прошлом,— что почти все ирландские политические деятели равнодушно взирали на страдания народа, и показать истинную сущность многих политических волнений, происходивших в восемнадцатом и девятнадцатом веках. Особое внимание уделено времени, предшествующему Унии, и приводятся данные о положении Ирландии до и в период деятельности граттановского парламента; обращено также внимание на положение трудящихся города и деревни и на отношение к рабочему классу политических деятелей различных направлений, будь то патриоты или сторонники правительства. Другими словами, мы предполагаем сделать все от нас зависящее, чтобы исправить зло, нанесенное сознательным пренебрежением к социальному вопросу со стороны наших историков, и подготовить путь для того, чтобы другие, более умелые авторы смогли показать читающей публике тот механизм, с помощью которого экономические условия оказывали влияние на ирландскую историю и определяли ее ход.

В качестве преамбулы к этой работе нам представляется необходимым привлечь внимание к ряду особо важных исторических фактов, которые мы считаем существенными для понимания «ирландского вопроса».

Политически Ирландия находилась под английским игом в течение 700 лет и большую часть этого времени являлась ареной постоянных войн ирландцев против английского правления. До 1649 года эти войны характеризовались тем, что были направлены как против политического, так и против *социального* строя, который несли английские завоеватели.

Многие читатели, возможно, будут удивлены, узнав, что вплоть до вышеупомянутой даты основой

общества в Ирландии, за исключением Пейла (маленькой полоски земли вокруг столицы — Дублина), оставалось общинное или племенное владение землей. Ирландский вождь, признаваемый при дворах Франции, Испании и в Риме равным царствующим принцам Европы, в действительности был обязан своим положением согласию своего народа и являлся лишь управляющим делами своего клана, в то время как земля или территория клана находилась полностью вне его частной юрисдикции. В тех частях Ирландии, куда в течение 400 лет после первого (так называемого) завоевания* английские правители не могли проникать иначе, как во главе мощной армии, был неизвестен тот социальный строй, который преобладал в Англии, то есть феодализм, а поскольку эти территории составляли большую часть страны, то постепенно родилось понимание того, что война против чужеземного угнетателя одновременно являлась и войной против частной собственности на землю.

С насильственным разрушением клановой системы в 1649 году социальный аспект ирландской борьбы исчез и она предстала как чисто политическая борьба за освобождение. Такой результат был в любом случае неизбежен. Общинное владение землей, несомненно, уступило бы место частновладельческой системе капиталистического лендлордизма, даже если бы Ирландия оставалась независимой страной, но поскольку это произошло под давлением иноземной вооруженной силы, а не в результате действия внутренних экономических сил, эта перемена вызвала горькое и справедливое негодование широких масс ирландцев, многие из которых еще смешивали свои мечты о свободе со стремлением вернуться к древней системе земельного держания, ставшей теперь органически невозможной. С уничтожением кланов их вожди, естественно, перестали играть руководящую роль и ир-

* То есть после первого вторжения англичан в Ирландию в 70-х годах XII века, завершившегося установлением их военного и политического контроля над частью острова.

ландская аристократия *теперь формировалась из чужеземцев или предателей*, вследствие чего ирландское патриотическое движение полностью попало в руки среднего класса и стало по большей части просто идеализированным выражением интересов буржуазии.

С этого времени представители буржуазии в прессе или на трибуне последовательно стремились выхолостить ирландское национальное движение, исказить ирландскую историю и прежде всего отрицать всякую связь между социальными правами ирландских тружеников и политическими правами ирландской нации. Таким путем стремились создать то, что называли «подлинным национальным движением» — то есть движением, в котором каждый класс признавал бы права других классов и все классы, отложив свои споры, объединились бы в национальной борьбе против общего врага — Англии. Излишне говорить, что единственным классом, обманутым подобными фразами, явился рабочий класс. Когда вопросы классовых интересов исключаются из публичных дискуссий, от этого выигрывает имущий консервативный класс, для которого такое исключение — единственная надежда сохранить свои позиции. Подобно опекуно-мошеннику, буржуа ничего так не боится, как беспристрастного и сурового расследования законности его прав на собственность. Поэтому-то буржуазная пресса и политики постоянно стараются подогреть в рабочем классе лихорадочный интерес к тем вопросам, которые лежат вне сферы его собственных классовых интересов. Война, религия, нация, язык, политическая реформа, патриотизм — независимо от подлинного значения, которое они могут иметь, — все служит в руках имущего класса отвлекающим средством, предназначенным отвлечь социальную революцию, вызывая повышенный интерес к тем политическим проблемам, которые в наименьшей степени являются областью экономического исследования и поэтому далее всего отстают от классового сознания пролетариата. Ирландский буржуа давно сведущ в подобных приемах, и, следует

признать, он нашел в отечественном рабочем классе весьма податливый материал.

На протяжении последнего столетия каждое поколение оказывалось свидетелем попытки восстания против английского правления. Каждый такой заговор или восстание черпали большую часть своих сторонников из низших слоев населения города и деревни, однако под влиянием небольшого числа буржуазных доктринеров социальные вопросы решительно исключались из программ действий, принимавшихся восставшими на случай их успеха; делалось это в надежде на то, что отказ от решения социальных вопросов поможет снискать доверие высших классов и вовлечь их в борьбу за свободу. Результат почти всегда был одинаков. Рабочие, хотя именно они и поставляли значительную часть рекрутов в ряды революционеров и соответственно жертв тюрем и эшафота, не могли в целом проникнуться революционным духом, необходимым для того, чтобы подвергнуть серьезной опасности владычество, укрепившееся в сердце страны за 700 лет. Все они стремились к свободе, но, ясно отдавая себе отчет в громадном перевесе сил на стороне противника и слыша от своих лидеров, что им *даже в случае успеха не следует ждать какого-либо ослабления социального гнета, которому они подвергались*, уклонялись от борьбы, и лишь самые сознательные и рыцарственные представители рабочего класса оставались, чтобы встретить лицом к лицу эти превосходящие силы и насытить мстительность тирана,— предостережение тем во всех странах, кто пренебрегает той жизненной истиной, что успешные революции — плод не нашего сознания, а созревших материальных условий.

Высший класс также отвечал презрительным молчанием на увещевания буржуазных патриотов. Представители высшего класса держались за свою собственность, земельную и прочую, и чувствовали, что под защитой Англии она находится в большей безопасности, тогда как в случае успешного исхода революционного восстания они отнюдь не могли быть

уверены в ее судьбе. Поэтому класс лендлордов продолжал оставаться лояльным к Англии, и в то время как буржуазные поэты и романисты были полны восторженных надежд на «союз классов и символов веры», аристократия удовлетворяла свои частные интересы за счет своих арендаторов с такой безжалостностью, которая угрожала обезлюдить страну и даже вынудила английскую консервативную газету, лондонскую «Таймс», заявить, что «имя ирландского лендлорда внушает отвращение христианскому миру».

Следует помнить как предостережение против повторения подобного безрассудства в будущем, что то же самое поколение ирландских лендлордов, к которому были обращены красноречивые мольбы Томаса Дэвиса, в годы голода* «осуществляло свои права железной рукой и с наглым бесстыдством отказывалось от своих обязанностей».

Мелкая буржуазия дала в прошлом национальному делу много бескорыстных патриотов, но в целом, охотно готовая угождать своим бедным соотечественникам и кричавшая громче других (чтобы примириться с собственной совестью) о своей неустанной преданности делу свободы, она как класс постоянно стремилась направить общественное мнение в русло конституционной агитации за такие реформы, которые, будучи способны устранить раздражающую и излишнюю бюрократию, оставляли в то же время нетронутой основу национального и экономического угнетения. Такая политика давала представителям буржуазии возможность маскироваться под патриотов перед легкомысленной толпой и в то же время придавала больший вес их словам, когда в качестве «патриотических лидеров» они раскритиковывали любое серьезное революционное движение, которое могло потребовать от них больших доказательств их искренности, чем те, которые доставлялись силой их легких, или

* Имеются в виду 1845—1848 годы, когда голод и болезни унесли в могилу более 1 миллиона ирландцев и заставили эмигрировать почти 2 миллиона человек.

жертв, бóльших, чем те, на которые они могли быть способны. 48-й и 67-й годы, «Молодая Ирландия» и фенианское движение классически иллюстрируют эту политику ирландской буржуазии.

Таково наше мнение об ирландских политических деятелях и ирландской истории. Следующие главы представят читателям факты, на которых оно основано.

Якобиты и ирландский народ

Если когда-либо было время, когда люди, занимающие общественные посты, должны высказываться ясно, если когда-либо было время, когда *эти бичи человеческого рода, называемые политиками*, должны отбросить свои коварство и ухищрения, то это именно наше время. Поверьте, что народ этой страны не желает больше терпеть, чтобы его благоденствие было игрушкой немногих семейных клик; поверьте, что народ убежден в том, что его истинные интересы состоят в подавлении самозванцев, которые не имеют в виду другой цели, кроме возвеличения самих себя и своих семей за счет общества, и в выдвижении таких людей, которые будут представлять нацию, будут ответственны за нацию и будут вершить делами нации.

Из выступления Артура О'Коннора в ирландской палате общин 4 мая 1795 года

Новая история Ирландии, в строгом понимании этого слова, должна начинаться с 1691 года, с завершения войн Вильгельма III. Вся политическая жизнь Ирландии в течение последующих 200 лет носила отпечаток этих событий и может быть понята лишь в свете столкновения между Яковом, королем Англии, и претендентом на его трон — Вильгельмом, принцем Оранским. Ирландская политическая жизнь вплоть до настоящего времени определялась тем, в каком свете рассматривали различные группы ирландского народа длительный конфликт, закончившийся капитуляцией Сарсфилда и сдачей гарнизона Лимерика осаждавшим войскам Вильгельма. Однако во всей истории Ирландии не было другой такой войны, в исходе которой ирландский народ имел бы так мало оснований быть заинтересованным. К несча-

стью, не подлежало сомнению, что ирландские католики в то время как львы сражались за короля Якова, что они проливали свою кровь как воду и расточали свои богатства как мусор в стремлении сохранить трон королю Якову. Но несомненно также и то, что вся эта борьба не имела ни малейшего отношения к ирландскому народу, что король Яков был одним из наиболее никчемных представителей никчемного рода, когда-либо сидевших на троне, что «бессмертный, славный и благочестивый» Вильгельм был простым авантюристом, сражавшимся за свои собственные интересы, а его армия набиралась из полунищих вояк, для которых протестантизм значил так же мало, как и человеческая жизнь, и что ни одна из армий не имела ни малейшего права считаться патриотической армией, сражавшейся за свободу ирландского народа. Хвалебные гимны, расточаемые Сарсфилду и якобитской армии, тоже отнюдь не заслужены ими, и еще вопрос — не осудят ли их в век более просвещенный и патриотический, чем наш, почти как предателей за их действия, отвлекавшие ирландцев от служения делу свободы своей страны и втягивавшие их в борьбу на стороне иноземного тирана — тирана, который даже в разгар борьбы ирландцев в его пользу противодействовал усилиям парламента в Дублине уничтожить верховенство английского парламента над Ирландией.

Борьба между Вильгельмом и Яковом представляла угнетенному ирландскому народу блестящую возможность добиться свободы, пока силы их угнетателей были расколоты гражданской войной. Эта возможность была утрачена, и угнетенный народ принял сторону той или другой соперничающей клики своих врагов. Причину этого найти не трудно. Католическое дворянство и знать, стоявшие тогда во главе ирландского народа, все до единого обладали значительной собственностью в стране, собственно-стью, на которую они, несмотря на их католицизм, имели *не больше прав, чем самый последний авантюрист из армий Кромвеля или Вильгельма*. Земли, которыми они владели, принадлежали в прежние вре-

мена ирландскому народу — иными словами, это были земли кланов.

Крестьянство, как таковое, низведенное затем на положение простых арендаторов, было в то время полноправным собственником земли, тогда как якобитское рыцарство короля Якова состояло или из потомков тех, кто приобрел свою собственность в результате более ранних земельных конфискаций в ходе завоевания, или же из людей, ставших на сторону угнетателей против своих соотечественников и за эту измену получивших возможность удержать свою собственность, или, наконец, из тех, кто согласился получить от английского правительства документ, дающий право личного владения землей, принадлежавшей ранее членам их клана *. От такого рода людей невозможно было ожидать подлинно национальной деятельности, и сначала и до конца они действовали исключительно как английская клика. В каких бы вопросах они ни расходились со сторонниками Вильгельма, по крайней мере в одном они были полностью согласны с ними — в том, что ирландский народ должен остаться в подчинении; поэтому легко понять, что если бы даже война закончилась полным поражением сторонников Вильгельма и триумфом Якова, то участь ирландцев — и как землевладельцев и как нации — не могла бы существенно улучшиться. Несомненный патриотизм рядовых бойцов не может поставить под сомнение справедливость этого вывода. Увидев нового врага, пришедшего из Англии, они сразу же, великодушно, но глупо, готовы были приписывать старому врагу, ранее укоренившемуся в Ирландии, все добродетели ирландцев-патриотов.

Чтобы ярче проиллюстрировать нашу точку зрения на сущность якобитского руководства в Ирландии, мы можем привести данные результатов «великого земельного урегулирования» 1675 года. К это-

* В 1605 году английские правящие круги объявили ирландские кланы распущенными. Отныне родовая ирландская знать должна была владеть землей как феодальные держатели английской короны.

му времени было обследовано 11 миллионов акров, из которых 4 миллиона в результате предшествующих конфискаций находились во владении протестантских поселенцев.

Этих земель не касались, а остальные были распределены таким образом:

Солдатам, участвовавшим в ирландских войнах [то есть в завоевательных войнах против ирландского народа. — <i>Перев.</i>]	— 2 367 715 акров
Сорока девяти офицерам	— 497 001 акр
Предпринимателям (которые ссужали деньги на ведение военных действий)	— 707 321 »
Поставщикам (которым земли были обещаны)	— 477 873 акра
Герцогу Ормонду и полковнику Батлеру	— 257 518 акров
Герцогу Йоркскому	— 169 436 »
Протестантским епископам	— 31 526 »

Земли, оставленные католикам, были распределены среди католических «джентльменов» следующим образом:

Тем, кто был объявлен «невиновным», то есть тем, кто стал на сторону правительства и не сражался за свободу	— 1 176 570 акров
Поставщикам	— 497 001 акр
Пожалования	— 68 260 акров
Возмещение убытков	— 55 396 »
Тем, кто при Якове I был переселен в Коннаут*	— 541 330 »

Таким образом, очевидно, что, за исключением земель в Коннауте, все земли, находившиеся во владении католического дворянства, повсюду в Ирландии были землями, полученными одним из ранее описанных способов — либо в результате завоевания, либо за предательство. Но даже в Коннауте земли джентри являлись феодальными держаниями от английского короля, и, следовательно, их владельцы вступили в прямое соглашение с захватчиками, с

* Западная неплодородная и в климатическом отношении более суровая часть Ирландии, куда английские власти насильственно переселяли обезземеленных ирландцев.

тем чтобы отвергнуть общинные права клана ради своих личных притязаний. В этом состояла тогда подлинная причина нежелания ирландских лидеров того времени поднять штандарт ирландской нации вместо знамени английской клики. Они сражались не за свободу, не за возвращение ирландскому народу его прав, но прежде всего за то, чтобы тому классу, который тогда пользовался привилегией грабить ирландский народ, не пришлось бы уступить в свою очередь новой шайке земельных хищников. Сплошь и рядом их попытку отменить закон Пойнингса [который подчинил дублинский парламент парламенту в Лондоне. — *Ред.*], а также и другими путями придать большую законодательную силу решениям дублинского парламента рассматривали как доказательство искреннего желания освободить страну, а не просто как стремление упрочить собственную власть. Однако подобные утверждения некоторых авторов — лишь еще одно доказательство трудности постижения исторических событий при отсутствии какого-либо основного принципа, облегчающего решение проблемы.

Мы намерены изложить здесь социалистический подход к истории, чтобы читателю было легче понять, почему в прошлом правящие классы неизменно стремились к завоеванию политической власти как гарантии своего экономического господства — или, проще говоря, социального подчинения масс — и почему свобода рабочих, даже в политическом смысле, неизбежно будет неполной и ненадежной до тех пор, пока они не лишат правящие классы собственности на землю и средств производства. Это ключевое для истории положение, выдвинутое Карлом Марксом, величайшим из современных мыслителей и первым представителем научного социализма, состоит в следующем: экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории.

В Ирландии во время войн Вильгельма преобладающим способом производств и обмена был фео-

дальный способ, основанный на частной собственности на земли, украденные у ирландского народа, и все политические конфликты этого периода вызывались материальными интересами одной группы узурпаторов, желавшей сохранить эти земли, и другой — добывавшейся обладания ими. Иными словами, упоминавшийся выше подход к проблеме якобитского парламента короля Якова помогает сразу выяснить причины так называемых патриотических усилий католического джентри. Усилия эти были направлены на сохранение своих прав на собственность и против английского парламента, стремившегося вмешиваться в эти права или регулировать их.

Так называемый Патриотический парламент в действительности был, подобно всякому другому парламенту, когда-либо собиравшемуся в Дублине, просто сборищем земельных грабителей и их лакеев; их патриотизм сводился к усилиям удержать за собой земли ирландского крестьянства; английское влияние, против которого они протестовали, было влиянием их собратьев-грабителей в Англии, жаждавших получить свою долю добычи; и Сарсфилд со своими сторонниками из-за того, что они вели борьбу против правительства короля Вильгельма, не стали большими патриотами, чем находящийся не у дел ирландский виг, ненавидящий стоящих у власти тори. Войска, сражавшиеся у стен Дерри и Лимерика, были не войсками Англии и Ирландии, а войсками двух английских политических партий, боровшихся за обладание государственной властью; а вожди ирландских «диких гусей» проливали свою кровь на европейских полях сражений не из-за своей верности Ирландии, как считают наши историки, а потому, что связали себя с побежденной стороной в английской политике. Это было ясно доказано действиями старых франко-ирландцев в период Французской революции, когда они целыми отрядами добровольно вступали в английскую армию, чтобы помочь подавить новую французскую республику. В результате Европа стала свидетелем зрелища, когда новые ирландские изгнанники-республиканцы сражались на

стороне Французской революции, тогда как сыновья старых ирландских изгнанников-аристократов сражались под знаменами Англии ради подавления этой же революции. Пришло время научиться видеть и ценить истину в подобных делах, снять с глаз паутину, сотканную нашими невежественными или беспринципными историками-политиканами.

С другой стороны, необходимо помнить, что король Вильгельм, когда он окончательно покорил своих врагов в Ирландии, доказал своими действиями, что, подобно своим противникам, он и его сторонники также руководствовались классовыми чувствами и соображениями. Когда война закончилась, Вильгельм конфисковал полтора миллиона акров и распределил их среди сопровождавших его аристократических грабителей следующим образом:

Лорду Бентинку он предоставил 135 300 акров; лорду Олбемарлю — 103 603; лорду Конингсби — 59 667; лорду Ромни — 49 517; лорду Голуэю — 36 142; лорду Этлону — 26 840; лорду Рочфорду — 49 512; д-ру Лесли — 16 000; Ф. Кейли — 12 000; лорду Маунтджою — 12 000; сэру Т. Прендергасту — 7083; полковнику Гамильтону — 5886 акров.

И потомков этих людей иные кажущиеся здравомыслящими ирландцы считают возможным превратить в «националистов» проповедью «союза классов».

Нельзя также забывать, что король Вильгельм пожаловал 95 тысяч акров, награбленных у ирландского народа, своей любовнице Элизабет Вильерс, графине Оркней. Однако добродетельный ирландский парламент отобрал эту землю и распределил ее среди своих непосредственных союзников — ирландских лоялистов-предпринимателей.

Крестьянские восстания

Позволить небольшой группе людей, местных или чужеземцев, захватить монополию на земельную собственность — нестерпимая несправедливость; существование подобной монополии представляет собой ни более ни менее, как грабеж средств, заработанных тяжким трудом бедноты.

«Айриш пипл» (орган Фенианского братства), 30 июля 1864 года

В предшествующей главе мы отметили, что война Вильгельма во всей Ирландии, от Дерри до Лимерика, с самого начала была войной за господство над ирландским народом и что лидеры обеих сторон игнорировали все вопросы национальной и экономической свободы, очевидно относя их к категории таких вопросов, которые современные их подражатели называли бы «находящимися вне пределов практической политики».

Когда нация наконец, достигла мира и всякие опасения католического или якобитского восстания перестали волновать даже наиболее трусливых мелких сквайров, несчастные ирландские арендаторы — как католики, так и протестанты — ясно увидели, как мало изменений произвела война в их положении как угнетенного класса. Католик, который был настолько глуп, что присоединился в свое время к армии Якова, не мог, естественно, ожидать ничего хорошего от своих победителей — так оно и произошло, — но он мог утешаться, видя, что с рядовыми протестантами из стана его врагов обращались немногим лучше, если вообще можно было говорить о какой-то разнице в обращении. Когда алчная орда авантюристов, поставлявших солдат для вильгель-

мовской армии, насытилась добычей, ради которой она пересекла канал, она проявила не больше желания прислушаться к требованиям простых солдат, мечи которых помогли ей добиться могущества, чем думают об этом наши современные правители, управляющие в работные дома тех жалких глупцов, которые убийствами и грабежами завоевывали для них империю в Индии и Африке.

Вскоре и протестантские и католические арендаторы стали страдать от общего гнета. Вопрос о политическом верховенстве был решен окончательно, и ярмо экономического рабства беспощадно давило на спины трудящегося народа. Представители всех религий страдали от него одинаково. Правда, Карательные законы*, действовавшие тогда против католиков, делали положение католиков из имущих слоев более ненадежным, чем это было бы при других обстоятельствах, но обширной массе населения нищета и бедствия, возникавшие в результате действия экономических законов, приносили несоизмеримо большие страдания, чем те, которые могли когда-либо причинить Карательные законы. На самом деле роль Карательных законов в разорении богатых католиков была намного преувеличена. Классовые интересы, которые во все времена объединяют имущие общественные группы, сделали в значительной степени невозможным осуществление в полном объеме политики преследований. К богатым католикам относились терпимо, они обычно пользовались известным уважением и снисходительностью со стороны богатых протестантов, никогда не распространявших подобную снисходительность на своих протестантских арендаторов и рабочий люд. Дело дошло до того, что, подобно евреям, некоторые католики приобрели известность как ростовщики, и в 1763 году в ирландскую палату общин был внесен билль о предоставлении больших возможностей протестан-

* Карательные законы, принятые после войны 1689—1691 годов, практически лишали католическое большинство ирландского населения гражданских прав.

гам, желавшим занять деньги у католиков. Билль предлагал дать католикам право становиться кредиторами по закладным на земельные владения для того, чтобы протестанты, желающие занять деньги, могли давать закладную на свои земли в качестве обеспечения для кредитора-католика. Билль провалили, однако сам факт внесения его в парламент свидетельствует о том, как мало Карательные законы предотвращали накопление богатств католиками из имущих классов.

Именно социальная система, прочно укоренившаяся на ирландской почве и признанная справедливой всеми представителями правящего класса независимо от их религии, была большим врагом процветания и счастья народа, чем любые законы, которые мог измыслить религиозный фанатизм. Современные ирландские политики, вдохновляемые блаженным незнанием фактов истории или высокомерно равнодушные к их изучению, обычно считают Унию источником всех несчастий Ирландии, но малейшее знакомство с литературой периода, предшествующего Унии, позволяет обнаружить данные о голоде, угнетении и несправедливости, которые были вызваны экономическими причинами и остались непревзойденными в любой другой период современной ирландской истории. Так, например, Свифт, создавший в 1729 году шедевр сарказма, озаглавленный «Скромное предложение, имеющее целью помешать детям ирландских нищих быть бременем для своих родителей и страны, а также указание, каким способом сделать их полезными для общества», был настолько потрясен зрелищем бедности и несчастий, что, хотя и не испытывал любви к народу, для которого не находил лучшего имени, чем «дикие коренные ирландцы», нарисовал наиболее горькую и разящую картину безнадежного отчаяния, когда-либо представленную в литературе. Вот сущность его «Предложения»:

«Какое грустное зрелище для тех, кто ходит по этому большому городу или путешествует по стране и видит, как на улицах, дорогах и у дверей хижин толпятся нищенки, сопровождаемые тремя, четырьмя

или шестью детьми, покрытыми лохмотьями и выпрашивающими у каждого прохожего милостыню... Поэтому я выношу на общественное обсуждение следующее: из имеющихся 120 тысяч детей следует оставить 20 тысяч для воспроизведения породы... а остальные 100 тысяч можно в годовалом возрасте предлагать на продажу лицам, имеющим в этом королевстве положение в обществе и состояние; при этом матерям всегда нужно советовать в последний месяц обильно кормить детей грудью, чтобы сделать их достаточно толстыми и жирными для хорошего стола. Из каждого ребенка можно приготовить два блюда для приема друзей, а когда семья обедает одна, то из передней или задней части тоже может быть изготовлено сносное блюдо, приправленное небольшим количеством перца или соли, остальное мясо можно сварить даже на четвертый день, особенно зимой... Я уже подсчитал, что расходы на прокормление ребенка нищих (а в этот список я включаю всех коттеров*, батраков и четыре пятых всех фермеров) составляют около 2 шиллингов в год, включая лохмотья, и я полагаю, что ни один джентльмен не откажется заплатить 10 шиллингов за тушу хорошего, жирного ребенка, из которой, как я уже говорил, можно будет изготовить четыре великолепных, питательных мясных блюда».

Это, конечно, сарказм, но как ужасна должна была быть та нищета, которая сделала возможным такой сарказм! Как ни велика была нищета, но двенадцать лет спустя она была превзойдена во время голода 1740 года, когда от голода и болезней, ему сопутствовавших, погибло не менее 400 тысяч человек. Это может показаться преувеличением, но оно достаточно подтверждено современными свидетельствами. Так, например, епископ англиканской церкви Беркли писал Томасу Прайору в Дублин в 1741 го-

* Широко распространенная категория полуарендаторов-полубатраков, получавших от лендлорда клочок земли («картофельное поле») с хижинкой.

ду: «На днях я слышал, как некто из графства Лимерик сказал, что целые деревни совершенно обезлюдели. Около двух месяцев тому назад я слышал, как сэр Ричард Кокс говорил, что в приходе умерли пятьсот человек, хотя и в местности, я полагаю, не слишком многолюдно». А в памфлете, озаглавленном «Стоны Ирландии» и опубликованном в 1741 году, утверждалось, что «всеобщий голод сопровождался дизентерией и злокачественной лихорадкой, которые скосили множество людей, так что обезлюдели целые деревни».

Необходимо отметить, что этот голод, подобно любому голоду в наши дни, был вызван исключительно экономическими причинами; беднота всех религий и политических взглядов страдала в равной мере, богачи всех религий и политических взглядов в равной степени не были затронуты голодом. В качестве иллюстрации той манеры, в которой писали историю наемные писаки имущих классов, заслуживает внимания следующее: в то время как вокруг Карательных законов, представляющих чисто академический интерес, возникла многотомная литература, вопрос о причинах голода в Ирландии, имеющий чрезвычайную историческую и практическую важность, до сих пор не может претендовать на какое-либо внимание, исключая скудные и неизбежные упоминания в трудах по национальной истории.

Страна еще не оправилась от ужасных последствий этого голода, когда дальнейшее экономическое развитие снова вызвало страшное отчаяние населения. Болезнь поразила и уничтожила громадное количество скота в Англии, и аристократические правители этой страны, опасаясь, как бы последующее повышение цен на мясо не привело к требованию повышения заработной платы со стороны английского рабочего класса, отменили эмбарго в английских портах на ирландский скот, мясо, масло и сыр, установив таким образом в какой-то степени свободную торговлю этими товарами между двумя странами. Непосредственным результатом этого явилось установление в Англии таких цен на эти товары, что в сравне-

нии со скотоводством земледелие в Ирландии стало невыгодным, и все усилия были направлены на превращение пахотной земли в пастбища для овец и рогатого скота. По всей стране лендлорды стали сгонять с земли своих арендаторов, сводя на нет мелкие фермы и даже захватывая деревенские общинные земли и пастбища, что приводило к самым губительным результатам для трудящегося люда и особенно для коттеров. Там, где раньше сотня семей получала средства к существованию либо со своих маленьких ферм, либо нанимаясь в батраки к крупным фермерам, теперь их место заняла дюжина пастухов. Немедленно по всей Ирландии возникло большое число тайных обществ, объединявших обездоленных людей, которые старались противозаконными действиями и насильственными методами ограничить жадность своих хозяев и отстоять свое право на существование. Они собирались большими отрядами, обычно в полночь, разрушали изгороди, подрезали поджилки у скота, перекапывали пастбищные земли, чтобы сделать их непригодными, сжигали дома пастухов, короче говоря, запугивали своих притеснителей, стремясь заставить их возвратиться к земледелию и тем самым предоставить больше работы батракам и больше гарантий коттерам. Эти тайные общества называли себя по-разному и часто применяли различные методы, так что теперь невозможно сказать, обладали ли они сплоченной организацией или нет. На юге их повсюду называли «Белыми парнями», в связи с обычаем надевать во время своих ночных экспедиций поверх своей одежды белые рубахи. Около 1762 года они вывесили на заметных местах в сельских округах — особенно в графствах Корк, Уотерфорд, Лимерик и Типперэри — предупреждения, угрожая мстью тем, кто вызвал их недовольство: скотоводам, лендлордам, выселяющим своих арендаторов, и т. д.

Эти прокламации подписывались вымышленным женским именем, иногда «Сайв Ултах», а иногда они вывешивались от имени «Королевы Сайв и ее подданных». Правительство самым жестоким образом преследовало этих бедняг: виселицы, расстрелы, бессроч-

ная ссылка за океан, полуночные облавы по деревням в поисках подозреваемых в принадлежности к «Белым парням»; поймав этих несчастных, их тащили к судьям, которые никогда не снисходили до того, чтобы услышать какие-либо свидетельства в пользу арестованных, и приговаривали их к таким наказаниям, какие только могли подсказать мстительный классовый дух или испорченное пищеизарение.

Об отношении правящего класса к этим бедным взбунтовавшимся рабам можно судить по двум случаям, служащим примером того, как объединялись между собой католические и протестантские собственники, стремясь закрепить несправедливость и удерживать свои привилегии; объединялись даже в то время, когда, как нас убеждали, Карательные законы создали непреодолимые барьеры на пути такого союза. В 1762 году правительство обещало награду в 100 фунтов стерлингов за поимку пяти руководителей «Белых парней». Протестантские жители города Корка предложили добавить еще 300 фунтов стерлингов за поимку руководителя и по 50 фунтов стерлингов за каждого из пяти его ближайших сподвижников. Богатые католики того же города немедленно добавили к вышеназванной сумме еще 200 фунтов стерлингов за главного руководителя и по 40 фунтов стерлингов за каждого из ближайших его помощников. Это было в то время, когда английский вице-король лорд Честерфилд заявил, что если бы войска истребили хотя бы вполовину меньшее число лендлордов в сравнении с убитыми ими «Белыми парнями», то этим более заметно содействовали бы восстановлению спокойствия. Замечание это дает некоторое представление о резне, произведенной среди крестьян.

Однако Флуд *, знаменитый протестантский «патриот», которого воспевают Дэвис:

* Г. Флуд — один из руководителей англо-ирландской оппозиции конца XVIII века безраздельному английскому господству в Ирландии.

Благословен будь, Гарри Флуд,
Ты, что за нас стоял всегда
Все эти мрачные года,

этот самый Флуд в ирландской палате общин в 1763 году яростно обвинял правительство в том, что оно уничтожило слишком мало «Белых парней», и назвал это «снисходительностью».

Социальные волнения и политические коршуны и вороны

Когда вперед выдвигается аристократия, народ отступает, когда вперед выступает народ, то аристократия, боясь остаться позади, втирается в наши ряды и возвышается в качестве трусливых лидеров или вероломных помощников.

Из Тайного манифеста создателей общества «Объединенные ирландцы», 1791 год

На Севере Ирландии были известны такие тайные крестьянские организации, как «Дубовые парни» и «Стальные сердца», или «Стальные парни». Первые выступали главным образом против системы принудительного ремонта дорог графств, которая требовала от них бесплатного труда; излишне говорить, что эта система предоставляла местному джентри все возможности использовать даровой труд для улучшения своих имений и частных дорог под предлогом служения общественным целям. Организация «Дубовые парни» была особенно сильна в графствах Монахан, Арма и Тайрон. В памфлете, опубликованном около 1762 года, говорится о восстании крестьян в первом из названных графств и о «героических подвигах» офицера, командовавшего войсками, направленными на подавление восстания; сообщение об этом весьма напоминает современные корреспонденции в английских газетах о карательных экспедициях британской армии против «занимающихся мародерством» горных племен Индии или «разбойников» Бирмы. Памфлет озаглавлен: «Истинный и правдивый отчет о недавних восстаниях на Севере с повествованием о кампании полковника Кута против «Дубовых парней» в графстве Монахан».

Автор рассказывает, как, услышав о восстании, храбрый британский офицер направился со своими солдатами к городу Каслблейни; как на своем пути он видел многочисленные отряды крестьян, шедших в том же направлении, каждый с дубовой веткой или прутиком, воткнутым в шляпу, в знак своих изменнических симпатий; как, вступив в Каслблейни, он приказал народу разойтись, но встретил отказ и даже враждебные манифестации; после этого он нашел убежище в Маркет-хаузе и приготовился защищаться, если будет необходимо, но, пробыв в этой цитадели всю ночь, наутро обнаружил, что мятежники покинули город. Имеется также отчет о вступлении того же доблестного военачальника в город Бэллибей, где он увидел, что все дома закрыты, а в окнах каждого гордо выставлена дубовая ветвь и, по-видимому, все население приготовилось отчаянно сопротивляться. Решив, очевидно, действовать первым и таким образом вызвать ужас, доблестный офицер и его люди приступили к аресту зачинщиков; после суровой борьбы им удалось ворваться в несколько хижин бедняков и арестовать какого-то человека, которого они потащили в город Монахан, для того чтобы там поступить с ним по всей строгости того закона, в котором даже и намек не было на справедливость.

В городе Клонес, сообщают нам, жители оказали на рыночной площади открытое сопротивление королевским войскам и, разумеется, потерпели поражение. Монаханские «Дубовые парни» были затем отеснены за пределы их собственного графства в Арма, где они оказали сопротивление в последний раз, но были атакованы и разбиты в «ожесточенном сражении», о напряженности которого свидетельствует тот факт, что о потерях со стороны правительственных войск не упоминалось вовсе.

Однако в целом народ относился к принудительным и бесплатным дорожным работам столь отрицательно, что правительство впоследствии вынуждено было отменить эту практику, учредив местный дорожный сбор для оплаты необходимого труда в форме налога на собственников и арендаторов собственности

данного округа. Излишне говорить, что бедные крестьяне, брошенные в тюрьму за свои попытки исправить то, что само правительство таким изменением закона признало несправедливостью, были оставлены гнить в камерах. Такова обычная судьба пионеров реформы.

«Стальные парни» являлись более грозной организацией и имели свои опорные пункты в графствах Даун и Антрим. Они были по большей части пресвитерианами или членами других сект, отколовшихся от англиканской церкви, и, подобно «Белым парням», стремились к отмене или сокращению церковной десятины и к ограничению системы укрупнения ферм ради нужд скотоводства *. Они съезжались вместе из отдаленных мест, часто появлялись вооруженными и передвигались довольно дисциплинированно, очевидно выполняя указания, полученные из единого центра. В 1772 году шестеро из них были арестованы и помещены в городскую тюрьму Белфаста. Немедленно собрались тысячи их союзников, которые среди бела дня направились к городу, овладели им, штурмовали тюрьму и освободили своих товарищей. Эти смелые действия привели в ужас господствующие классы; на место событий были направлены войска и приняты все меры для ареста руководителей. Из большого числа арестованных была отобрана группа для судебного процесса, но присяжные Белфаста — то ли они были запуганы, то ли просто сочувствовали заключенным, сказать трудно, — отказались признать подсудимых виновными, а когда разбор дела был перенесен в Дублин, то и тут правительству не повезло. Отказ присяжных признать виновность подсудимых был, возможно, в значительной степени вызван непопулярностью только что введенного тогда акта, который давал возможность правительству судить лиц, обвиненных в аграрных преступлениях в другом графстве, а не в том, где они жили. Когда этот акт был отменен, приговоры и казни возобновились с прежней интенсивностью. Тела многих крестьян раскочи-

* При этой системе мелкие фермы ликвидировались, а арендаторы-земледельцы изгонялись с насиженных мест.

вались на виселицах, а те, кому сохранили жизнь, были обречены хиреть и гибнуть в грязных пределах тюремного ада, чтобы насытить мстительность господствующих классов. Артур Юнг в своем «Путешествии по Ирландии» так описывает то положение, против которого восставали эти несчастные крестьяне:

«Лендлорд в Ирландии едва ли может изобрести такое приказание, которое бы слуга, батрак или коттер осмелился не выполнить... За непочтение или что-либо похожее на дерзость он может наказать своей палкой или хлыстом с полной безнаказанностью. Бедняк не соберет костей, если осмелится поднять руку в свою защиту... Влиятельные лендлорды уверяли меня, что многие из их коттеров считают себя польщенными, посылая своих жен и дочерей в постель хозяина,— признак рабства, свидетельствующий, под каким гнетом должен жить этот народ».

Внимательный исследователь заметит, что «патриоты», действовавшие на политической арене в рассматриваемый нами период, никогда не поднимали голоса протеста против подобной социальной несправедливости. Подобно их сегодняшним подражателям, они рассматривали нищету ирландского народа лишь как удобный предлог для политической агитации; и, подобно их сегодняшним подражателям, они готовы были превзойти даже само правительство в своих обвинениях в адрес всех тех, кто более честно, чем они сами, стремился найти радикальные средства искоренения этой нищеты.

Говоря о патриотическом трио — Свифте, Молине и Лукасе,—можно отметить, что их борьба являлась просто повторением борьбы, которую в свое время вел Сарсфилд и его соратники; естественно, изменились фигуры и сценические костюмы, но не изменился характер борьбы; по-прежнему это была битва между коршунами и воронами.

Они ощущали себя членами привилегированного класса, живущего за счет грабежа ирландского народа, но рано с тревогой обнаружили, что не могут удержать своих позиций без помощи английской армии; за предоставление же этой армии английский

правлящий класс решил получить львиную долю награбленного. Ирландский парламент был, по существу, английским учреждением; ничего подобного до норманского завоевания не существовало. В этом отношении парламент имел ту же самую основу, что и лендлордизм, капитализм и их незаконное детище — пауперизм. Англия послала стаю авантюристов завоевать Ирландию; частично преуспев, эти авантюристы учредили парламент, чтобы улаживать свои собственные споры, измышлять меры для ограбления коренного населения и оберегать награбленное от притязаний остававшихся в Англии собратьев-тиранов. Со временем часть захватчиков, укоренившихся в Англии, потребовала права контроля над действиями авантюристов в Ирландии, а следовательно, и над их парламентом. Отсюда и закон Пойнингса, и подчинение дублинского парламента парламенту в Лондоне. Обнаружив, что это подчиненное положение парламента дает возможность английскому правящему классу лишать ирландских тружеников плодов их тяжелого труда, наиболее дальновидные представители привилегированного класса Ирландии испугались, как бы это ограбление не привело к тому, что им самим нечем будет кормиться.

Они сразу же стали патриотами, стремившимися, чтобы Ирландия (что для них означало — правящий класс Ирландии) освободилась от контроля со стороны английского парламента. Их памфлеты, речи и все публичные заявления имели цель поведать миру, насколько для ирландского народа будет приятнее, справедливее, восхитительнее подвергаться ограблению исключительно со стороны отечественной аристократии, чем наблюдать печальное зрелище, как эта аристократия вынуждена делить добычу со своим английским соперником. Может быть, Свифт, Молине и Лукас не признавались даже самим себе, что на этом было основано их политическое кредо. Человеческий род во все времена проявляет склонность наводить глянец на свои наиболее низкие поступки с помощью благовидного притворства и прикрывать даже несправедливости очарованием ложной чувствительно-

сти. Но мы имеем дело не с видимостью, а с реальностью, и, чтобы быть честными перед самими собой, должны разоблачать пустую софистику, которая стремится придать грязной, своекорыстной борьбе видимость патриотического движения. В своем противодействии народному движению «патриотические» политики и правительство составляли единое целое.

В ходе борьбы против десятины крестьяне Манстера в 1786 году опубликовали замечательный документ, который мы приводим здесь как отражение настроений жителей периферии того времени. Этот документ был в то время напечатан во многих газетах, а затем издан в виде отдельного памфлета в октябре того же года.

Письмо к крестьянам Манстера

«Чтобы устранить плохое впечатление, произведенное клеветой наших врагов, мы просим разрешить представить на ваше рассмотрение свою просьбу о защите проявляющих человеколюбие джентри и ваших покорных просителей, если названная просьба покажется вам справедливой и благоразумной.

Всегда, в любой стране и при любой религии, священники обычно бывают хитрыми захватчиками, цепко держащимися за свои несправедливо приобретенные привилегии. Часто из-за столкновения их интересов и мнений этот обреченный остров заливался христианской кровью.

Каких-нибудь тридцать лет назад наши несчастные отцы, измученные сверхчеловеческими страданиями, подобно пойманному льву, тщетно бьющемуся в цепях, неистово боролись, чтобы разорвать их в куски; но вместо этого заклепали их еще более прочно. Истощенные кровавой борьбой бедняки этой провинции подчинились угнетению и откармливают своей кровью каждого кровопийцу — вымогателя десятины.

Падкий до излишеств приходский священник, роскошествуя за своим столом, заглушал горькие стоны тех несчастных, которых обдирает его поверенный, а жалкие остатки после этого грабежа подбирались

тем же жадным священником; но жаловаться на него считалось богохульством; небеса, как мы считали, разразились бы молнией, чтобы уничтожить того негодяя, который жалел отдавать святому отцу его долю. Подвергаясь такому грабежу со стороны духовенства любой религии, мы желали возврата наших бесхитростных друидов*.

Однако сострадательным небесам было угодно рассеять мрачные облака фанатизма, так долго нависавшие над нами. Яркие лучи терпимости осветили как крестьянскую хибарку, так и роскошный помещичий дом. О'Лири рассказал нам простыми словами монаха, что бог всеобщей любви не ограничил возможность спасения лишь одной какой-то сектой и что свобода выбора для подданного была бы лучшим украшением короны.

Достигнув такого улучшения в нашей религиозной и политической жизни... мы намерены проявлять при каждом удобном случае изменения, происходящие в наших чувствах, и надеемся преуспеть в наших искренних попытках. Мы изучили двоякие причины наших бедствий и долго обсуждали, как добиться их устранения, пока наконец наши решения не воплотились в этом мирном обращении.

Наша просьба продиктована человечностью, справедливостью и благоразумием. До тех пор пока откупщик десятины пользуется плодами наших трудов, сельское хозяйство неизбежно будет клониться к упадку, и пока жадный священник требует от жениха больше, чем тот имеет, рост населения неизбежно будет замедляться.

Пусть законодатели помогут нам теперь, и мы навсегда будем им преданы. Наша искренность и глубина нашей преданности, однажды выраженные, никогда не оспаривались, и мы смело должны сказать, что такое пятно никогда не падет на крестьянство Манстера.

На очень многолюдном и мирном собрании делегатов манстерских крестьян, состоявшемся в четверг

* Друиды — языческие священнослужители у древних кельтов.

1 июля 1786 года, было единодушно принято следующее:

Решено, что мы будем продолжать сопротивляться нашим угнетателям всеми допустимыми средствами, какие только имеются в нашем распоряжении, до тех пор, пока или они не пресытятся нашей кровью, или человеколюбие не подымет свой гневный голос в советах нации, чтобы защитить трудящихся крестьян и облегчить их бремя.

Решено, что непостоянство массы людей делает необходимым для всех и каждого из нас дать клятву не платить добровольно священнику или другому духовному лицу более того, что перечислено ниже:

с первого урожая картофеля — 6 шиллингов с акра; со второго урожая картофеля — 4 шиллинга; с урожая пшеницы — 4 шиллинга; ячменя — 4 шиллинга; овса — 3 шиллинга; с лугов — 2 шиллинга 8 пенсов; за свадьбу — 5 шиллингов; за крестины — 1 шиллинг 6 пенсов; за каждую семейную исповедь — 2 шиллинга; приходскому священнику за воскресную мессу — 1 шиллинг; за всякую другую — 1 шиллинг; за соборование — 1 шиллинг.

Подписано
Уильям О'Дрисколл,
генерал манстерских крестьян».

Парламент Граттана

Династии и троны и вполнину не так важны, как мастерские, фермы и фабрики. Правильнее будет сказать, что династии и троны, и даже временные правительства, хороши лишь в той мере, в какой они обеспечивают благоприятные условия, справедливость и свободу для тех, кто трудится.

Джон Митчел, 1848 год

Теперь мы подходим к периоду волонтеров. В 1778 году жители Белфаста, обеспокоенные слухами о предполагаемом десанте французских каперов, направили государственному секретарю по делам Ирландии в Дублинский замок* просьбу о присылке вооруженного отряда для защиты города. Но английская армия задолго до этого была отправлена в Соединенные Штаты — тогда еще мятежные американские колонии Англии, — и в Ирландии практически не было войск. Дублинский замок ответил жителям Белфаста знаменитым письмом, в котором говорилось, что единственной военной силой, имеющейся в его распоряжении для защиты Севера, является «один или два кавалерийских эскадрона или неполная рота инвалидов».

Узнав об этом, народ начал вооружаться сам, и по всей стране стали открыто создаваться отряды волонтеров. Вскоре Ирландия уже имела армию из 80 тысяч ополченцев, полностью экипированных для войны, хорошо обученных, организованных и во всех отношениях равных любому воинскому подразделению, имевшемуся в распоряжении правительства. Все рас-

* Центр английской администрации в Ирландии.

ходы по формированию этой волонтерской армии были оплачены путем подписки среди граждан.

Как только первая угроза иностранного вторжения миновала, волонтеры обратили свое внимание на внутренние дела и начали требовать проведения ряда реформ, для противодействия которым правительство не располагало достаточными силами. В конце концов, после нескольких лет агитации волонтеров и их сторонников, которой противостояли интриги со стороны правительства, партия «патриотов», руководимая Граттаном и Флудом и поддерживаемая моральным (?) давлением волонтерских военных парадов вне стен парламента, сумела добиться от законодательной власти временного отказа от присвоенного английским парламентом права навязывать законы собранию в Колледж-Грин *. Эта мера и уступка, выразившаяся в установлении свободы торговли (что дало возможность ирландским купцам торговать на равных условиях с их английскими соперниками), положили начало тому, что известно в ирландской истории как период граттановского парламента.

В наши дни политики неумоимо и надоедливо внушают, что этот период явился временем беспрецедентного процветания Ирландии и что, следовательно, мы можем ожидать возобновления столь же счастливого состояния с возвращением нашей «отечественной легислативы», как они именуют гомруль — этот мертворожденный продукт политических интриг.

Мы могли, если бы захотели, возразить нашим историкам от политики, указав, что процветание, о котором они говорят, — чисто капиталистическое процветание, то есть процветание, оцениваемое только по объему произведенного богатства и при совершенном игнорировании характера распределения этого богатства среди создающих его рабочих. Так, в предыдущей главе мы цитировали опубликованный манстерскими крестьянами в 1786 году манифест, в котором спустя четыре года после создания граттановского парламента они призывали законодательную власть

* Здание, где помещался ирландский парламент.

помочь им и решили, что, если такая помощь не придет, а она не пришла, «сопротивляться нашим угнетателям до тех пор, пока они не пресытятся нашей кровью», — выражение, которое, как представляется, доказывает, что «процветание» при граттановском парламенте не коснулось Манстера.

В памфлете, опубликованном в 1794 году на Кэпел-стрит, 7 в Дублине, говорилось, что средний дневной заработок поденщика в графстве Мит составлял летом лишь 6 пенсов и 4 пенса зимой; а на страницах правительственного «Даблин джорнэл» и поддерживавшей партию Граттана «Даблин ивнинг пост» от апреля 1796 года можно найти объявление о том, что в приходской церкви на Мит-стрит в Дублине будет произнесена проповедь с благотворительными целями, и в этом же объявлении сообщается, что на *трех улицах* прихода св. Екатерины «не менее 2 тысяч душ умирают от голода». Очевидно, «процветание» не много значило и для жителей прихода св. Екатерины. Однако мы не намереваемся решительно высказываться по этому вопросу в настоящее время. Мы скорее допустим для усиления нашей аргументации, что капиталистическое определение гомруля как «процветания» является правильным и что при граттановском парламенте Ирландия действительно процветала, но мы решительно отрицаем, что подобное процветание чем-то, разве что ничтожно малым, было обязано парламенту. Здесь вновь социалистическая философия истории дает нам ключ к решению проблемы, указывая на экономическое развитие как на истинную первопричину. Внезапный расцвет промышленности в рассматриваемый нами период объясняется почти исключительно введением машин и последовавшим удешевлением промышленных товаров. Это была эра промышленной революции, когда домашнюю промышленность, унаследованную от средних веков, окончательно заменила современная фабричная система.

Ватерная машина, изобретенная Аркрайтом в 1767 году, механическая прялка «Дженни», запатентованная Харгривсом в 1765 году, мюль-машина Кромптона, введенная в 1779 году, и применение в 1788 году па-

рового двигателя в доменных печах — все это позволило удешевить стоимость продукции и таким образом снизить цену на товары во всех отраслях промышленности, затронутых переизменами. Это значительно увеличило число покупателей и тем самым дало мощный толчок развитию промышленности вообще — как в Великобритании, так и в Ирландии. Между 1782 и 1804 годами более чем втрое увеличилась продукция хлопчатобумажной промышленности; между 1783 и 1796 годами льняная промышленность выросла почти в три раза; за восемь лет, между 1788 и 1796 годами, удвоился объем продукции железоделательной промышленности; однако последняя процветала недолго.

Изобретение в 1750 году способа выплавки металла на каменном угле вместо древесного и применение силы пара для подачи воздуха в доменных печах, о чем уже говорилось выше, поставило ирландского промышленника в чрезвычайно невыгодное положение по сравнению с его английским соперником, но в благоприятные дни оживления торговли, между 1780 и 1800 годами, это чувствовалось еще не очень остро. Когда обычная острая торговая конкуренция возобновилась вновь, ирландские промышленники, не имевшие запасов отечественного угля и почти полностью зависевшие от ввозившегося английского угля, оказались не в состоянии конкурировать со своими соперниками в соседней стране, которые, имея обильные запасы угля у своих дверей, обнаружили, что совсем не трудно — еще до появления железных дорог — заполнять рынок дешевыми товарами и разорять несчастных ирландцев. Такая же судьба и по тем же самым причинам выпала на долю и других важных отраслей ирландской промышленности. Период, отмеченный в политическом отношении деятельностью граттановского парламента, был периодом торговой инфляции, вызванной введением механических усовершенствований в основных отраслях промышленности страны.

До тех пор пока машины приводились в действие вручную, Ирландия еще могла удерживать свои позиции на рынках, но когда с 1785 года, хотя еще в небольших размерах, для нужд промышленности на-

чали использовать силу пара и когда был введен механический ткацкий станок, впервые вошедший в употребление около 1813 года, наличие местных угольных ресурсов дало Англии громадное естественное преимущество, что окончательно решило спор в пользу английских промышленников.

Отечественный парламент мог замедлить последующий упадок, тогда как чужеземный парламент мог его ускорить, но в любом случае в условиях капитализма сам этот процесс был так же неизбежен, как и та экономическая эволюция, одним из наиболее значительных признаков которой он являлся. Как мало зависело это от парламента, можно судить, сравнив положение в Ирландии и Шотландии. Фостер заявил в 1799 году в ирландском парламенте, что производство льняных тканей в Ирландии вдвое превысило шотландское. Точные цифры для 1796 года — 23 миллиона ярдов в Шотландии против 46 705 319 ярдов в Ирландии. Это различие в пользу Ирландии он относил за счет деятельности отечественного парламента. Но к 1830 году, согласно Коммерческому словарю Маккуллоха, один лишь шотландский порт Данди экспортировал больше льняных тканей, чем вся Ирландия. Самоуправления были лишены обе страны. Почему же тогда шотландская льняная промышленность развивалась, тогда как в Ирландии та же самая отрасль пришла в упадок? Да потому, что Шотландия имела природные запасы угля и все те благоприятные условия для промышленной деятельности, которых была лишена Ирландия.

Своим «процветанием» в период существования граттановского парламента Ирландия была почти так же мало обязана этому парламенту, как пыль от вращения колеса кареты, была поднята мухой, которая, сидя на карете, видела пыль и воображала себя ее виновницей. Следовательно, подлинное процветание может начаться в Ирландии лишь в результате принятия более действенных мер, чем те, о которых когда-либо помышлял парламент.

Предательство капиталистами ирландских волонтеров

Ты должен в памяти хранить,
Да не прервется эта нить:
Текли прошения, мольбы.
Но оставались мы рабы.
Слова... Так течь бы им и течь,
Да волонтер свой вынул меч.

*Томас Дэвис **

Утверждение, что скоротечное «процветание» Ирландии в изучаемый нами период явилось результатом деятельности парламента Граттана, весьма выгодно тому, кто считает, что, поскольку, мол, законодательная Уния между Великобританией и Ирландией разрушила промышленность последней, постольку отмена этой Унии восстановила бы конкурентоспособность ирландских предприятий. Тот факт, что Уния поставила всех ирландских промышленников в абсолютно равные юридические условия с английскими промышленниками, обычно игнорируется или, хуже того, искажается с целью создать впечатление, будто дело обстоит прямо противоположным образом. И действительно, многие тысячи ирландцев до сих пор верят, что английские законы запретили добычу в Ирландии некоторых видов ископаемых и производство ряда товаров.

Достаточно минутного раздумья, чтобы освободиться от такого представления. Английский капиталист охотно вложит свои деньги в Тимбукту, в Китае, в России или в любом другом месте, где, как он полагает, можно получить прибыль, даже если это будет на территории его смертельного врага. Он вкладывает

* Перевод стихов А. Д. Колпакова.

свои деньги не для того, чтобы обеспечить работой своих рабочих, а для того, чтобы создавать прибыль, и потому было бы глупо ожидать, что английский капиталист позволит своему парламенту издавать законы, мешающие ему открывать в Ирландии рудники или фабрики и получать таким образом прибыль за счет ирландских рабочих. И таких законов со времен Унии не было и нет.

Если ученый захочет продолжить изучение этого примечательного спора в ирландской истории и сравнить «парламентскую теорию» промышленного упадка Ирландии с той, которую мы только что выдвинули,— с социалистическим толкованием, изложенным нами более подробно в предшествующей главе, то он получит простой и эффективный способ разобраться в этом вопросе. Пусть он задаст такой вопрос наиболее рьяным сторонникам парламентской теории: «Каким образом перемещение парламента из Дублина в Лондон, абсолютно не связанное с каким-либо законодательным вмешательством в дела ирландской промышленности, помешало классу ирландских капиталистов продолжать производство товаров для ирландского рынка?»

Он не получит логического ответа на свой вопрос, такого ответа, который удовлетворил бы хоть на мгновение какого-либо серьезного специалиста в области экономики. Вместо этого он, несомненно, займется долгим подсчетом числа предпринимателей и рабочих, занятых на предприятиях Ирландии накануне Унии и в какой-либо отрезок времени 20 или 30 лет спустя. Именно таков был метод, примененный Дэниелом О'Коннелом Освободителем* в его первой большой речи, которой он начал агитацию за отмену Унии и которая с тех пор рабски копировалась и популяризировалась его подражателями. *Но ни О'Коннелл, ни кто-либо из его подражателей никогда не пытались проанализировать и объяснить процесс, приведший к*

* После того как под давлением массового движения за облегчение участи католиков английское правительство было вынуждено провести закон 1829 года об их эмансипации, вождя движения Д. О'Коннелла стали называть Освободителем.

разрушению ирландской промышленности. Самое большее, что было сделано в этом отношении,— это отстаивание утверждения, что Уния привела к распространению среди лендлордов обычая жить за границей и к утрате этой клиентуры ирландскими предпринимателями. Но такое объяснение вовсе ничего не объясняет. Это более чем ребячество.

Кто будет серьезно утверждать, что утрата нескольких тысяч покупателей из аристократических кругов убила, например, кожевенную промышленность, некогда процветавшую в Ирландии, а теперь едва ли не сошедшую на нет? Район Дублина, расположенный между Томас-стрит и Саут-сэкьюле роуд, некогда представлял собой оживленный людской муравейник, жители которого занимались дублированием кожи и смежными ремеслами. Теперь эта отрасль ремесла здесь почти совершенно исчезла. Разве обувь в Ирландии носили одни лишь члены ирландского парламента и ирландские лендлорды? Разве для них одних дубилась и обрабатывалась кожа? А если нет, то как могло их переселение в Англию воспрепятствовать ирландским фабрикантам производить обувь или упряжь, когда в Ирландии после Унии еще оставались миллионы людей? То же самое относится и к ткачам, корпорации, некогда процветавшей в том же округе, к шерстяному производству, к рыбному промыслу и ко всем другим отраслям производства. Ирландцы нуждались во всех этих предметах первой необходимости как до, так и после Унии, однако поверхностный историк убеждает нас, что ирландский предприниматель был не в состоянии удовлетворить их требования и потому прекращал дело. Хотя мы, ирландцы, и считаемся народом, наделенным большим чувством юмора, но любой может усомниться в этом, увидев, с какой серьезностью эта парламентская теория была принята массой населения Ирландии.

Это, бесспорно, забавная теория, если учесть, что она исходит из того, будто ирландские предприниматели были настолько огорчены утратой клиентуры из нескольких тысяч обдирав-лендлордов, что оказались уже не в состоянии извлекать прибыль, удовлетворяя

нужды живущих рядом миллионов ирландцев. Английские и шотландские, французские и бельгийские предприниматели, горнозаводчики, купцы и рыбаки могли жиреть и процветать за счет удовлетворения потребностей ирландцев, а ирландский предприниматель этого не мог. Он должен был закрывать свое предприятие и идти в работный дом из-за того, что милорд Обдирала из Замка Обдирал и его непосредственное личное окружение переехали в Лондон.

Если бы наши парламентские историки не были самыми поверхностными из всех, кто пишет историю, если бы их поверхностность не была столь феноменальной, что ее можно сравнить лишь с ханжеством и глупостью их соперников-лоялистов*, то они легко смогли бы на основании тех же самых фактов сформулировать другую теорию, столь же выгодную для них, но более отвечающую истине. Эта другая теория может быть изложена следующим образом.

Сам акт об Унии стал возможным потому, что ирландская промышленность была слаба, и потому Ирландия не имела энергичного капиталистического класса, обладающего достаточным общественным сознанием и влиянием, чтобы предотвратить Унию.

В период промышленного упадка ирландские капиталисты оказались не в состоянии ни бороться против подкупов, к которым прибегало английское правительство, ни создать и возглавить партию, достаточно сильную, чтобы приостановить деморализацию ирландской общественной жизни. В этом, по нашему убеждению, и заключается суть дела. Не утрата парламента разрушила ирландскую промышленность, а упадок ирландской промышленности, вызванный уже упомянутыми причинами, сделал возможным разрушение ирландского парламента. Если бы в Ирландии существовал сильный, предприимчивый и преуспевающий капиталистический класс, то парламентская реформа, которая принесла бы ирландским массам избирательное право, была бы осуществлена в результате одной лишь угрозы волонтерских ружей, без пролития крови;

* Имеются в виду лояльные к английской короне сторонники сохранения британского господства над Ирландией.

а при парламенте, избранном на этой основе, акт об Унии был бы невозможен. Но ирландские капиталисты использовали волонтеров для того, чтобы вынудить английское правительство осуществить реформы в области торговли, а затем, возглавляемые Генри Граттаном, покинули волонтеров и осудили их в тот момент, когда эта организация стремилась путем изменения системы представительства сделать ее более соответствующей воле народа и таким образом обеспечить мирным путем то, чего они добивались угрозой насилия. Ирландия, в которой массы имели бы право голоса, несомненно, стремилась бы спасти ирландскую промышленность, пока еще было возможно, путем введения строгой протекционистской системы, облагавшей импортные товары пошлиной, достаточно тяжелой, чтобы лишить иностранца преимуществ, которые он получал благодаря своим угольным запасам; такая система могла бы предотвратить упадок ирландской промышленности, являвшийся, как мы уже установили, в ином случае неизбежным.

Единственная надежда на осуществление этого была связана с вооруженной силой волонтеров, а так как капиталисты не чувствовали себя как класс достаточно сильными, чтобы управлять государственным кораблем, борясь против аристократии, с одной стороны, и против народа — с другой, то им предстоял выбор — с какой из двух соперничающих сторон связать свою судьбу. Капиталисты решили довериться аристократии, покинули народ, а в результате их оставил тот класс, которому они доверились; они обанкротились и оказались в рабстве вместе с тем классом, который сами же предали.

Беглое знакомство с волонтерским движением проиллюстрирует чреватое последствиями предательство, когда ирландские капиталисты постарались превзойти своих аристократических соотечественников, которые

За золото и за чины

Продали бога и счастье страны,

но в отличие от них умудрились избежать той ненависти, которую заслуживали.

К началу этого движения в Ирландии продолжали действовать Карательные законы. В Книге статутлов еще сохранялись беспримерные по своей жестокости законы, направленные против исповедовавших римско-католическую веру. Эти установления, составленные якобы для того, чтобы обратить католиков в протестантскую веру, на деле имели основной целью превратить собственность католиков в собственность протестантов. Сын собственника-католика мог лишиться имущества своего отца, лишь показав под присягой, что он, сын, принял протестантство. С этого времени отец, согласно закону, становился иждивенцем, зависимым от сыновней щедрости. Жена католика, став протестанткой, могла лишиться своего мужа всех прав собственности. Католик не мог владеть лошастью стоимостью более 5 фунтов. Если же такая лошадь у него была, то любой протестант мог забрать ее средь бела дня, дав ее бывшему владельцу взамен 5 фунтов стерлингов. За голову католического учителя или священника была установлена награда, такая же как и за голову волка. Католики не могли избираться на общественные должности, им запрещалось заниматься многими профессиями.

Фактически католическая религия была поставлена вне закона. Однако она набирала силы, процветала и, следует отметить, усиливала свое влияние среди ирландцев с той же быстротой, с какой утрачивала его во Франции и Италии, где была господствующим государственным институтом. Факт этот заслуживает внимания тех католиков, которые шумно ратуют за содержание католических учреждений за счет общественных фондов.

Ученому, однако, необходимо помнить, что, хотя Карательные законы еще и сохранялись в Книге статутлов, к последней четверти восемнадцатого столетия они уже в значительной степени утратили свою силу. Это явилось отнюдь не результатом какого-то милосердия со стороны английских правящих кругов, а следствием того отвращения, которое испытывало к этим законам большинство мыслящих ирландских протестантов. Последние просто отказывались извлекать

выгоду из этих законов даже для своего личного возвышения, и на протяжении жизни многих поколений после окончания войн Вильгельма Оранского произошло очень мало случаев, когда бы собственность католиков была отнята у них с помощью Карательных законов их соседями-протестантами. Эти законы были, в действительности, чересчур отвратительными, чтобы проводить их в жизнь, и в этом отношении общественное мнение намного опередило законодательные предписания. В этом все историки единодушны.

С другой стороны, классовое размежевание в Ирландии всегда — с тех пор как была разрушена клановая система и до сего дня — было гораздо более четким, чем религиозное. По этому поводу мы располагаем замечаниями такого видного авторитета, каким является архиепископ Уотли; принадлежащие стороннику британского правительства и протестантской государственной церкви, они являются вдвойне ценным свидетельством того факта, что в Ирландии политические убеждения и расхождения во взглядах прежде всего связаны с вопросами собственности и лишь номинально с религиозными вопросами.

«Я знаю,— замечает Уотли,— много случаев, когда наиболее неистовые оранжисты * изгоняли из своих поместий арендаторов-протестантов, живших там в течение ряда поколений, и сдавали свою землю католикам... набавляя по шиллингу за акр».

Не следует забывать, что изгоняемые протестанты — это те самые мужчины и женщины, предки которых сохранили Ирландию для короля Вильгельма и протестантизма в борьбе против короля Якова и католицизма, и что этот сгон с земли явился наградой за победу их отцов и их собственную верность. В довершение этого классового разграничения в экономи-

* Оранжисты (по имени Вильгельма Оранского — «защитника протестантизма») — члены созданной в 1795 году, в период революционного подъема в Ирландии, тайной реакционной организации помещиков и церковников. Своей целью ставили, используя религиозную рознь между протестантами и католиками, подавить демократическое, национальное движение, увековечить колониальное угнетение Ирландии. Организация существует и в наши дни.

ческой области политическое представительство в стране было исключительной собственностью высшего класса.

Большинство членов ирландского парламента занимали свои места как доверенные лица некоторых аристократов, владевших теми поместьями, в пределах которых располагались «представляемые» ими парламентские местечки. Такие местечки назывались «карманными местечками», поскольку были в такой полной зависимости от аристократа-землевладельца, как если бы находились в его кармане. В довершение всего по всей Ирландии право избрания членов парламента являлось исключительной монополией привилегированного меньшинства. Огромная масса католического и протестантского населения не имела права голоса.

Таково было положение, когда возникло движение волонтеров. Ирландское общество имело, таким образом, три основных повода для недовольства. Английский парламент запретил ирландцам торговать с Европой и Америкой иначе, как через английские порты, затрудняя этим развитие ирландского капитализма; права представительства в палате общин в Дублине были лишены как протестантские, так и католические трудящиеся и все прочие, исключая небольшое число протестантских капиталистов и лиц, назначаемых аристократией; и наконец, все католики страдали из-за неравноправного положения своей религии. Получив в свои руки оружие, волонтеры (а все они были протестантами) начали агитировать за устранение этих несправедливостей. Сначала все они были единодушны и поэтому во время шествия по улицам Дублина в день созыва парламента повесили на дула своих пушек плакаты с многозначительными словами: «Свободная торговля или!..» Угрожающий намек со стороны объединенного и вооруженного народа обеспечил ему победу. Свободная торговля была дарована. В тот момент ирландская республика могла быть завоевана с такой же вероятностью, как и свободная торговля. Но когда рядовые участники волонтерского движения начали настаивать на уничтожении еще остававшихся

политических несправедливостей — то есть требовать народного представительства в парламенте,— все их руководители дезертировали. Волонтеры избирали своими офицерами аристократов, бойких на язык юристов и патриотов-политиканов, и в трудный час все эти офицеры им изменили. После введения свободной торговли в Дублине был созван Конвент волонтеров для обсуждения вопроса о народном представительстве в парламенте. Лорд Чарлемонт, главнокомандующий силами волонтеров, отказался признать Конвент; его примеру последовала и вся мелкая офицерская сошка из аристократов, и, наконец, когда Конвент собрался, Генри Граттан, обязанный своей политической и личной судьбой волонтерам, назвал их в парламенте «вооруженной чернью».

После бесплодных дебатов Конвент в замешательстве прервал свою работу, а последующая попытка созвать другой Конвент была сорвана правительственной декларацией, и все лица, подписавшие требование о созыве этого Конвента, подверглись аресту и тяжелым штрафам. Правительство, заключив мир с Америкой и признав ее независимость, получило теперь возможность сосредоточить войска в Ирландии и подготовиться для борьбы с волонтерами. Отказ правительства обсудить требование создания народного представительства явился вызовом, а его декларация в связи с последней попыткой созвать Конвент означала его победу. Волонтеры действительно сдались без боя. Ответственность за эту постыдную сдачу полностью лежит на классе ирландских капиталистов. Если бы они поддержали реформаторов, то отступничество аристократии не имело бы большого значения, да и несомненно, что радикальные элементы должны были предвидеть и подготовиться к такому отступничеству. Но действия купцов, связавших свою судьбу с аристократией, предвидеть было невозможно; их поступок явился слишком постыдным, чтобы его мог предугадать кто-либо иной, кроме самих изменников. Кроме того, не следует думать, что эти реакционные элементы не делали попыток скрыть свою измену делу свободы.

Напротив, они чрезвычайно усердствовали в соблюдении видимости своих симпатий к народу и в старании отвлечь внимание общества от наиболее важных вопросов и направить их в другое русло. В «Жизни Генри Граттана», изданной его сыном, есть любопытный отрывок, описывающий способ, с помощью которого правительство овладело оружием, принадлежавшим различным отрядам дублинских волонтеров, способ, который представляет в миниатюре черты очень многих эпох ирландской истории и дает яркую характеристику классов и той роли, которую они играли в ирландской общественной жизни.

Дублин — это Ирландия в миниатюре; более того, Дублин — это Ирландия в концентрированном виде. Все, что делает Ирландию великой или жалкой, великолепной или убогой, возвышенно-революционной или безнадежно-реакционной, величественно-бескорыстной или подло-изменнической, проявляется в Дублине сильнее и яснее, чем где-либо еще в Ирландии. Поэтому роль, которую Дублин играл во время любого национального кризиса, является просто концентрированным выражением тех же страстей, которые кипели во всех ирландских провинциях. Поэтому особую ценность представляет невольный вклад в изучение ирландской истории, сделанный сыном Генри Граттана.

В Дублине было три корпуса волонтеров, соответствовавших трем социальным группам патриотических сил. Имелся «Корпус свободы», набранный исключительно из рабочих, «Купеческий корпус», состоявший из представителей класса капиталистов, и «Корпус юристов» — в него входили члены юридической корпорации. Генри Граттан-младший, рассказывая о действиях правительства после принятия Билля об оружии и порохе, потребовавшего от волонтеров сдать их оружие на хранение властям, отмечает, что правительство «силой захватило артиллерию «Корпуса свободы», заключило тайное соглашение, которое помогло ему овладеть оружием, принадлежавшим «Купеческому корпусу», и вынудило сдать оружие юристов, после того как они предварительно организовали публичное шествие».

Говоря иными словами и более ясно, правительству пришлось прибегнуть к силе, чтобы захватить оружие трудящихся, капиталисты же сдали свое оружие тайно, в результате закулисной сделки, условия которой нам неизвестны; юристы пронесли свое оружие по улицам Дублина во время публичного шествия, чтобы поддержать престиж юридической корпорации в глазах доверчивых дублинских рабочих, а затем, еще охрипшие после публичных приветствий в адрес «артиллерии волонтеров», они тайно передали эту артиллерию врагам народа.

Трудящиеся боролись, капиталисты продавались, а юристы обманывали.

В те дни, как и всегда в Ирландии, судьба страны зависела от исхода борьбы между силами аристократии и силами демократии. Рабочий класс в городе и крестьянство в деревне были полны энтузиазма в связи с успехами революционных сил в Америке и Франции и горели желанием превзойти их подвиги в Ирландии. Но ирландские капиталисты боялись своего народа больше, чем британского правительства, и в кризисный для их страны период никак не поддерживали его. После того как эта битва закончилась с таким роковым для дела свободы результатом, повсюду в Ирландии продолжалась более эффектная битва, вызванная мнимыми разногласиями. И, как обычно бывает в Ирландии, эта показательная битва привлекает основное внимание в ирландской истории.

Мы уже упоминали о Генри Флуде, который обратил на себя внимание в ирландском парламенте, когда, превзойдя в жестокости самого Ирода, поставил в вину правительству то, что оно повесило меньше крестьян, чем хотелось бы самому Флуду. Генри Граттана мы также уже представили нашим читателям. Эти два человека были парламентскими лидерами «патриотической партии» в палате общин — «Гаррисоперники», как саркастически называли их дублинцы. Едва только угроза со стороны волонтеров заставила английские власти официально отказаться от всех своих прав издавать законы, обязательные для ирландского парламента, эти два патриота перессорились, и

маститые ученые-историки всерьез сообщают нам, что спор между ними вызвал раскол во всей Ирландии.

Рассказывая о том, каков был предмет их спора, мы надеемся, что наши читатели не усмотрят в этом насмешку; вовсе нет, хотя искушение почти неизбежно. Мы трезво констатируем исторические факты. Серьезные и знающие историки рассказывают нам, что Граттан и Флуд поссорились из-за того, что Флуд настаивал на предъявлении Англии требования впредь и навсегда отказаться от претензий законодательствовать для Ирландии, а Граттан утверждал, что требовать подобного отречения значило бы оскорбить честь Англии.

Итак, серьезные и знающие историки заявляют, что в этом споре, поддерживая ту или другую сторону, приняла участие вся Ирландия, и даже такой ярый ненавистник Англии, как Джон Митчел, в своей «Истории Ирландии», по-видимому, полагает, что дело обстояло именно так. Мы, однако, совершенно отказываемся верить этому, ибо твердо убеждены, что если бы в то время, когда Граттан и Флуд сотрясали воздух своими декларациями по этому вопросу, кто-либо спросил на поле жатвы у первого же встречного жнеца его мнение по этому поводу, то жнец, не переставая работать серпом, коснулся бы самого существа вопроса и сказал правдиво: «А какое имеет значение, что обещает Англия? Разве она не нарушает своих обещаний всякий раз, как только это в ее интересах и она в состоянии это сделать?»

Трудно поверить, что Граттан или Флуд могли серьезно думать, будто какое-нибудь обещание может связать Англию, страну, которая уже в то время была известна всему миру нарушением своих обязательств и позорными отказами соблюдать договоры. Сегодня изложение фактов этого знаменитого спора выглядит как жалкая потуга на юмор, но, принимая во внимание трагическую обстановку, в которой происходил спор, мы должны сказать, что он не ближе к юмору, чем шутка, сказанная в камере пыток. Граттан и Флуд в этом случае были только двумя искусными актерами, позволившими себе разыгрывать грубый

фарс у смертного ложа убиваемых надежд народа. Если бы понадобился еще какой-нибудь аргумент, помимо самой абсурдности юридического педантизма обеих сторон, чтобы доказать, как мало эта мнимая битва действительно интересовала громадную массу народа, то для этого было бы достаточно дать характеристику двух лидеров. Г-н Флуд был известен не только как враг угнетаемого крестьянства и ненавистник католиков — то есть основной массы населения Ирландии, — но он также выступал и голосовал в ирландском парламенте в поддержку предложения оплатить расходы на содержание десятитысячной британской армии, предназначенной для подавления революции в Америке; а г-н Граттан со своей стороны принял от правительства дар в 50 тысяч фунтов стерлингов за свои «патриотические» заслуги и впоследствии, выражая признательность за эту своевременную субсидию, отплатил правительству тем, что изменил волонтерам и клеветал на них.

По другим важным вопросам каждый из них занимал двусмысленную позицию и вел двойную игру. Например:

Г-н Флуд верил в демократию — для протестантов, но возражал против религиозной терпимости.

Г-н Граттан был сторонником религиозной терпимости — среди собственников, но противился предоставлению избирательных прав рабочему классу.

Г-н Флуд предоставил бы избирательное право всем протестантам, богатым и бедным, но отказывал в нем всем католикам, бедным и богатым.

Г-н Граттан предоставил бы право голоса каждому мужчине, обладавшему собственностью, независимо от религии, но возражал против распространения этого права на любого неимущего. В ирландском парламенте он резко осуждал «Объединенных ирландцев» (их мы еще рассмотрим ниже) за выдвижение идеи всеобщего избирательного права, которое, как он заявил, погубило бы страну и нарушило порядок.

Дальше будет видно, что г-н Граттан являлся идеальным капиталистическим государственным деятелем, воплощением буржуазного духа. Его больше

заботили интересы собственности, чем права человека или верховенство какой-либо религии.

Рано проявившаяся у Граттана склонность подобного рода обнаруживается из его письма от 3 ноября 1767 года своему другу г-ну Бруму, воспроизведенного его сыном в издании жизнеописания и речей своего отца. Письмо свидетельствует, что весьма респектабельный, настроенный против революции и религиозный г-н Генри Граттан был в глубине души вольнодумцем, сторонником свободной любви и философом-эпикурейцем, рано усвоившим ту истину, что не следует раскрывать свои взгляды перед толпой, которой он стремился управлять. Приводим выдержку из письма:

«Мы с Вами целиком сходимся в этом, как и в большинстве других вопросов; мы считаем брак искусственным, а не естественным установлением, и полагаем, что женщины — слишком хрупкие суденышки для столь долгого и бурного путешествия, каким является жизнь... Я стал философом-эпикурейцем и рассматриваю этот мир как самый совершенный, а счастье — как нашу главную цель в этом мире... Тема эта слишком обширна и опасна для письма; наедине мы поговорим более подробно».

Следует заметить, что это не Граттан из рапсодии Мура, а подлинный Граттан.

Поэтому не следует очень удивляться, что дублинская толпа однажды забросала камнями Граттана, вернувшегося из Англии после посещения парламента в Лондоне. Его риторика и высокопарность не обманули дублинцев, несмотря на то что историки были околдованы ими. Его драматическое появление прямо с одра болезни перед подкупленными предателями, продавшими свои голоса для поддержки Унии, чтобы призвать их не завершать этой сделки, — прекрасный сюжет для историков-романтиков, но для простого народа это явилось слишком маленькой компенсацией за оскорбления и предательство волонтеров и за противодействие делу народного избирательного права.

Следующим и, по нашему мнению, убедительным свидетельством того, как именно рассматривали «пар-

ламент 82 года» подлинные националисты и прогрессивные мыслители Ирландии, может служить приводимый ниже отрывок из известного памфлета, написанного Теобальдом Уолфом Тоном и опубликованного в сентябре 1791 года под заглавием «Довод в пользу католиков Ирландии». Интересно напомнить, что эта язвительная характеристика «славной революции 1782 года», данная наиболее дальновидным ирландцем тех дней, пришлась настолько не по вкусу ирландским историкам и журналистам, что они постоянно бойкотировали ее вплоть до 1897 года, когда пишущий эти строки воспроизвел ее в Дублине в серии «Чтения 98 года», серии, содержащей также много и других забытых и нежелательных документов того периода. С тех пор эта характеристика несколько раз перепечатывалась в таком же виде, в каком мы воспроизвели этот отрывок, но, судя по тому, что кое-кто из наших друзей еще заявляет, что «отстаивает конституцию 82 года», она прошла для них незамеченной.

Уолф Тон о граттановском парламенте
(Отрывок из знаменитого памфлета «Довод в пользу католиков Ирландии»)

«Я заявляю, что у нас нет никакого национально-го правительства. Перед 1782 годом никто и не делал вида, что мы его имели, и представляется по крайней мере любопытным, а может быть и полезным, выяснить, как мы относимся к этому теперь. И я не боюсь быть опровергнутым, утверждая, что все достигнутое нами с помощью того, что нам нравится величать именем революции, оказалось просто улучшениями, которых мы добились в рамках закона, не обращаясь к великому принципу природы, стоящему превыше всех позитивных статуты; плохо ли, хорошо ли мы поступали и почему мы упустили возможность поступать хорошо — вопрос серьезный. Я знаю, что задеваю гордость нации, тщеславие отдельных лиц, имеющих к этому отношение, сдержанность некоторых честных людей и продажность негодяев, когда утверждаю, что революция 1782 года была наиболее плохо

выполненным, несовершенным делом, которое когда-либо превращало в смешное возвышенный эпитет, употребляемый без достаточных оснований. Для всякого ирландца подобное признание неприятно, однако ничем нельзя помочь, ибо такова правда. Намного лучше знать и ощущать наше действительное положение, чем обманывать самих себя или быть одураченными незаслуженными похвалами наших врагов или воображаемыми благами, когорыми мы не пользуемся.

Я предоставляю поклонникам этой эпохи изливаться в торжественных речах по поводу ее теоретических преимуществ и призрачной славы; это превосходная тема, особенно приятная для моих соотечественников, многие из которых были действующими лицами происходивших событий и почти все зрителями. Передо мной стоит неприятная задача — очистить этот период от всего наносного и показать его в обнаженном виде. Операция будет мучительной, но если выполнить ее должным образом, то она может явиться для нас сильным и впечатляющим уроком осмотрительности и мудрости.

Революция 1782 года дала ирландцам возможность продавать свою честь, целостность и интересы своей страны по более высокой цене; это была революция, которая одним ударом удвоила цену каждого торговца местечком в королевстве, но оставила три четверти наших соотечественников такими же рабами, какими она их застала, а управление Ирландией сохранила в руках тех же грязных, безнравственных и презренных лиц, которые всю свою жизнь унижали и грабили страну; более того — часть их решительно, хотя и безрезультатно, подавала свой голос против этой нашей знаменитой революции. Кто из старых врагов страны потерял свое место или свою пенсию? Кто из рядов оппозиции был призван на какой-либо пост или получил должность? Никто. Власть осталась в руках наших врагов, чтобы они вновь имели возможность нас погубить, с той лишь разницей, что прежде нам даром причиняла страдания, оскорбления и обиды Англия, а теперь мы платим очень до-

рого, чтобы терпеть еще большее от ирландцев. Однако мы хвалимся этим и называем это революцией!»

Мы заканчиваем главу о волонтерах — главу о неиспользованных великих возможностях, о преданном доверии народа. Несколько отрывков из стихов, написанных в то время в Дублине, послужат чем-то вроде резюме описанных событий, пусть даже покажутся они немного резкими.

Кто разбудил народ?
Конечно, соперники-Гарри.
Друг друга дурачили в паре
И тем разбудили народ.

Что делали волонтеры?
Все переклички да сборы,
Да формой своей щеголяли,
Пока в зубах не настряли.

Как умерли волонтеры?
Смертью, достойной рабов.
Вползли под крышки гробов.
Так умерли волонтеры.

„Объединенные ирландцы“

Наша свобода должна быть завосвана во что бы то ни стало. Если имущие не помогут нам — они должны пасть; мы освободим себя с помощью многочисленного и уважаемого класса в обществе — людей неимущих.

Теобальд Уолф Тон

В то самое время, когда Ирландия была свидетельницей того, как предавалось и приходило в упадок волонтерское движение, происходил рост и укрепление общества «Объединенные ирландцы». Вначале эта организация была легальной, мирной ассоциацией, стремившейся использовать обычные средства политической агитации, чтобы распространить свою пропаганду в массах и таким образом подготовить их к достижению более великой цели — созданию в Ирландии республики по образцу той, что была установлена во Франции в период революции. Позднее, будучи не в состоянии существовать легально в условиях сурового преследования британским правительством всего, что имело хоть малейший оттенок демократизма, организация прибегла к покрову тайны и секретным методам и в этом новом виде достигла таких размеров, что получила возможность вступить в переговоры с революционной Директорией Франции как национальная власть, равноправная в заключении договоров. В результате этого тайного договора между революционной Францией и революционной Ирландией против общего врага — аристократической Англии — различные флотилии и войска отправлялись с континента на помощь ирландским республиканцам, но все эти экспедиции потерпели неудачу. Первая, под командованием Груши и Гоша, была рассеяна штормом, некоторым из ее кораблей пришлось вер-

нуться во Францию для ремонта, а когда оставшиеся с большей частью войск достигли залива Бантри на ирландском побережье, то французский командир проявил те же самые колебания, нерешительность и недостаток инициативы, какие впоследствии ему суждено было обнаружить, и с таким же губительным (для Наполеона) результатом, накануне битвы при Ватерлоо. Наконец, несмотря на отчаянные прогесты ирландских революционеров, находившихся на борту, он поднял якорь и вернулся во Францию, так и не нанеся ни единого удара и не высадив на берег даже взвода солдат. Если бы он оказался человеком, соответствующим обстоятельствам, и высадил свои экспедиционные силы на берег, то почти не вызывает сомнений, что Ирландия отделилась бы от Англии и стала хозяйкой своей национальной судьбы.

Другая экспедиция, снаряженная Голландской республикой совместно с Францией, задержалась в гавани из-за встречных ветров до тех пор, пока на сцену не вышел британский флот, и тогда голландский командующий рыцарственно, но глупо принял британский вызов на бой и, сражаясь при неравных и неблагоприятных условиях, потерпел поражение.

Мужественную попытку предпринял, во многом на свой страх и риск, другой французский офицер — генерал Эмбер. Его экспедиция высадилась в Ирландии, провозгласила Ирландскую республику в Киллала, в Коннауте, вооружила большое число «Объединенных ирландцев» из числа местных жителей, сражаясь в союзе с ними, разгромила значительно превосходящие британские войска у Каслбара и проникла далеко в глубь страны, прежде чем была окружена и сдалась силам, более чем в десять раз превосходившим ее собственные. Эти французские экспедиционные силы были слишком малочисленны, чтобы оказать достаточно длительное сопротивление и тем дать возможность народу установить с ними связь и успеть как следует вооружиться и организовать. Именно этим объяснялась неудача экспедиции. Но если бы Эмбер обладал тем же числом людей, какое находи-

лось под командованием Груши, или если бы Груши обладал решительностью и отвагой Эмбера, то Ирландская республика, на счастье или на горе, была бы рождена в 1798 году.

Утверждение, что стихии сделали для Англии больше, чем ее армии, стало до некоторой степени банальным, но, поскольку оно верно, его приходится повторять. Действительно, идет ли речь о столкновении с французскими экспедиционными силами Эмбера, с пресвитерианами и католиками объединенной ирландской армии под командованием генерала Мауро на Севере или с повстанческими войсками Уиклоу, Уэксфорда, Килдэра и Дублина [в период народно-освободительного восстания в Ирландии весной — летом 1798 года. — *Ред.*], о британской армии едва ли можно сказать, что она хотя бы однажды оправдала свою репутацию и тем более покрыла себя славой. Вся слава на деле принадлежала другой стороне, так же как и наибольшая человечность и стремление к свободе. Народ был плохо вооружен, совсем не обучен военному делу и вынужден действовать без какого-либо продуманного плана из-за внезапного ареста и заключения в тюрьму его руководителей. Однако народ сражался и побеждал, неоднократно нанося поражения британским войскам, несмотря на то что последние были хорошо обучены, великолепно вооружены и действия их направлялись, подобно огромной машине, из одного центра. Для подавления восстания только в двух графствах — Уиклоу и Уэксфорд — потребовалось 30 тысяч солдат; если бы планы «Объединенных ирландцев» поднять восстание одновременно по всему острову не потерпели неудачу, то задача бороться сразу со всеми республиканскими силами оказалась бы непосильной для правительства. Однако из-за недостатка средств сообщения, характерного для того времени, восстание в каком-либо одном округе могло разгореться и потерпеть неудачу прежде, чем известие о нем достигало других частей страны.

В то время как силы республиканизма и деспотизма оспаривали верховенство на суше, победа фактически досталась последним благодаря их превосходст-

ву на море. Лишь успехи британского флота дали возможность не допустить вторжения врага на берега Англии и позволили английскому премьер-министру Питту субсидировать и поддерживать армии действовавших в союзе европейских деспотов во время их борьбы с силами свободы и прогресса на всем континенте. Поэтому есть что-то унижительное в необходимости констатировать, что преобладающее большинство моряков этого флота составляли ирландцы. Но в отличие от личного состава британской армии матросы и морские пехотинцы находились здесь против своей воли. Проводя карательные меры в Ирландии, британские власти, стремясь вызвать преждевременную вспышку революционного движения, приостановили действие «Хабеас корпус акта» (обеспечивавшего гарантию обычной судебной процедуры) и ввели военное положение и право свободного постоя для военных. Эта последняя система навязывала солдат гражданскому населению в качестве нахлебников, и каждая семья была вынуждена обеспечивать продовольствием и жильем определенное число солдат. За любую попытку сопротивления или за протесты, вызванные распушенностью грубой солдатни, за любое неосторожное выражение, подслушанное солдатами во время их непростого пребывания в домах жителей, власти прибегали к одному сильно действующему средству — отправляли провинившихся в британский военный флот.

По всему острову хватали тысячи молодых людей и отправляли в кандалах в различные гавани, где их забирали на борт английских военных кораблей, а затем вынуждали сражаться за то самое правительство, которое разрушило их очаги, погубило их жизни и опустошило их страну. Как только на какой-либо округ падало подозрение в измене, там сразу же вводилось военное положение, а затем каждого заподозренного молодого человека без всякого суда бросали в тюрьму, откуда тех, кто не был казнен или запорот до смерти, отправляли на борт корабля.

По всей Ирландии, но особенно в Олстере и Лейнстере, в последние годы восемнадцатого и первые годы девятнадцатого столетия в газетах и частных письмах

было много сообщений о том, что повсюду большое число людей отправляли во флот в результате массового насилия над народом. Среди них многие принадлежали к «Объединенным ирландцам», поклявшимся приложить все усилия, чтобы сбросить деспотизм, под гнетом которого страдал народ Ирландии, и в результате их присутствия на борту каждый британский корабль скоро стал гнездом заговорщиков. «Джеки Тар [прозвище английского матроса.— *Перев.*] Старой Англии» составлял заговоры, чтобы разрушить Британскую империю, и это не может удивить любого, знакомого с фактами, характеризующими командование и обращение офицеров с матросами. Джингоистски настроенные историки английских правящих классов не любят касаться этой темы и поэтому обычно самодовольно лгут по этому поводу, но если придерживаться строгих фактов, то следует признать, что «деревянные стены Англии»*, столь любимые поэтами этой страны, на деле были настоящим плавучим адом для бедных матросов и морских пехотинцев.

Они подвергались порке за самые пустяковые проступки на основании простого распоряжения младшего офицера; в помещениях под палубой, где люди были вынуждены спать и есть, были самые ужасные и антисанитарные условия; пища состояла из отходов, и каждый моряк, чтобы не умереть с голоду, должен был платить дань жадному квартирмейстеру, а все служебные отношения на корабле, от капитана до молодого мичмана, зиждились на богатстве и чинах и прививали ненависть и презрение к любому, принадлежавшему к низшим классам. Понятно поэтому, что мятежи и попытки поднять их были обычным явлением, и насильственно завербованные «Объединенные ирландцы» нашли благодатную почву для своих действий. Судя по правительственным отчетам о деятельности военно-морских трибуналов этого времени, обвинение в «приведении к тайной присяге» «Объединенным ирландцам» было одним из наиболее часто

* «Деревянные стены Англии» — английский военный флот, защищавший от вражеского вторжения британские берега.

предъявляемых, а число людей, расстрелянных и сосланных за океан за это преступление,—огромно.

Английские и шотландские моряки добровольно приносили присягу и вступали в ряды заговорщиков, и число их увеличилось настолько, что однажды, во время мятежа в Норе, моряки восстали, сместили своих офицеров и взяли на себя командование флотом. Наиболее разумные из них, истинные «Объединенные ирландцы», предложили плыть во французские порты и передать корабли французскому правительству, и некоторое время они имели большие шансы на успех, но в конце концов им пришлось принять предложение попытаться перед отплытием во Францию склонить на свою сторону матросов на ряде других кораблей в лондонском порту. Они сделали это и даже угрожали бомбардировать город, но промедление позволило правительству собрать верные ему корабли и одновременно дало возможность «лояльным» рабам, еще имевшимся на мятежных кораблях, сыграть на «патриотических» чувствах некоторых колеблющихся британских мятежников разговорами о том, что во Франции их, возможно, не будут приветствовать как союзников, а заключат в тюрьму. В конце концов адмиралы и офицеры, пообещав «удовлетворение их справедливых жалоб», сумели привлечь на свою сторону на каждом корабле достаточное число людей, чтобы парализовать всякую возможность сопротивления, и мятеж был подавлен. Затем последовали обычные расстрелы, порка и ссылка на каторгу, но прежние условия на кораблях начали постепенно изменяться к лучшему.

Может показаться удивительным, что насильственно завербованные и участвовавшие в заговорах против тиранического правительства люди могли сражаться за это же самое правительство, как они это делали под командой Нельсона, однако следует иметь в виду, что все происходило на борту военного корабля, что этот корабль вступил в бой с врагом в открытом море и не было никакой возможности убежать или хотя бы оказать содействие врагу; инстинкт самосохранения вынуждал бунтующих «Объединенных ирландцев» или недовольных мятежников столь же лояльно сражать-

ся за свой корабль, как это делали бездушные рабы, среди которых они находились. А так как первые принадлежали к лучшим людям и обладали бóльшим мужеством, то они, несомненно, и сражались лучше.

В заключение этого краткого обзора одной из сторон великого демократического сдвига мы хотим процитировать из «Пресс», органа «Объединенных ирландцев», публиковавшегося в Дублине, следующую короткую заметку, относящуюся к этому периоду, которая, как мы надеемся, хорошо проиллюстрирует рассматриваемое время и одновременно подтвердит изложенные выше взгляды:

Жаркóе

«Около северной деревушки Касл-урд головы отца и сына поджаривали на огне их собственного очага, чтобы выпытать у них признание о спрятанном оружии. Причиной послужил ружейный замок, найденный в старой коробке, принадлежавшей жене старшего из мужчин. Следует указать, что эта старая супружеская пара имела двух сыновей, служивших в британском флоте, один — под командой лорда Бриджпорта, другой — под командой лорда Сент-Винсента».

„Объединенные ирландцы“ как демократы и интернационалисты

О, Пэдди *, вам впору
Оставить раздоры.
Пускай все ирландцы
Сойдутся в одном:
Все партии в ад, брат!
И флаги все в ад, брат!
Свободу мы скоро тогда обречем.

Джеми Хоуп, 1798 год

Как мы указывали в работе «Erin's Hope, the End and the Means», коренная ирландская цивилизация практически исчезла после поражения восстания, вспыхнувшего в 1641 году, и роспуска Килкеннийской конфедерации **. В этом великом восстании ирландская клановая система, основу которой составляли общая собственность и демократическая организация общества, в последний раз выступила на сцену как соперник политического и социального строя капиталистического феодализма ***, основанного на политическом деспотизме собственников и политическом и социальном рабстве непосредственных производителей. Правда, в ходе этого восстания англо-ирландская знать, которая при английской феодальной системе

* «Пэдди» (уменьш. от Патрик) — прозвище ирландца, употребляемое англичанами.

** Килкеннийская конфедерация — возникшее в мае 1642 года в ходе ирландского национального восстания политическое объединение, руководимое англо-ирландским и ирландским помещичьим дворянством. В течение ряда лет контролировала значительную часть страны. Распущена в 1649 году в связи с победами английских парламентских войск и внутренними распрями.

*** Так Конноли именует порядки, внедрявшиеся в Ирландию английским абсолютизмом и его буржуазными преемниками.

владела ирландскими клановыми землями как своей частной собственностью, встала на сторону ирландских кланов, но этот союз никогда не был искренним, а присутствие знати в повстанческих советах всегда порождало многочисленные раздоры, измены и бездейственность. Представители этой знати, заявляя, что они сражаются за католицизм, на деле стремились лишь сохранить свои права на земли, захваченные в результате прежних конфискаций у тех же самых людей или у предков тех людей, рядом с которыми теперь сражались. Они боялись конфискаций со стороны нового поколения англичан, если восстание потерпит поражение, но опасались также, что подобная конфискация может быть осуществлена самими восставшими членами кланов, если восстание будет успешным.

Непостоянство и вероломство, порожденные таким состоянием духа, могут служить единственным объяснением поражения этого величественного движения ирландских кланов, движения, которое достигло таких масштабов, что осуществляло власть и издавало законы для большей части Ирландии, чеканило свою собственную монету, имело собственный флот и выдавало каперские свидетельства иностранным морякам, заключало договоры с другими государствами и взимало налоги для содержания нескольких армий, сражавшихся под его флагом. То обстоятельство, что движение объединяло под своими знаменами представителей двух различных социальных систем, содержало в себе зародыш его гибели. Если бы оно было полностью феодальным, то преуспело бы в создании независимой Ирландии, хотя и с зависимым населением, подобным населению тогдашней Англии; если бы в движении участвовали только представители древних кланов, оно бы сокрушило английскую власть и воздвигло действительно свободную Ирландию, но так как это движение было только гибридом, состоявшим из двух частей, оно несло в себе слабости обеих, не имело силы ни одной из них и потому погибло. С его подавлением и последовавшими за тем убийствами, экспроприациями и рассеиванием прирожденных ирландцев ирландские кланы окончательно исчезли из истории.

В этих условиях возникли некоторые обстоятельства, достойные изучения каждым ученым, желающим понять современную ирландскую историю.

Одним из возникших таким образом обстоятельств было то, что исчезновение клана как ядра, объединяющего восставших, и возможного фундамента свободного общества, не позволило в дальнейшем локализовать усилия повстанцев или выдвигать перед ними цель более ограниченную, нежели та, которая стояла перед всей ирландской нацией в целом. После того как ирландские кланы были покорены железной рукой Кромвеля и исчезли, единственная надежда на воскрешение ирландской самостоятельности стала возлагаться на национальное возрождение. После этого идея общей собственности, как признанному принципу действия, было суждено отступить на задний план, в то время как силы нации поглощались в ходе медленного и болезненного процесса усвоения социальной системы завоевателя, в процессе впитывания принципов этого основанного на собственности политического общества, заменившего собой ирландское клановое общество, основу которого составляло общинное родство.

Другим обстоятельством, явившимся следствием полного исчезновения ирландского социального строя, был рост и углубление классовых различий среди победителей. Тот несомненный факт, что с этого времени собственность на еще сохранившиеся в Ирландии отрасли производства оставалась в руках протестантских элементов, не следует объяснять так, как пытаются это делать антиирландски настроенные историки-фальсификаторы, утверждающие, что это явилось результатом большей, по сравнению с католиками, предприимчивости протестантов; на самом же деле так произошло потому, что сами законы страны поставили католиков в социальном и политическом отношениях вне закона. Английская конституция, как она интерпретировалась применительно к Ирландии, вообще не учитывала существования ирландских католиков и практически не позволяла им владеть промышленными предприятиями или проявлять экономическую инициативу.

Таким образом, так же как земельная собственность католиков перешла во владение протестантских авантюристов, так и промышленное производство нации выпало из ослабевших рук преследуемых и находящихся вне закона «папистов» и попало в лапы их удачливых и безжалостных врагов. Среди этих последних были две разновидности — фанатический протестант и обычный авантюрист, использовавший религиозный фанатизм первого, чтобы обезоружить, покорить и ограбить общего католического врага и тем самым упрочить свое положение как правящего землевладельческого и торгового класса, предоставив протестантского солдата его собственной судьбе, как арендатора и ремесленника. Уже к началу войн Вильгельма, то есть при жизни поколения, следующего за временем Кромвеля, различные отрасли промышленности Севера Ирландии развились настолько, что «Парни-подмастерья» Дерри * стали главенствующим фактором в определении позиции этого города по отношению к соперничающим английским королям, а с окончанием войны промышленность начала развиваться в стране настолько быстро, что превратилась в угрозу для капиталистов Англии, которые и обратились к английскому королю с просьбой остановить и задержать этот рост, что он и сделал. С введением законов, ограничивающих развитие ирландской промышленности, ирландские капиталисты в целом, не имея ни силы, ни мужества, чтобы стать революционными, превратились в недовольных и нелояльных. Это была новая постановка вечно повторяющейся драмы английского вторжения и англо-ирландского недовольства с обычной экономической подоплекой.

Мы уже указывали в предшествующих главах, что каждое поколение английских авантюристов, обосновавшихся на ирландской земле в качестве ее владельцев, негодовало в связи с появлением новой волны пришельцев и что их так называемый ирландский

* «Парни-подмастерья» — антикатолически настроенные ремесленники-протестанты Дерри, принявшие активное участие в войне 1689—1691 годов.

патриотизм был просто-напросто вызван опасением, что их в свою очередь также лишат собственности, подобно тому как они сами лишали ее других. То, что применимо к «патриотам»-землевладельцам, применимо также и к предпринимателям. Капиталисты-протестанты с помощью английских, голландских и прочих авантюристов лишили местных католиков собственности и стали процветать, но поскольку их торговля росла, она стала серьезным соперником английской торговли и английские капиталисты навязали направленные против нее законы, а бывший «английский гарнизон в Ирландии» немедленно превратился в ирландскую «патриотическую» партию.

Для того чтобы объяснить превращение английских поселенцев одного поколения в ирландских патриотов при жизни следующего, время от времени выдвигалось много странных и фантастических теорий. Нам внушают, что это происходило под воздействием воздуха, языка, религии, гостеприимства или привлекательности Ирландии, хотя все эти приводимые причины были настолько же мифическими и ложными, насколько очевидными были обнаженные экономические факты и материальные причины. Но никто не бывает так слеп, как тот, кто не хочет видеть. Тем не менее остается фактом, что с тех пор, как прекратились конфискации ирландских земель англичанами, ни одна группа ирландских лендлордов не примкнула к патриотам или к мятежникам, а с тех пор, как прекратилось действие английских ограничительных законов против ирландских предпринимателей, ирландские капиталисты оставались важным элементом в системе английского правления в Ирландии. Очевидно, что с тех пор, как перестали действовать экономические причины, и воздух, и язык, и религия, и гостеприимство, и привлекательность Ирландии утратили свои притягательные свойства и свою способность превращать богатого английского поселенца в ирландского патриота.

По мере развития такого «патриотического» политического курса в среде ирландских предпринимателей стал также развиваться и более интенсивный и на-

ступательный политический курс в среде более бедного класса протестантов города и деревни. По сути дела, в Ирландии этого времени существовали не только две нации — католики и некатолики, — но каждая из них в свою очередь была разделена на богатых и бедных. Развитие промышленности оторвало большое число бедняков-протестантов от сельскохозяйственных занятий и привело их в промышленность, а ограничение промышленности в интересах английских предпринимателей оставило этих безземельных бедняков без работы. Такое положение низвело наемных рабочих в городе и в деревне до положения крепостных. Ожесточенное соперничество из-за ферм и из-за работы дало возможность хозяевам подчинить своей воле и протестантов и католиков, а результатом этого были уже упоминавшиеся ранее восстания. Протестантский рабочий и арендатор научился понимать, что папа Римский представляет собой весьма нереальную и призрачную опасность по сравнению с социальной властью его работодателя или лендлорда, а у католического арендатора пробудилось сознание того, что при новом социальном строе католический лендлорд олицетворяет не столько католическую мессу, сколько земельную ренту. Времена благоприятствовали объединению двух демократий Ирландии. Они двигались издалека, через долины разочарований и обманутых надежд, чтобы встретиться наконец у моря общего страдания.

Для создания такого союза и превращения его в действенную силу в жизни нации была необходима энергия революционера, обладающего достаточной государственной мудростью, чтобы найти ту общую основу, на которой могли бы объединиться оба элемента, а также требовалось какое-либо значительное событие, достаточно драматическое по своему характеру, чтобы приковать всеобщее внимание и объединить всех общим чувством. Таким человеком, революционером и государственным деятелем, явился Теобальд Уолф Тон, а событием — Французская революция. Будучи протестантом, Уолф Тон, однако, в течение некоторого времени являлся секретарем Католического

комитета *, и памфлет, цитированный в предыдущей главе, был написан им именно тогда, когда он занимал эту должность, но в конечном счете он убедился, что настало время принять более всесторонние и эффективные меры, нежели те, которые смог бы осуществить этот комитет, даже если бы он и хотел это сделать. Французская революция оказала одинаковое влияние на умы католических и протестантских демократов, чтобы доказать эту истину и подготовить их к ее восприятию. Рабочие-протестанты увидели во Французской революции революцию великой католической нации, и после этого поколебалось столь коварно внушавшееся им убеждение, будто католики были добровольными рабами деспотизма, а католики увидели в ней замечательное проявление народной мощи — революцию народа против аристократии и потому перестали верить, что для их собственного спасения необходимо руководство со стороны аристократии.

Уловив этот благоприятный момент, Тон и его союзники предложили создать из людей всех вероисповеданий общество для обеспечения равного представительства всего народа в парламенте.

Это было задумано, как доказывают более поздние высказывания и труды Тона, исключительно как средство для достижения единства; хорошо понимая характер обстановки и природу политической олигархии, находившейся у власти, он представлял, что подобное требование встретит решительное сопротивление правительства, однако Тон мудро предугадал, что уже само сопротивление народной воле будет способствовать созданию более тесного и длительного союза демократии независимо от религии. Что Тон не имел никаких иллюзий относительно того, что стоит аристократия, подтверждают десятки отрывков из его автобиографии. Мы процитируем один, не только доказы-

* Действовавший в Дублине в конце XVIII века представительный орган католического населения Ирландии. Ставил своей целью борьбу за отмену Карательных законов и эмансипацию ирландских католиков.

вающий этот тезис, но и характеризующий влияние Французской революции на сознание народа Ирландии:

«По мере движения революции вперед и развития событий в Ирландии происходил быстрый рост общественного сознания. *И так же или еще быстрее возрастали страхи и злоба аристократии.* За короткое время отношение к Французской революции стало мерилом политических убеждений каждого, и нация разделилась на две большие партии — аристократов и демократов (по образцу Франции). С тех пор эти партии постоянно меряются силой и ведут своего рода приглушенную войну, в которую ход событий, весьма возможно, может скоро вдохнуть новую жизнь».

Отсюда следует, что Тон возлагал свои надежды на успешное осуществление классовой войны, хотя те, кто стремится подражать ему сегодня, воздевают в священном ужасе руки при одном упоминании этого выражения.

Политическая мудрость использования требования равного представительства в качестве лозунга, способного объединить силы демократии в Ирландии, доказывается изучением состояния избирательного права в то время. В «Обращении» «Объединенных ирландцев» Дублина к английскому «Обществу друзей народа», датированном 26 октября 1792 года, мы находим нижеследующее описание того, что представляла собой система представительства:

«С представительством протестантов дело обстоит следующим образом: 17 парламентских местечек не имеют ни одного проживающего в них избирателя, 16 имеют только по одному, 90 имеют каждое по тринадцати избирателей; 90 лиц избирают за 106 сельских местечек — это составляет 212 депутатов из общего числа 300; 54 члена парламента избираются 5 вельможами и 4 епископами; а влияние в парламентских местечках дает лендлордам такую власть в графствах, что фактически превращает и эти графства в местечки... при этом Его Величество Народ еще упоминается с притворным почтением; и если в самом

деле протестантская часть населения увенчана вепцом, то возложен он в насмешку, так как увит терниями.

Что же касается католиков, то простым и печальным фактом является следующее: 3 миллиона, у каждого из которых есть в государстве свои интересы и которые сообща придают этому государству его значение, облагаются налогами без представительства и связаны законами, на которые они не давали согласия».

Вышеупомянутое «Обращение», подписанное секретарем Томасом Райтом, содержит одно замечание, которое ряду социалистов и другим людям в Ирландии и Англии следовало бы хорошо изучить для своей пользы, ибо оно важно и потому, что характеризует образ мыслей того времени. Это замечание гласит:

«Что касается любого союза между двумя островами, то поверьте нам, когда мы говорим, что *наш союз основывается на обоюдной независимости. Мы полюбим друг друга, когда будем предоставлены сами себе.* Связать эти нации вместе должен союз разума».

В такой обстановке и возникло общество «Объединенные ирландцы». Его создали и руководили им люди, ясно представлявшие себе важность всех тех принципов, от которых совершенно отказались современные ирландские революционные деятели. Поэтому это общество столь же преуспело в объединении демократических сил Ирландии, сколь современные «патриоты» преуспевают в сохранении разобщенности этих сил из-за непримиримых религиозных раздоров. Это общество поняло, что аристократия враждебно относится к свободе; оно поняло, что борьба за свободу в Ирландии была лишь частью всемирного движения человечества к прогрессу, и потому вступило в союз с революционерами не только Франции, но и Великобритании; оно мало говорило о древней славе и много — о современной нищете. В отчете Тайного комитета палаты лордов полностью воспроизведен «Тайный манифест к друзьям свободы в Ирландии», распространявшийся повсюду в Ирландии Уолфом Тоном

и его товарищами в июне 1791 года. Так как этот манифест содержит проект плана революционной ассоциации, известной в истории как общество «Объединенные ирландцы», мы процитируем несколько отрывков для обоснования наших утверждений и для того, чтобы показать демократичность взглядов основателей общества. Существует предположение, что манифест написан Уолфом Тоном в сотрудничестве с Сэмюэлем Нейлсоном и другими:

«Из-за уклонения от немногих ясных и простых принципов политической веры наши политические взгляды, подобно нашей религии, стали проповедью, а не действием; словами, а не делом. Такое общество, как наше, не будет признавать те партийные наименования, которые, по-видимому, отгораживают человеческие сердца друг от друга и дробят на секты и группы здравый смысл, простую честность и общее благо.

Оно не будет обществом аристократии, которая прикрывается патриотическими речами и выступает как соперник деспотизма лишь в своих собственных целях, а не потому, что действительно является его непримиримым врагом в наших общих интересах. Оно не будет останавливать, проповедуя отжившие взгляды, прогресс человечества или пытаться вынудить его повернуть вспять, в узкие проулки и переулочки своих предков.

Это общество, вероятно, должно стать наиболее могущественным средством осуществления великой цели. Какова эта цель? *Права человека в Ирландии*. Величайшее счастье для наибольшего числа людей на этом острове, врожденное и неотъемлемое стремление каждой нации оставаться самой собой, желание и возможность быть счастливыми, добиваться общего блага, подобно тому как отдельный человек добывается своего личного благосостояния, и стремление отстоять свою независимость в качестве самодержавного народа — такова наша цель.

Величайшее счастье наибольшего числа людей.— Пусть этот принцип станет той скалой, на которой будет зиждиться наше общество. Пусть, руководствуясь

этим принципом, оно рассматривает и решает каждый политический вопрос, и пусть все, что необходимо для достижения этой цели, рассматривается не как нечто опасное, но как ведущее к нашей общей пользе, как наш долг, наша слава и наша общая религия. «Права человека» — это «права бога», и отстаивать одно — значит сохранять другое».

«Делом этого общества будет: во-первых, обнаружение своих принципов с помощью их опубликования, для того чтобы распространить их и осуществить свои цели. Во-вторых, осуществление постоянной связи с различными городами, использование всех возможностей, для того чтобы добиться созыва такого Национального Конвента ирландского народа, который сможет учесть прошлые ошибки и многие непредвиденные обстоятельства, возникшие со времени его последнего собрания. В-третьих, установление связи с подобными же обществами за границей — такими, как Якобинский клуб в Париже, Революционное общество в Англии, Комитет реформы в Шотландии. Пусть все нации идут рядом. Пусть обмен мнениями, касающимися прав человека, происходит между людьми настолько непосредственно, насколько это возможно.

Когда вперед выдвигается аристократия, народ отступает, когда вперед выступает народ, то аристократия, боясь отстать позади, втирается в наши ряды и возвышается в качестве трусливых лидеров или вероломных помощников. Она хотела сделать нас своим орудием; давайте лучше сделаем ее нашим орудием. Должно произойти одно из двух. Либо народ должен служить партии, либо партия должна подчиниться мощи народа, и тогда Геркулес сможет облокотиться на свою дубинку. Пусть 14 июля, в день, который всегда будет служить напоминанием о Французской революции, члены этого Общества совершат свое первое жертвенное возлияние европейской свободе, а в конечном счете — свободе мира, и, подняв глаза к небесам, в присутствии того, кто вдохнул в них вечно живую душу, поклянутся охранять права и прерогативы ирландцев как независимого народа.

«Бог и мое право» — вот девиз королей. «Бог и

свобода»,— воскликнул Вольтер, увидев Франклина, такого же гражданина мира, как и он сам. «Бог и наши права»,— пусть каждый ирландец обращается к другому с этим боевым кличем милосердия, справедливости и победы».

Трудно найти в современной [ирландской. — *Ред.*] социалистической литературе что-либо более интернациональное по своему размаху и целям, более определенное в смысле классового характера своих методов или более открыто демократическое по своей природе, чем этот манифест, и однако, хотя он доносит до нас вдохновение и методы революционера, признанного наиболее удачливым организатором восстания со времен Рори О'Мора, все его нынешние так называемые последователи постоянно попирают и отвергают каждый из этих принципов и отказываются применять их в качестве руководящих принципов в своей политической деятельности. Лишь ирландский социалист разделяет идеи этого революционного апостола «Объединенных ирландцев».

Цитированный выше манифест был распространен в июне 1791 года, а в июле того же года волонтерские общества и горожане Белфаста собрались, чтобы отпраздновать годовщину падения Бастилии: такое празднование было рекомендовано составителем манифеста в качестве средства воспитания и объединения подлинного народа Ирландии — непосредственных производителей. Мы процитируем несколько отрывков из помещенной в «Даблин кроникл» «Декларации волонтеров и всех жителей города и окрестностей Белфаста по поводу Французской революции». Поскольку Белфаст был тогда рассадником революционных идей в Ирландии и стал местопребыванием первой организации «Объединенных ирландцев», а все другие отделения общества создавались по его образцу, то изучение этой декларации многое даст нам.

«Единодушно принято на Ассамблее, состоявшейся после публичного оповещения 14 июля 1791 года

Полковник Шерман, президент

Ни мрамор, ни медь не могут так прочно увековечить права и обязанности людей, как их память и

сердца. Поэтому мы собрались сегодня отметить годовщину Французской революции, чтобы воспоминание об этом великом событии могло глубоко проникнуть в наши сердца, согретые не только чувством общности как горожан, но и чувством, которое связывает нас со всем человечеством в братство общих интересов, долга и любви.

На этом мы стоим, и если нас спросят, что значит для нас Французская революция, мы ответим — многое. Многое как для людей. Это благо для человеческой природы, что там, где стояла Бастилия, теперь растет трава. Мы радуемся событию, которое означает уничтожение гражданского и религиозного рабства, мы радуемся, когда видим, что это уродливое здание злоупотреблений, скрепленное только привычкой и воздвигнутое на невежестве поверженного народа, разрушено до самого основания и заменено принципом свободы для всех и общего блага. Мы действительно радуемся этому воскрешению человеческой природы и приветствуем нашего собрата, выходящего из подвалов изощренных пыток и из пещеры смерти. Мы поздравляем христианский мир с тем, что в нем существует хоть одна великая нация, которая отвергла все идеи завоевания и выпустила первый славный манифест гуманности, единения и мира. Мы со своей стороны молим бога, чтобы на ее земле установился мир и чтобы никогда более власть короля, знати и духовенства не могла нарушить согласие доброго народа, обсуждающего те законы, которые должны обеспечить его собственное счастье и счастье еще не родившихся миллионов.

Продолжай же свое дело, великий и мужественный народ; осуществляя на практике возвышенную философию своих законодательных принципов, вызывая одобрение даже со стороны наций, наименее расположенных оказать тебе справедливость, и не путем завоевания, а силой разума изменяй и освобождай мир — мир, взоры которого прикованы к тебе, сердце которого с тобой и который говорит о тебе на всех языках; ты поистине являешься надеждой всего мира, за исключением немногих членов нескольких прави-

тельств, считающих, что человечество принадлежит им, а не они — человечеству; но сейчас, после ужасного для них урока, они трепещут и не осмеливаются положиться на свои армии, направленные против тебя и твоего дела».

Так говорил Белфаст. Мы увидим, что идеи составителей Тайного манифеста нашли отзвук в сердцах людей. В октябре того же года состоялись многочисленные собрания отрядов дублинских волонтеров якобы для того, чтобы осудить правительственную прокламацию, предлагавшую награду за поимку вооруженных католиков, а в действительности, чтобы осудить политическое положение. О характере принятых решений можно судить по заключительному параграфу резолюции от 23 октября 1791 года, подписанной среди прочих Джеймсом Нэпперс-Тенди* от имени артиллерийского «Корпуса свободы». В этом параграфе говорится:

«Восхищаясь человеколюбием великой и просвещенной нации, показавшей человечеству пример политической и религиозной мудрости, мы не можем ограничиться оплакиванием тех оскорбительных для обеих сторон распри, которые слишком долго позорят имя ирландцев; и мы искренне желаем, чтобы наша вражда оказалась погребенной вместе с костями наших предков и чтобы мы объединились с нашими братьями-католиками, как равноправные граждане, и совместно *требовали прав человека*».

В том же месяце Уолф Тон, по приглашению одного из передовых волонтерских клубов, приехал в Белфаст, где создал первый клуб «Объединенных ирландцев». Вернувшись в Дублин, он организовал другой. Ниже мы приводим выдержку из протоколов учредительного собрания первого дублинского общества «Объединенные ирландцы», состоявшегося в гостинице «Орел» на Джастис-стрит 9 ноября 1791 года,

* Дж. Н. Тенди — активный участник ирландского национально-демократического движения в конце 18 века. Командир дублинского волонтерского «Корпуса свободы», значительную часть которого составляли ремесленники и наемные рабочие.

свидетельствующую о принципах основателей этих двух первых клубов того общества, которому было суждено в короткое время распространиться по всей Ирландии и привести в движение флоты двух иностранных союзников.

«Для достижения великой и важной цели — устранения абсурдных и гибельных различий и содействия полному объединению народа был создан клуб, объединяющий людей любых религиозных убеждений — общество «Объединенные ирландцы» Дублина. В качестве своей декларации члены его приняли декларацию подобного же общества в Белфасте, гласящую:

«В эту великую эру реформ, когда повсюду в Европе свергаются несправедливые правительства, прекращается тирания религиозных преследований и устанавливается свобода совести, *когда права человека признаны в теории и эта теория доказывается практикой*, когда ссылкой на древность уже нельзя больше защищать абсурдные и угнетающие порядки перед судом здравого смысла и вопреки общей пользе человечества, когда уже признано, что всякое правительство берет свое начало от народа и является обязательным лишь постольку, поскольку защищает права этого народа и способствует его благу, в такую эпоху, мы полагаем, наш долг как ирландцев — выйти вперед и заявить, в чем, как мы чувствуем, состоят наши несчастья и каким образом, по нашему мнению, их можно устранить.

У нас нет национального правительства; нами управляют англичане и слуги англичан, целью которых является выгода другой страны, орудием — подкуп, а сила заключается в слабости Ирландии; и эти люди используют всю власть и право назначения на должности в нашей стране, чтобы соблазнить и подчинить себе души представителей нашей страны в законодательных органах. Успешно сопротивляться такой посторонней власти, действующей большей частью против наших подлинных интересов, можно только при единодушии, решительности и воодушевлении народа — свойствах, которые могут проявиться в наиболее законных, конституционных и действенных формах при

осуществлении той великой меры, которая необходима для процветания и свободы Ирландии,— равного представительства всего народа в парламенте...

Мы подошли к тому, в чем, по нашему убеждению, состоит корень зла, и утверждаем, что ясно представляем себе, каково должно быть лекарство от этого зла: с парламентом, реформированным таким образом,— все легко, без него сделать ничего нельзя».

Таков план кампании, намечающий контуры тех путей, которыми позднее столь успешно следовали социалисты Европы—революционная партия, открыто объявляющая о своих революционных симпатиях, но ограничивающая свое первое требование популярной мерой: право представительства тем, от чьей поддержки зависел ее окончательный успех. Никто не может, прочитав только что цитированный манифест, не отдать себе отчета в том, что эти люди стремились не к чему иному, как к такой же социальной и политической революции, какая совершилась во Франции или даже более глубокой, поскольку Французская революция не дала представительства всему народу, а установила различия между активными и пассивными гражданами, между налогоплательщиками и неналогоплательщиками. И ни один беспристрастный ученый не может не согласиться, что именно эта смелая цель была тайной их организаторских успехов, подобно тому как она является тайной политических успехов социалистов наших дней. Ничто другое не смогло бы заставить католиков и протестантов протянуть друг другу руки через кровавую пучину религиозной ненависти, ничто другое не сможет и в наши дни добиться подобного же результата среди ирландских рабочих. В заслугу лидерам «Объединенных ирландцев» следует поставить то, что они остались верны своим принципам даже тогда, когда их более умеренная позиция могла бы обеспечить смягчение их участи. Томас Эддис Эммет, допрашиваемый перед Тайным комитетом палаты лордов в тюрьме Форт-Джордж в Шотландии, не поколебался заявить своим следователям, что, если бы заговорщики преуспели в своих

планах, они создали бы социальную систему, весьма отличную от существующей в Ирландии.

Не многие движения в истории так постоянно искажались и открытыми врагами, и признанными поклонниками, как движение «Объединенных ирландцев». Беззастенчиво выдвигались ложные предположения и применялось искоренение истины. Ирландские буржуазные «патриотические» историки, ораторы и журналисты соперничали друг с другом в пылких описаниях военных подвигов «Объединенных ирландцев» на суше и на море, их побегов в тот момент, когда они находились на волосок от смерти, и их героического мученичества, но они решительно замалчивали или искажали их произведения, песни и манифесты. Мы стремились исправить это, сделать литературу «Объединенных ирландцев» достоянием гласности, полагая, что она расскажет об этих людях больше, чем это может сделать любой биограф, даже из числа приверженцев движения. Д-р Мэдден, наиболее усердный и добросовестный биограф, отмечает в своем труде «Посмертные литературные произведения «Объединенных ирландцев», что он отбросил многие их произведения из-за «нелепых» республиканских и атеистических тенденций.

Это достойно сожаления, ибо перекладывает на других биографов и историков заботу (теперь в тысячу раз более трудную) по изысканию и собиранию заново того литературного материала, на основании которого только и можно дать правильную оценку деятельности этих пионеров демократии в Ирландии. И поскольку мужчины и женщины Ирландии приближаются к более верному пониманию их подлинных социальных и политических принципов, постольку можно сказать, без богохульства или непочтительности, что камни, отброшенные строителями прошлого, стали краеугольными камнями воздвигаемого ими здания.

Заговор Эммета

Богатый всегда предаст бедного.
*Из письма Генри Джоя
Маккрэкена к сестре, 1798 год*

Заговор Эммета — заключительный этап движения «Объединенных ирландцев» — имел еще более отчетливо демократический, интернационалистский и народный характер как по своим целям, так и по составу своих участников. Вероломная выдача руководителей «Объединенных ирландцев» правительству практически устранила со сцены всех буржуазных сторонников революционного движения и предоставила рядовым участникам движения возможность поступать в соответствии с собственными возможностями и склонностями. Поэтому, когда Эммет попытался реорганизовать разрозненные силы борцов за свободу для новой схватки с деспотическим классовым правительством, находившимся тогда у власти в Ирландии и в Англии, ему пришлось иметь дело именно с этими простыми тружениками города и деревни. Все ученые, изучавшие этот вопрос, единодушно признают, что заговор Эммета по своему характеру был более пролетарским, чем предшествующие. Поистине замечательным явилось то, что, хотя этот заговор получил распространение в Ирландии, Англии и Франции и быстро пускал корни среди беднейшей части народа и сопровождался тщательными приготовлениями к вооруженному восстанию, почти до самого дня восстания английское правительство и его представители в Ирландии ничего не знали о нем.

Возможно, что именно в пролетарском характере движения, в том, что его участниками становились главным образом рабочие Дублина и других больших городов, а также трудящиеся сельских округов, и кры-

лась подлинная причина того, почему оно не породило стольких предателей, как предшествующие движения. После провала заговора правительство, естественно, сделало вид, что постоянно было в курсе дела, ибо британское правительство в Ирландии всегда стремится выглядеть всезнающим, однако в ходе судебного процесса Эммета не было приведено никаких доводов, подтверждающих это. Да и до сей поры ничего подобного обнаружено не было, хотя люди, изучающие правительственные документы того времени, бумаги Кэслри, отчеты секретной службы и другие источники информации, оказались в состоянии в истинном свете показать бесчестье многих из тех, кто в течение жизни целого поколения находился в центре общего внимания, выступая в роли благородных патриотов и реформаторов.

Так, Леонард Макнэлли, юрист и официальный защитник «Объединенных ирландцев», выступавший в качестве адвоката всех руководителей этой организации на судебных процессах, один из членов Католического комитета, избранный в 1811 году делегатом от ирландских католиков в Англию, почитаемый и уважаемый как бесстрашный поборник прав католиков и защитник преследуемых националистов, этот самый Макнэлли был изобличен в том, что все это время получал жалованье от правительства, играя отвратительную роль осведомителя и систематически выдавая правительству сокровеннейшие тайны тех самых людей, защитником которых притворялся на суде. Но это оставалось секретом в течение полувека. Френсис Мэган, другая известная личность, тайно получал от правительства пенсию 200 фунтов в год за выдачу убежища лорда Эдуарда Фитцджеральда*, но жил и умер как уважаемый, честный и незапятнанный гражданин. Отряд королевской милиции графства Мит, размещавшийся в Мэллоу (графство Корк), составил

* Член руководства «Объединенных ирландцев», один из организаторов восстания 1798 года. Был арестован английскими властями накануне восстания, при аресте оказал сопротивление и был смертельно ранен.

заговор с целью захватить находившуюся там артиллерию, а затем с этим ценным оружием присоединиться к повстанцам. Один из заговорщиков упомянул об этом плане на исповеди преподобному Томасу Бэрри, приходскому священнику Мэллоу, и тот принудил его раскрыть все планы военным властям. Руководитель заговорщиков, сержант Битти, поняв по неожиданно принятым мерам предосторожности, что заговор раскрыт, вместе с девятнадцатью солдатами с боем вырвался из казарм, но позднее его схватили и повесили в Дублине. Отец Бэрри (как иронически звучит подобное обращение!) был награжден правительством пенсией 100 фунтов стерлингов в год и тайно получал эти обгаренные кровью деньги, пока его преступление не было раскрыто. Поговаривали, что Дэниель О'Коннелл побледнел, когда ему показали расписку отца Бэрри за эти кровавые деньги, но сейчас стало известно, что и сам О'Коннелл в качестве члена добровольческого Кавалерийского корпуса дублинских юристов был вызван по тревоге, чтобы выступить против мятежников в ночь восстания Эммета, и Даунт в своих «Воспоминаниях» рассказывает, как О'Коннелл сам показал ему дом на Джеймс-стрит, в котором он (О'Коннелл) разыскивал «бритых»*.

Автор этих строк своими глазами видел в Дерринейне, в родовом доме О'Коннелла в графстве Керри, отделанный медью мушкетон, который, как нас уверял один из членов семьи, был взят О'Коннеллом у его владельца, сторонника Эммета, в доме на Джеймс-стрит,—замечание, которое напоминает тот самый розыск «бритых», о котором говорит Даунт, и вызывает догадку, что, возможно, этот мушкетон обязан своим присутствием в Дерринейне именно этому памятному набегу.

Но хотя современные исследователи извлекли на свет много подобных случаев измены делу свободы и

* Так называли участников аграрных волнений и демократических движений, многие из которых после захвата их властями были обриты.

обнаружили глубочайшую продажность там, где ее и не подозревали, до сих пор, однако, не обнаружено ничего такого, что могло бы умалить славу или запятнать имена тех людей из рабочего класса, которые, будучи посвящены в опасную тайну заговора Эммета, честно и преданно хранили ее до конца. Следует вспомнить, что в тот период любая действующая открыто организация трудящихся, какие бы цели она ни преследовала, считалась незаконной, и, следовательно, все тред-юнионы, процветавшие тогда среди рабочего класса, представляли собой незаконные организации, а их члены находились под постоянной угрозой ареста и отправки на каторгу. Поэтому предложение ниспровергнуть класс угнетателей и установить республику, основанную на предоставлении всем гражданам избирательного права, как планировал Эммет, было призывом, вероятно обращенным как к материальным, так и к духовным потребностям ирландских тружеников. А так как последние были уже приучены соблюдать тайну в своей организации, то, естественно, они оказались великолепным материалом для революционного движения. Знаменательно, что единственное серьезное столкновение в ночь неудачного восстания произошло в Дублине, в квартале, населенном исключительно ткачами, дубильщиками кожи и сапожниками — наиболее организованными рабочими в городе, — и что вооруженные отряды повстанцев Уиклоу, приведенные в Дублин Майклом Двайером, их военным руководителем, были размещены на набережных среди докеров. Именно поэтому они смогли в конце концов вернуться домой, и не нашлось человека, который бы выдал их местопребывание многочисленным шпионам правительства.

Готовность трудящихся всей страны принять участие в любом движении, которое сулило надежды на социальное освобождение, может быть подтверждена тем фактом, что в 1802 году происходили частичные восстания в Лимерике, Уотерфорде и Типперэри, где, согласно «Истории Ирландии» Хэверти, «в качестве причины восстания указывали на дороговизну карто-

феля» и на «право прежних арендаторов продолжать владеть своими фермами»*.

Такова была внутренняя опора, на которой основывался заговор Эммета,— рабочие, мечтавшие о политическом и социальном освобождении. За границей же он искал союза с Французской республикой — воплощением политического, социального и религиозного недовольства и революции своего времени, а в Великобритании вступил в союз со сторонниками реформ, составившими заговор для свержения английской монархии. 13 ноября 1802 года в Лондоне были арестованы некий полковник Деспард вместе с девятнадцатью другими лицами, обвиненными в государственной измене; им вменили в вину организацию заговора с целью убийства короля, и хотя никаких доказательств, подтверждающих подобное обвинение, предъявлено не было, Деспард и семеро других были повешены. Согласно бумагам Кэслри, Эммет и Деспард готовились одновременно поднять восстание, а некий Уильям Даудэлл из Дублина, характеризующийся как один из наиболее решительных членов общества «Объединенных ирландцев», был доверенным агентом их обоих. У. Д. Фитцпатрик в своих книгах «Секретная служба при Питте» и «Мнимый сквайр», явившихся результатом широкого научного исследования правительственных отчетов и ряда семейных архивов, привел многие из этих фактов, но тем не менее, хотя эти книги были опубликованы полстолетия тому назад, в каждую новую годовщину восстания Эммета мы встречаем множество новых ораторов, которые знают все о мученичестве Эммета и ничего — о его принципах. Даже некоторые из наиболее сочувствующих ему панегиристов, кажется, не отдают себе отчета, что они умаляют его славу, изображая Эммета лишь жертвой протеста против местных несправедливостей, касающихся только Ирландии, вместо того чтобы показать его как ирландского поборника всемирного движения за свободу, равенство и братство. А ведь именно это

* Право это сплошь и рядом нарушалось лендлордами, стремившимися сдать фермы новым людям за более высокую арендную плату.

и было отличительной особенностью Эммета, и именно за это его будет почитать демократия будущего. Он полностью разделял интернациональные симпатии членов дублинского общества «Объединенных ирландцев», избравших своим членом одного шотландского реформатора, как только они узнали, что правительство приговорило его к каторге за океаном за посещение собрания реформаторов в Эдинбурге. Эммет верил в братство угнетенных и в общность свободных наций и умер за свой идеал.

Эммет — наиболее обожаемый, наиболее и повсеместно восхваляемый из всех ирландских мучеников; поэтому особенно достойно внимания то, что в прокламации, составленной им для опубликования от имени «Временного правительства Ирландии», первая же статья декретирует полную конфискацию и национализацию церковной собственности, а вторая и третья запрещают и объявляют недействительной передачу всякой земельной собственности, облигаций, долговых обязательств и государственных ценных бумаг до тех пор, пока не будет создано национальное правительство и выражена воля нации по этим вопросам.

Два обстоятельства установлены, таким образом: первое — Эммет полагал, что «национальная воля» превалирует над правами собственности и может по своему усмотрению уничтожить эти права; и второе — он осознал, что ожидать сплочения непосредственных производителей во имя революции можно только тогда, когда они поймут, что эта революция означает для них освобождение не только от политического, но и от социального рабства.

Первый ирландский социалист — предшественник Маркса

Это та система, которая даже в своих наименее отвратительных чертах вынуждает тысячи и десятки тысяч людей мучиться и тяжело трудиться, жить и умирать в голоде, лохмотьях и нищете для того, чтобы немногочисленные праздные трутни могли наслаждаться в довольстве и роскоши.

«Айриш пипл», 9 июля 1864 года

В Ирландии, как и в любой другой части Европы, первая четверть девятнадцатого столетия была отмечена политическим мракобесием, разнузданным деспотизмом и реакцией. Страх, вызванный в сердцах представителей правящих классов Французской революцией, породил почти безумную ненависть ко всякой реформе, ненависть, сочетавшуюся с волчьей жестокостью, когда дело шло о преследовании сторонников даже самых скромных реформ. Триумф союзных монархов над Наполеоном сопровождался подлинным разгулом деспотизма по всей Европе, и любая народная организация безжалостно подавлялась или загонялась в подполье. Это, однако, не устраняло причин недовольства, и поэтому с усилением реакции снаружи ее противники одновременно расширяли в подполье свои тайные организации. Народное недовольство возросло еще сильнее и в связи с тем, что возвращение домой демобилизованных после окончания наполеоновских войн солдат имело серьезные экономические последствия. Прекращение войны лишило земледельцев рынка для сбыта продукции и вызвало значительный сельскохозяйственный и промышленный кризис. Оно лишило постоянного занятия все экипажи кораблей, занятых перевозкой продовольствия для

войск, всех рабочих, связанных со строительством, снаряжением и ремонтом этих кораблей, а также производящих военные материалы; помимо прекращения производства и появления на рынке труда свободной рабочей силы, на произвол судьбы оказались выброшенными много тысяч здоровых солдат и матросов, ставших конкурентами тех самых рабочих, которые кормили, одевали и содержали их во время войны.

В Ирландии результаты этого сказались особенно губительно, ибо число ирландцев среди демобилизованных солдат и матросов было чрезвычайно велико. Вернувшись домой, они нашли, что рынок труда в городах насыщен безработными, а в сельских районах столкнулись с жестокой войной на истребление, которую лендлорды вели против своих арендаторов; последние, потеряв рынок и не имея возможности сбывать продукты по высоким ценам военного времени, были не в состоянии удовлетворить возросшие требования земельных собственников. Именно в этот период Общество риббонменов* организовало крупный заговор среди ирландских батраков в сельских округах, и хотя нам известно об этом движении еще не все, однако мы знаем все же достаточно, чтобы утверждать, что общество это являлось в действительности тайным сельскохозяйственным тред-юнионом батраков и коттеров — тред-юнионом, который решил по своему осуществить правосудие над теми, кто изгонял с земли арендаторов, и отомстить каждому, кто изменял своим товарищам.

В это время тред-юнионы в Ирландии, существовавшие тайно и нелегально, достигли наибольшей силы и организованности. В 1824 году глава дублинской полиции, давая показания перед комитетом палаты общин, заявил, что рабочие различных профессий в этом городе полностью организованы и многие

* Общество риббонменов — тайное общество арендаторов, сопротивлявшихся их сгону с земли помещиками, созданное в начале XIX века. В качестве эмблемы общества члены его носили ленту (ribbon).

предприниматели уже жалуются на «тиранию ирландских тред-юнионов». В связи с этим не следует удивляться, что внимание, которое в восемнадцатом столетии уделялось политическим реформам и философии, в девятнадцатом уступило место заботе о социальных улучшениях.

В Англии, Франции и Германии появилось множество философов, каждый из которых имел свою схему совершенного социального строя, свой план, с помощью которого можно достичь возрождения общества, покончить с бедностью и всеми сопутствующими ей бедами. В большинстве своем эти теоретики не выражали недовольства теми, кто пользовался благами современной им социальной системы; они были недовольны лишь результатами самой социальной системы. Как правило, они верили, что правящие и имущие классы сами охотно откажутся от своих привилегий и собственности и положат начало новому строю, как только убедятся в его преимуществах. Естественно поэтому, что их критика современного общества сводилась главным образом к анализу результатов соперничества между продавцом и покупателем, а отношения между наемным рабочим как производителем и собственником, присваивающим продукт его труда, в их исследованиях не играли никакой роли.

Одним из результатов такого одностороннего взгляда на социальные отношения неизбежно было полное игнорирование исторического развития как фактора, ускоряющего достижение их идеала; раз новый строй должен установить правящий класс, следовательно, чем сильнее становится этот класс, тем легче совершится переход, и поэтому все, что направлено на ослабление социальных связей путем обострения классовых различий или на ослабление того чувства уважения, которое питает наемный рабочий к своему хозяину, будет-де препятствовать прогрессу.

Такие философы создавали социалистические секты, и известно, что их последователи, утратив вдохновляющий гений своих лидеров, вырождались в ярко выраженных реакционеров, препятствующих движению рабочего класса вперед.

Ирландцы, как правило, не философы, они слишком быстро переходят от мысли к действию.

Поэтому не удивительно, что в ту же самую эпоху, которая породила во Франции, Англии и Германии упоминавшихся выше утопических социалистов, в Ирландии появился экономист, который был ближе к социализму в современном смысле, чем кто-либо из его современников,—Уильям Томпсон, из Клонкина, Роскэрберри (графство Корк) — социалист, который не колеблясь выступил против политического и социального угнетения рабочего класса как худшего из общественных зол, с беспощадной правдивостью обрисовал гибельные для политической свободы последствия того факта, что в обществе существует класс богачей. Томпсон верил в возможность осуществления социализма путем создания кооперативных колоний, подобных тем, за которые ратовал Роберт Оуэн, и в этом отношении его можно считать утопистом. Но, с другой стороны, он полагал, что такие колонии должны быть построены самими трудящимися, а не правящим классом. Он учил, что богатство правящего класса возникло в результате ограбления трудящихся, и пропагандировал как необходимую подготовительную меру для перехода к социализму завоевание политического представительства на основе всеобщего избирательного права для всех взрослых мужчин и женщин. Он не верил, что государство может стать основой социалистического общества, однако настаивал на необходимости использования политических средств для уничтожения всех классовых привилегий, установленных законом, и всех препятствий, которые правящий класс будет стремиться воздвигать на пути развития социалистических общин.

Чтобы не подумали, что мы преувеличиваем достоинства Томпсона как оригинального мыслителя и пионера социалистической мысли, превосходящего любого утопического социалиста континента и предвосхитившего Карла Маркса как в его настойчивом утверждении, что именно угнетение рабочего класса является причиной социальной нищеты, современных преступлений и политической зависимости, так и в его

тщательном анализе истинного определения капитала, мы процитируем отрывок из наиболее важного произведения Томпсона, опубликованного в 1824 году, — «Исследования о принципах распределения богатства, более способствующих человеческому счастью, чем применяемые в недавно предложенной системе добровольного уравнивания богатства».

«Каково, в таком случае, наиболее точное понятие капитала? Это та часть продукта труда, которая, является ли она постоянной по характеру или нет, может быть использована для получения прибыли. Таковы, по-видимому, реальные обстоятельства, которые выделяют одну часть продуктов труда в качестве капитала. Из этого различия и возникает необеспеченность и угнетение производительного класса рабочих, действительно создающих под руководством науки все богатства, и чудовищная узурпация производительных сил и своих ближних теми, кто под именем капиталистов или лендлордов овладели этими накопленными продуктами...

Это порождает противоположные требования капиталиста и рабочего. Капиталист, получивший возможность в условиях необеспеченности и принуждения прибрать к рукам продукты потребления, принадлежащие многим рабочим, орудия или машины, необходимые для того, чтобы сделать их труд продуктивным, и жилища, в которых они должны жить, воспользовался этим наилучшим образом и купил труд и, одновременно, его будущие продукты так дешево, как только возможно. Чем больше прибыль на капитал или чем больше капиталист заставляет рабочего платить авансом за его пищу, за употребление механизмов или инструментов и пользование жилищем, тем меньше, конечно, остается рабочему для приобретения какого-нибудь желаемого предмета».

Посмотрите далее, как, отстаивая политические реформы в качестве средства для достижения цели, Томпсон в то же время показывает их неэффективность, если они рассматриваются как самоцель:

«До тех пор пока весь накопленный общественный капитал остается в руках одной группы лиц, а соз-

дающие богатства производительные силы остаются у другой группы, капитал этот будет до тех пор, пока природа человека сохранится такой, какова она теперь, извлекать пользу, противодействуя естественным законам распределения и лишая производителей возможности пользоваться тем, что создано их трудом. Если можно было бы представить себе, что при обычных представительных учреждениях хотя бы некоторые подобные условия, вызывающие необеспеченность, могут беспрепятственно сохраняться и поддерживать вышеупомянутое разделение между капиталом и трудом, то такие представительные учреждения (даже в случае прекращения грабежа со стороны политических властей) были бы куда менее полезны для подлинного счастья человечества, чем те, которые успешно способствовали бы развитию знаний и окончательному избавлению от вышеупомянутых условий.

Пока существует класс капиталистов, общество не может быть здоровым. Любая добыча, вырванная из рук политической власти, будет браться другим путем, под именем прибыли, капиталистами, которые, пока они остаются капиталистами, должны всегда быть законодателями».

Томпсон пропагандировал бесплатное образование для всех и, чтобы доказать возможность этого, рассматривал данный вопрос весьма детально, приводя статистические данные, свидетельствующие, что Ирландия может легко вынести расходы на такое образование, не увеличивая чрезмерно бремени класса производителей. В этом он на три поколения опередил свое время: предлагавшаяся им реформа лишь отчасти осуществлена в наши дни. Живя в стране, где незначительное меньшинство силой навязало побежденному народу ненавистную религию, в результате чего дикий фанатизм опозорил обе стороны, он, однако, был достаточно смел и дальновиден, чтобы защищать светское образование, и на вопли фанатиков, которые тогда, как и теперь, утверждали, что без поддержки со стороны государства религия погибнет, отвечал:

«Опыт доказал, что религия может существовать, не нарушая естественные законы распределения, более того, что она усиливалась и процветала в течение столетий в Ирландии и Греции вопреки тому, что ее собственные ресурсы принудительно изымались у ее приверженцев ради обогащения ее же ненавистных соперников — служителей господствующей церкви, то есть для поддержания той самой силы, которая ее угнетала»*.

Насколько отличен был социализм, проповедуемый Томпсоном, от мечтательного сентиментализма утопистов континентальной Европы или от ранних идей Оуэна в Англии с их постоянными обращениями «к гуманности» имущих классов, хорошо иллюстрирует приводимый ниже отрывок. Подобные строки, с их язвительным анализом поведения богачей на разных стадиях развития политического общества и той страстной жажды власти, которая сопутствует безмерному богатству, могли быть написаны социалистом двадцатого столетия:

«У праздных богачей нет какого-либо деятельного занятия; цель жизни у них отсутствует. Они обладают средствами для удовлетворения своих чувств, даже фантазий, для исполнения всех своих желаний и капризов. Остается лишь обеспечить наслаждение властью. Одна из сильнейших и наиболее неизбежных склонностей тех, кто воспитан в потворстве своим слабостям, — ненавидеть всякое ограничение, не терпеть противодействия и потому стремиться к власти, чтобы устранить эти ограничения и противодействие. Как приобретут они власть? Во-первых, непосредственно используя свое богатство, а также те надежды и страхи, которые оно порождает; затем, когда эти средства исчерпаны или чтобы сделать их более эффективными, они повсюду стараются захватить и монополизировать государственную власть.

Там, где нет деспотизма, они стремятся захватить или целиком в свои собственные руки, или в союзе с

* То есть для господствующей англиканской церкви в Ирландии и для мусульманского духовенства в православной Греции.

главою государства и другими корпорациями возможно большую законодательную власть. Там, где нет деспотизма или он существует в смягченном виде, они делят между собой все второстепенные государственные ведомства; монополизировать, прямо или косвенно, командование вооруженными силами, должности судей, священников и все те области исполнительной власти, которые дают наибольшее влияние, требуют наименьших забот и приносят максимальное денежное вознаграждение. Там же, где существует деспотизм, класс богачей добивается соглашения с деспотом на возможно более выгодных для себя условиях, чтобы участвовать в управлении либо в качестве равноправных партнеров, либо просто в качестве рабов.

Если богачи уверены в своей силе, они заключают соглашение с деспотом и отстаивают то, что называют своими правами; если же они слабы, то охотно пресмыкаются перед деспотом и даже, кажется, гордятся своим рабством перед ним, за которое получают возможность превращать в своих рабов остальное общество».

В странах, где говорят по-английски, труд этого ирландского мыслителя практически неизвестен, но на Европейском континенте его позиция давно упрочена. Помимо уже цитированной работы, он написал «Протест одной половины человеческого рода — женщин — против притязания другой половины — мужчин — удерживать их в политическом, а следовательно, и в гражданском и домашнем рабстве», опубликованный в Лондоне в 1825 году. Две другие известные его работы — «Вознагражденный труд, примирение труда и капитала, или как обеспечить труду весь продукт его усилий», опубликованная в 1827 году, и «Практические указания для быстрого и экономичного учреждения общин», опубликованная в 1830 году. Он оставил также рукописи, затрагивавшие те же темы, но они никогда не публиковались, и теперь их местонахождение неизвестно. Говорили, что в течение двадцати лет Томпсон был вегетарианцем и совершенным трезвенником; большую часть своего состояния он за-

вещал первой кооперативной общине, которая будет создана в Ирландии, а свое тело — использовать для целей анатомирования в интересах науки. Однако его родственники успешно оспорили завещание на том основании, что «оно заключало в себе безнравственные вещи».

По нашему мнению, в развитии социализма как науки Томпсон стоит на полпути между утопизмом ранних идеалистов и историческим материализмом Маркса. Он во многом предвосхитил последнего своим анализом экономической системы и предвидел ту роль, которую должна сыграть демократизация политической жизни для выяснения основ законных привилегий трудящихся классов. В предисловии к английскому переводу работы одного из его немецких биографов, Антона Менгера, Х. С. Фоксвелл так писал о его вкладе в экономическую науку:

«Известность Томпсона сохранится не из-за его убежденной и энергичной защиты оуэновской кооперации, а благодаря тому, что *он был первым писателем, поднявшим вопрос о справедливом распределении богатства* на ту высоту, которую этот вопрос с того времени и занимает в английской политической экономии. В его время политическая экономия имела дело скорее с торговлей, чем с промышленностью, и потому он счел необходимым объяснить само значение термина «промышленный», который, как он говорит, имел французское происхождение и был заимствован, без сомнения, у Сен-Симона».

Если бы мы попытались сравнить Томпсона и Маркса, то не сочли справедливым по отношению к ним противопоставлять их друг другу или восхвалять Томпсона с целью умалить Маркса, как стремятся делать некоторые континентальные критики последнего. Скорее бы мы сказали, что между этим ирландским гением и Марксом такое же соотношение, как между додарвиновскими эволюционистами и Дарвином; подобно тому как Дарвин систематизировал все теории своих предшественников и посвятил всю жизнь накоплению фактов, необходимых для упрочения своей и их позиций, так и Маркс, найдя уже намечен-

ным контур экономической теории, привнес свой гений, энциклопедические знания и провел тщательное исследование для того, чтобы подвести под эту теорию прочный фундамент.

Томпсон устранил экономическую фикцию, поддерживаемую ортодоксальными экономистами и принятую утопистами и гласившую, будто прибыль создается в процессе обмена, и заявил, что она возникает благодаря подчинению труда и последующему присвоению плодов этого труда капиталистами и ленд-лордами. Он не колебался включить и себя в число тех, кто получает блага от подобной монополии. В 1827 году Томпсон заявил, что в течение примерно двенадцати лет «жил на то, что называется рентой, то есть на продукт чужого труда». Все теории классовой борьбы являются лишь логическим выводом из этого принципа. Но хотя Томпсон и признавал существование классовой борьбы, он, однако, не считал, что она является важнейшим фактором в эволюции общества к свободе. Обосновать это положение предназначено было Марксу, что, по нашему мнению, и составляет венец его славы. В то время как Оуэн и континентальные социалисты умоляли о благосклонности королей, парламенты и конгрессы, этот ирландец обвинял богатых, указывая, что им всегда присуща страстная жажда власти, что «капиталисты, пока они капиталисты, всегда будут законодателями» и что «до тех пор, пока существует сам класс капиталистов, общество не может быть здоровым». То обстоятельство, что смелый кельт проповедовал такое учение, обвиняя одинаково и правителей общества и само общество, и столь же неистово требовал распространения избирательного права на все взрослое население, является, несомненно, достаточным объяснением, почему его труды не встретили благосклонности со стороны респектабельных классов общества, тех самых классов, которые так часто носятся с лидерами современных социалистических сект.

В наши дни другой великий ирландец — Стэндиш О'Грэди, может быть, величайший из литераторов Ирландии, выступает на страницах «Пезэнт» (Дублин,

1908—1909 годы) против капиталистического общества и, чтобы покончить с этим обществом, настаивает на образовании в Ирландии кооперативных общин. При этом весьма знаменательно, что ирландцы очень мало знают об интеллектуальных достижениях своего народа, и О'Грэди, очевидно, совершенно не осведомлен о попытках, предпринятых в этой области его великим предшественником. Любопытно и то, что на сознании ирландцев настолько сильно сказываются английские традиции, что ирландские националисты зачастую яростно выступают против социализма как «немецкой идеи», хотя любую социальную концепцию, которую мы находим в полном развитии у Маркса, мы можем найти в зародыше у Томпсона, за двадцать три года до опубликования «Коммунистического Манифеста» и за сорок три года до выхода в свет «Капитала».

Заканчивая эту главу, мы приведем еще один отрывок из литературного наследия этого ирландского пионера революционного социализма; мы намеренно говорим «революционного социализма», ибо все логические выводы из его учения непреодолимо ведут к революционному действию рабочего класса. Поскольку, согласно социалистической философии, политические требования рабочего движения во все времена зависят от степени развития современной ему эпохи и страны, в которой это движение происходит, теории действия Томпсона были наивысшим выражением революционной мысли его времени.

«Непосредственные производители лишены всякого капитала, инструментов, производственных помещений и материалов, необходимых, чтобы сделать труд производительным, и трудятся вследствие нужды и необходимости обеспечить свое существование, а их заработная плата держится на низшей из допустимых цифр, совместимых с сохранением привычного трудолюбия...

Как могут эти несчастные бедняки быть добродетельными? Кто заботится о них? Какие свойства они должны утратить? Какое влияние на их поступки оказывает общественное мнение? Как могут заботиться

о таких деликатных вещах, как репутация, те, кого гложет безграничная нужда? Как же будут они уважать собственность и права того, у кого нет ничего, что вызывало бы чувства симпатии у тех, кто страдает из-за лишений?

Как могут сочувствовать горю других или их мимолетным незначительным жалобам те, кого терзают свои собственные реальные несчастья? Простое упоминание о мелких затруднениях других оскорбляет и вызывает негодование, вместо того чтобы вызвать их благодушное сочувствие. Нужда без благопристойности, лишаящая удобств, всего жизненно-необходимого, порождает жестокость. Если они посмотрят вокруг, то обнаружат, что многие находятся в одинаковом с ними положении и разделяют их чувства. Они составляют друг для друга публику, страдающую, недовольную и невежественную; они создают свое собственное общественное мнение, презиращее общественное мнение богачей, существование которых, как и их законов, они рассматривают как результат насилия. От кого эти несчастные могут перенять принципы, если они никогда не видели нравственного поведения на практике? А уважение к безопасности других? У высшестоящих? У законов? Но поведение этих высшестоящих, действие этих законов дают им практический урок насилия, ограничения, изъятия без их согласия, без какого-либо эквивалента плодов их труда. Какая польза от морали, принципов или приказа? Они никогда не смогут побудить к добродетельному поведению. *Побуждения возникают как следствие окружающих условий, а не из пустых слов и пустой декламации. Слова могут быть полезны лишь для того, чтобы выразить и применить знание этих условий и обстоятельств. Если эти обстоятельства не существуют, то слова будут простой насмешкой.*

Ознакомившись с этой частицей экономической детерминистской философии, учившей, что мораль — следствие социального развития, результат определенных условий и обстоятельств, мы оставляем этого самого раннего из ирландских поборников социальной

революции. Кельтские энтузиасты* любят утверждать, а исследования наших дней, кажется, подтверждают такое утверждение, что ирландские миссионеры были первыми среди тех, кто вновь разжег в Европе светильник знаний и разогнал мрак, наступивший вслед за падением Римской империи, но разве мы можем не гордиться и тем, что именно ирландец был первым, кто проник сквозь большую, чем египетская, тьму капиталистического варварства и указал труженикам на причины их порабощения и предпосылки, необходимые для их освобождения?

* То есть участники движения за Гэльское возрождение.

Ирландская утопия

Если бы Локк получил от богов схему правления, наиболее полно соответствующую природе и способностям ирландской нации, то она упала бы на землю лишь как никчемный свиток, когда бы единственным способом привести ее в действие являлись одни ее внутренние высокие достоинства. Все истинные ирландцы согласны в том, что должно быть сделано, вопрос состоит лишь в том — как это должно быть сделано.

«Тайный манифест», Ирландия, 1793 год

В предыдущей главе мы показали, как окончание наполеоновских войн ускорило наступление торгового кризиса в Великобритании и Ирландии и что в последней оно способствовало также обострению отношений между лендлордом и арендатором. Во время войн против Наполеона цены на сельскохозяйственные продукты неуклонно повышались в связи с закупкой британским правительством провианта для своих огромных армий и флота. С ростом цен увеличивалась и арендная плата, однако, когда после окончания войны снижение спроса привело к падению цен, арендная плата не уменьшилась. Сокращение рынка при стабильности или повышении арендной платы могло привести в Ирландии только к одному результату — аграрной войне.

Лендлорды настаивали на своем «фунте мяса», а крестьяне тайно организовывались, чтобы запугать своих угнетателей и защитить себя. В 1829 году принятие акта, даровавшего католикам эмансипацию, породило еще одну причину народной нищеты. До этого времени ни один католик не имел права заседать в английской палате общин, быть судьей или претендо-

вать на какой-либо из более высоких постов на гражданской, военной или военно-морской службе.

Кульминационным пунктом долгой борьбы против этого несправедливого «протестантского господства» явилось решение католического лидера Дэниеля О'Коннелла выступить в качестве кандидата на место в парламенте от графства Клэр. О'Коннелл в своем заявлении, сделанном после того, как он вызвал у всего католического населения бешеную ненависть против этого господства, сказал, что если будет избран, то откажется принести присягу, которую тогда требовали от члена парламента, так как это оскорбляет католическую религию.

В Ирландии в это время практиковалось открытое голосование и каждый избиратель должен был открыто называть перед уполномоченными по выборам и другими избирателями имя своего кандидата. Кроме того, в Ирландии в это время большинство арендаторов составляли краткосрочные арендаторы, которых можно было согнать с земли просто по желанию лендлорда или его представителя. Поэтому выборы являлись одновременно и фарсом и трагедией — фарсом, когда дело касалось способов установления подлинного желания избирателей, трагедией, когда какой-либо из арендаторов осмеливался голосовать против ставленника лендлорда. Избирательное право распространялось на всех арендаторов, плативших ежегодно 40 шиллингов арендной платы, независимо от их вероисповедания, но та ужасная власть над жизнью и смертью своих арендаторов, которой обладал лендлорд, обычно делала это избирательное право бесполезным для самого народа. Однако когда О'Коннелл призвал католическое крестьянство Клэра бросить вызов их тиранам — землевладельцам и голосовать за него в интересах религиозной свободы, они великодушно откликнулись. О'Коннелл оказался избранным, и в результате вскоре после этого была достигнута эмансипация католиков. Но правящие классы и британское правительство взяли реванш, сопроводив эту реформу биллем, лишившим избирательного права мелких арендаторов и повысившим до

10 фунтов размер арендной платы, необходимой для получения права голоса.

Вплоть до этого времени лендлорды скорее поощряли рост населения в своих имениях, ибо это увеличивало число их политических приверженцев, но с принятием парламентом вышеназванного закона эта причина исчезла, и они немедленно начали массовое изгнание своих арендаторов и стали превращать пахотные земли в скотоводческие фермы. Для католической буржуазии, интеллигенции и землевладельцев закон об эмансипации католиков открыл путь ко всем доходным должностям, имевшимся в распоряжении правительства; католики же из более бедных слоев тем же самым актом были обречены на истребление ради утоления жажды мести чужеродного правительства и аристократии, чьей власти оказали неповиновение именно там, где она была наиболее уверена в своем превосходстве.

Массовое изгнание более мелких арендаторов и поглощение их ферм громадными скотоводческими ранчо лишало многих из них постоянной работы и означало смерть для земледельческого населения; именно поэтому крестьяне оказывали сопротивление всеми доступными им средствами. Они создавали ложи тайного Общества риббонменов, производили ночные набеги на дома джентри в поисках оружия, собирались по ночам большими отрядами и вспахивали пастбищные земли, делая их непригодными для пастбы, заполняли рвы, терроризировали фермеров-скотоводов в окружающих ранчо, калечили и убивали тех, кто поступал на службу к ним или к ненавистным лендлордам, убивали их доверенных лиц, а иногда, доведенные до отчаяния, с голыми руками выступали против правительственных войск. Страну сотрясала кровопролитнейшая гражданская война; в мае 1831 года лорд-наместник Ирландии во главе огромного военного отряда с артиллерией совершил марш через графство Клэр, чтобы утратить народ; но так как он не прекратил сгона с земли и не обеспечил постоянной работой батраков, которых переход к скотоводству лишил их обычных занятий на ферме,

«преступления» продолжались. Ни профессиональные политики, ни только что эмансипированные богатые католики не испытывали никакого сочувствия к несчастному народу. Они добились доступа к должностям и возможности повышения по службе, используя батрака и мелкого арендатора в качестве рычага, чтобы опрокинуть крепость религиозного фанатизма; а теперь, когда битва была выиграна, они оставили своих бедных единоверцев на милость их эксплуататоров. На вопль отчаяния, вырвавшийся из сердец людей, согнанных с земли и погибавших от голода по обочинам дорог перед своими разрушенными домами, на душераздирающую мольбу батраков, навсегда лишившихся работы из-за уничтожения источника их заработка, на стоны голодающих женщин и детей политиканы неизменно давали только один ответ — «Повинуйтесь закону и ждите отмены Унии». Мы не преувеличиваем. Один из наиболее пылких рипилеров* и ближайших друзей Дэниеля О'Коннелла Томас Стил приказал вывесить на рыночной площади в Эннисе и других пунктах графства Клэр следующий манифест, адресованный отчаявшимся батракам и фермерам:

«Если вы не прекратите сопротивление, я объявлю вас изменниками делу свободы Ирландии... Я представлю вас правительству, огню и штыкам военных. Ваша кровь обagrит вас самих».

Эта угроза была обращена к героическим мужчинам и женщинам, пожертвовавшим своими домами, безопасностью и пищей для своих детей ради освобождения хорошо откормленных снобов от религиозной тирании, тех самых снобов, которые теперь отрекались от них. Трудно понять, каким образом отмена Унии в будущем могла помочь голодающему населению Клэра, которое знало, что их отцов морили голодом, изгоняли с земли и тиранили как до принятия акта об Унии, так и после него. В это время, однако, считалось весьма патриотичным приписывать именно

* Рипилеры — сторонники отмены Унии. От англ. Repeal — отмена.

Унии все те несчастья, которые унаследовали ирландцы. Так, некий О'Гормен Мэхен, выступая 8 февраля 1831 года в палате общин в Лондоне, намекнул, что снежная буря, разыгравшаяся тогда в Ирландии, была результатом законодательной Унии.

«Не думают ли уважаемые депутаты,— заявил он,— что они могут помешать несчастным людям, засыпанным на пять футов снегом, думать, что с отменой Унии их положение стало бы лучше. Могут сказать, что не Англия виновата в снегопаде, но люди находились под снегом и думали, что именно связь с Англией довела их до такого состояния, в котором они теперь находятся».

Другой ирландский патриот, которому через несколько лет было суждено облачиться в мантию мятежника, Уильям Смит О'Брайен, в это же самое время, в 1830 году, опубликовал памфлет, пропагандирующий эмиграцию в качестве единственного средства спасения от нищеты.

Назначенная палатой лордов в 1839 году комиссия для выяснения причин волнений и тайных заговоров среди бедноты опросила многих свидетелей, тесно соприкасавшихся с жизнью крестьян, и получила весьма интересные данные, доказывающие, что зло укоренилось значительно глубже, чем могла укорениться какая-либо политическая схема правления, и что его подлинные корни — в социальных условиях. Так, один из свидетелей, говоря об отношении батраков к Ассоциации риббонменов, заявил: «Многие ищут защиты Ассоциации, так как считают, что никакой другой защиты не имеют».

На вопрос: «Каковы их главные цели?» он ответил: «Удержаться на своих землях». Я часто слышал, как они говорили: «Что хорошего дала нам эмансипация? Разве мы стали лучше одеваться и кормиться или наши дети лучше одеты и накормлены? Разве мы не так же голы, как и раньше, и не едим лишь один картофель, если только удастся его достать? Давайте потребуем от фермеров, чтобы они лучше нас кормили и больше платили, не отдавали так много лендлорду, но больше давали рабочему человеку;

мы не должны позволять им сгонять бедных людей с земли».

А некий Поулетт Скруп, член парламента, писал в одном из своих произведений, отстаивая необходимость закона о бедных*: «Такие вопросы, как вопрос о десятине, о церкви, о законах Большого жюри** и о том, больше или меньше назначать католиков на должности шерифов или магистратов,— все это повод для политической агитации среди праздной толпы; но полуночная резня, ежедневный грабеж, частые мятежи, угроза для жизни и собственности во всех сельскохозяйственных районах Ирландии вызваны не агитацией и не могут быть устранены лишь с помощью агитации».

Отсюда следует, что мнение независимого члена парламента совпало с мнением мятежных батраков и что для тружеников Ирландии не представляли особого значения те вопросы, которые тогда, как и теперь, казались политическим деятелям наиболее важными.

Таково было положение дел в Ирландии в политическом и социальном отношении в 1831 году, и, подобно тому как в графстве Клэр был нанесен решающий удар в борьбе за религиозную эмансипацию, именно здесь суждено было предпринять первую попытку отыскать мирный путь для осуществления такой социальной эмансипации, без которой всякая другая свобода, религиозная или политическая, неизбежно и навсегда останется плодом Мертвого моря для рабочего класса***.

* Принятый английским правительством в 1834 году жестокий закон о бедных лишал неимущих в сельских округах помощи прихода и ставил их перед выбором: либо идти в города в поисках работы, либо — в работные дома.

** Большое жюри — органы, создававшиеся шерифами ирландских графств из числа местных помещиков. До 1898 года (то есть до принятия закона о местном самоуправлении) они осуществляли почти полную власть в сельской Ирландии.

*** Согласно библейской легенде, недалеко от Мертвого моря росли красивые яблоки, превращавшиеся при прикосновении к ним в пыль.

В 1823 году великий английский социалист Роберт Оуэн посетил Ирландию и провел в Ротонде, в Дублине, множество собраний, на которых объяснял жителям этого города принципы социализма. Его аудитория состояла главным образом из зажиточных людей, что являлось, очевидно, обычным в тот период, когда социализм был еще причудой богатых, а не верой бедных; герцог Лейнстер, католический архиепископ Мэррей, лорд Мит, лорд Клонкэрри и другие были среди участников. После того как Оуэн нарисовал картину существовавшей тогда нищеты и порождаемой ею опасности для жизни и собственности всех классов и рассказал о возможностях, которые может предоставить система социалистической кооперации, для осуществления его идеи было создано «Ирландское филантропическое общество». Для содействия развитию общества провели подписку — генерал Браун пожертвовал 1000 фунтов стерлингов, лорд Клонкэрри — 500 фунтов, сам Оуэн подписался на 1000 фунтов и 100 фунтов было получено из других источников. Общество было недолговечным и бесплодным, но один из его членов, ирландский лендлорд Артур Ванделёр, оказался под столь глубоким воздействием того, что видел и слышал о возможностях оуэновского социализма, что в 1831 году, когда преступления и волнения в стране получили наибольший размах, а после убийства его управляющего за жестокое обращение с батраками угроза для жизни людей его класса нависла и над его собственным домом, он решил попытаться создать социалистическую колонию в своем поместье Ралехайн в графстве Клэр. Для этой цели он пригласил в Ирландию последователя Оуэна, некоего Крэйга из Манчестера, и поручил ему осуществление этого плана.

Крэйг не знал ирландского языка, а люди в Ралехайне, как правило, не знали английского; это значительно усложнило разъяснительную работу, однако понимание было в конце концов достигнуто и поместье перешло к ассоциации людей, получившей название «Ралехайнская сельскохозяйственная и промышленная кооперативная ассоциация».

Во вступлении к «Законам ассоциаций» ее цели были определены следующим образом:

«Накопление общего капитала. Взаимное обеспечение ее членов на случай несчастий, бедности, болезней, инвалидности и старости. Достижение больших удобств, нежели те, которыми рабочий класс пользуется в настоящее время. Умственное и нравственное совершенствование всех взрослых членов. Образование их детей».

Следующие параграфы из «Правил ассоциации» дают довольно ясное представление о ее наиболее важных чертах:

«Основа общества

Весь основной капитал, сельскохозяйственные орудия и другая собственность принадлежат и являются собственностью г-на Ванделёра до тех пор, пока общество не накопит достаточно средств, чтобы заплатить за них; тогда они станут совместной собственностью общества.

Производство

Мы даем обязательство, что все таланты, которыми каждый из нас обладает, будь то умственные или физические, в сельскохозяйственной, промышленной или научной областях, будут использоваться к выгоде всех как путем их немедленного применения во всех необходимых занятиях, так и в результате передачи наших знаний друг другу и особенно молодежи.

Каждый человек, насколько это будет возможно, должен участвовать в сельскохозяйственных работах, особенно в уборке урожая; причем никто не может распоряжаться и все должны работать.

Вся молодежь мужского и женского пола, от девяти до семнадцати лет, обязана наряду с сельскохозяйственными и садовыми работами обучаться каким-либо полезным ремеслам.

Каждый вечер должен собираться комитет, чтобы договариваться обо всех делах на следующий день.

Работа будет длиться с шести утра до шести вечера летом, и с рассвета до сумерек зимой — с перерывом в один час для обеда.

Каждый сельскохозяйственный рабочий — мужчина станет получать 8 пенсов, а каждая женщина 5 пенсов в день за свой труд (это была обычная заработная плата в стране; секретарь, кладовщик, кузнецы, столяры и некоторые другие получали немного больше; излишек забирал собственник), которые, как предполагается, будут выплачиваться продовольствием или какими-либо другими товарами, производимыми обществом и хранимыми на складе; всякие прочие предметы можно покупать где угодно.

Ни от одного из членов нельзя требовать выполнения работы или службы, кроме той, которая приятна для него или для нее или которую они в состоянии выполнять; если же один из членов считает, что другой член бесполезно проводит время, то его или ее долгом является сообщить об этом комитету; последний должен довести это до сведения общего собрания, имеющего право изгнать в случае необходимости такого бесполезного члена.

Распределение и домашнее хозяйство

Все работы, выполняемые обычно слугами, должны выполняться молодежью обоего пола в возрасте до семнадцати лет, по очереди или по выбору.

Расходы на питание, одежду, стирку, помещение и образование детей будут выплачиваться из общих фондов общества со времени отлучения детей от груди и до достижения ими семнадцати лет, то есть возраста, когда они могут быть избраны в члены общества.

Следует заботиться о питании, одежде и пр. тех детей, которые воспитываются родителями и живут в их домах.

Каждое лицо, занимающее дом или готовящее там пищу и потребляющее провизию, должно платить за использованное топливо.

За топливо, употребляемое в общественном помещении, плата не взимается.

Особой задачей подкомитета домашнего хозяйства, или его суперинтенданта, будет установление и осуществление на практике наилучших и наиболее экономных методов приготовления и варки пищи.

Вся стирка должна производиться совместно в общественных прачечных; расходы на мыло, труд, топливо и пр. должны равномерно распределяться среди всех взрослых членов.

Каждый член платит полпенни с каждого полученного шиллинга заработной платы в целях создания фонда, находящегося в руках комитета, который и будет выдавать из этого фонда заработную плату любому члену во время его болезни или несчастного случая.

Ущерб, причиненный любым членом основному капиталу, орудиям или какой-либо другой собственности общества, должен возмещаться из заработков этого лица, если только оно не сумеет удовлетворительным образом объяснить комитету причину этого ущерба.

Образование и воспитание характера

Мы гарантируем друг другу, что дети любого человека, умершего в то время, когда он являлся членом этого общества, будут опекаться, обучаться и любовно воспитываться наравне с детьми здравствующих членов и получают по достижении семнадцати лет все привилегии членов общества.

Каждый человек станет пользоваться полной свободой совести, свободой выражения мнения и совершения религиозных обрядов.

Никакие спиртные напитки, курительный или нюхательный табак не будут находиться ни на складе, ни в других помещениях.

Если кто-либо из нас, к несчастью, поссорится с кем-либо другим, то мы согласны подчиняться решению большинства членов или какого-либо лица, которому может быть доверено решение спорного дела.

Любой человек, желающий вступить в брак, должен за неделю до свадьбы написать заявление, и тогда следует сделать немедленные приготовления для

сооружения или приведения в порядок подходящего жилища для устройства новобрачных.

Любое лицо, желающее вступить в брак с человеком, не являющимся членом общества, согласно предыдущему правилу, пишет заявление, при этом лицо, не являющееся членом общества, должно тогда баллотироваться в его члены и, если его не примут, оба должны оставить общество.

Если поведение какого-либо члена будет сочтено вредным для благополучия общества, комитету следует объяснить ему или ей, чем именно его или ее поведение вредно, и если названный член будет продолжать нарушать правила, его надо привести на общее собрание, созванное специально для этой цели; если обвинение будет доказано, то три четверти присутствующих членов путем голосования полномочны изгнать этого упрямого члена.

Управление

Руководить обществом и вести его дела должен комитет из девяти человек, избираемый путем голосования всеми его взрослыми членами мужского и женского пола сроком на полгода, причем избирательный список должен включать по крайней мере четырех лиц из предыдущего комитета.

Комитет должен собираться каждый вечер и о всей его деятельности следует регулярно делать записи в книге протоколов; секретарь должен кратко излагать эти записи общему собранию членов общества.

Общее собрание общества должно созываться еженедельно; счета казначея должны проверяться комитетом и зачитываться членам общества; «Книга предложений» также должна зачитываться на этом собрании».

Колония не пользовалась обычными деньгами страны, вместо этого она ввела в качестве единицы оплаты «трудовой знак»; все рабочие оплачивались этими знаками соответственно числу проработанных часов и имели возможность обменивать их на складе на все предметы первой необходимости. Эти знаки

печатались на кусочке жесткого картона размером с визитную карточку и приравнивались, соответственно, целому рабочему дню, а также половине, четверти, одной восьмой и одной шестнадцатой рабочего дня. Кроме того, имелись специальные знаки, напечатанные красной краской и выдававшиеся, соответственно, за работу в течение полутора и двух дней. В своем отчете о деятельности колонии, опубликованном под названием «История Ралехайна», Крэйг писал:

«Работа ежедневно регистрировалась в «Рабочем листке», который выставлялся для обозрения на следующей неделе. Члены общества по своему усмотрению могли работать или не работать. Если они не работали, то ничего не записывалось, а следовательно, и оплаты не происходило. Такая практика была весьма полезна. Там не было лодырей».

Далее он замечает: «Преимущества «трудовых знаков» для членов общества скоро стали очевидны. Они не беспокоились о постоянной работе, заработках или ценах на продовольствие. Каждый мог есть столько растительной пищи, сколько хотел; все расходы на детей, начиная с грудного возраста, на их пищу и образование покрывались из общего фонда.

Если мы стремимся к справедливости, то должны установить справедливое правление. Это может быть полностью осуществлено лишь при таком равенстве, возникшем из общности имущества, где труд одного члена оценивается той же меркой, как и труд другого, и где труд обменивается на труд. Достичь подобного равенства в Ралехайне было невозможно, но мы создали такое общество, которое обеспечивает всем безопасность, беспристрастность и справедливость. Цены на продовольствие были постоянными и единообразными. За один шиллинг в неделю работник получал столько, сколько хотел, овощей и фруктов; молоко стоило пенни за кварту; говядина и баранина — 4 пенса, а свинина — 2,5 пенса за фунт. Семейные члены общества, занимавшие отдельные жилища, тратили 6 пенсов в неделю на квартирную плату и 2 пенса на топливо».

Тот, кто интересуется Ирландией, не может игнорировать вопрос о позиции духовенства; интересно поэтому привести высказывание некоего англичанина Финча, посетившего Ралехайн, который позднее написал 14 писем, посвященных коммуне, и предложил представить комитету палаты общин специальный отчет по этому поводу.

«Единственной культивировавшейся в обществе религией,— писал он,— было непрерывное содействие счастьем каждого мужчины, женщины и ребенка всеми доступными им средствами. Поэтому Библия не употреблялась как учебник; в школах не изучали никаких сектантских взглядов; не проводилось никаких публичных диспутов о религиозных догмах или партийных политических вопросах; членам общества не разрешалось осмеивать религию друг друга; не было здесь и попыток обращения в свою веру. Всем гарантировалась полная свобода в выполнении религиозных обязанностей. Религиозное образование осуществляли священники и родители; но ни один священник ничего не получал за это от общества. Тем не менее и протестантские и католические священники восприняли такую практику, как только они ее поняли, дружелюбно, и одной из причин явилось понимание ими того, что эти трезвые, трудолюбивые люди теперь могли кое-что выделить им из своего заработка, тогда как раньше они были нищими».

Г-н Крэйг утверждал также, что члены коммуны, после того как она просуществовала уже некоторое время, стали лучшими католиками, чем прежде. Сначала он сталкивался со значительными трудностями, отражая атаки ревностных протестантских прозелитов, и его твердость в этом отношении стала одним из главных факторов, завоевавших ему как доверие людей, так и поддержку ими требования, чтобы обучение ни в какой степени не являлось сектантским.

Все споры между членами улаживались путем обращения к общему собранию, в нем участвовали все взрослые мужчины и женщины и неукоснительно устранялись судьи, юристы и другие члены юридической корпорации.

Для тех, кто боится, что установление общей собственности будет препятствовать прогрессу и изобретениям, должна явиться успокоением новост, что эта коммуна «невежественных» ирландских крестьян впервые в Ирландии ввела в Ралехайне жатку и приветствовала ее как благодеяние в то время, когда дворяне-землевладельцы в Англии еще серьезно спорили о практичности этого изобретения. Ниже мы приведем отрывки из обращения к сельскохозяйственным рабочим графства Клэр, опубликованного коммуной в связи с внедрением этой машины, иллюстрирующие различие в результатах изобретений в условиях общей собственности и собственности капиталистической:

«Наша машина — одна из первых машин, которые когда-либо получал рабочий класс для облегчения своего труда и одновременно для повышения своего благосостояния. Она не приносит выгоды только кому-то одному и никого не лишает постоянной работы. Использование различных механизмов, за исключением тех, что применяются в кооперативном обществе, подобном нашему, неизбежно ведет к уменьшению заработной платы, к лишению трудящихся работы и, наконец, к тому, что они либо голодают, либо вынуждены искать другую работу (а тогда заработная плата в той отрасли уменьшается) или им приходится эмигрировать. Ныне же, если рабочие чистосердечно и мирно объединятся, принимая нашу систему, никакая власть или партия не сможет помешать их успеху».

Это было опубликовано 21 августа 1833 года по решению комитета. Видя эту дату, мы не можем не удивляться тому, как много событий, происходивших в Клэре и в остальных частях Ирландии, оказались забытыми.

Не следует думать, что владелец поместья в Ралехайне позволил своему социалистическому энтузиазму нанести ущерб его личным интересам. Отнюдь нет, ибо передачу своих ферм коммуне он обусловил выплатой ему очень тяжелой аренды натурой. Мы приводим отчет об арендной плате и очень ясное ре-

зюме опыта Ралехайна из христианско-социалистического журнала «Бразерхуд» («Братство»), изданного в 1891 году на севере Ирландии и принадлежащего перу издателя Брюса Уоллеса, давнего, усердного и бескорыстного поборника дела социализма в Ирландии:

«Ассоциация была обязана ежегодно поставлять бесплатно в Ралехайн, Банратти, Клэр или в Лимерик, как того потребует лендлорд, следующее: пшеницы — 320 баррелей*, ячменя — 240 баррелей, овса — 50 баррелей, масла — 10 центнеров, свинины — 30 центнеров, говядины — 70 центнеров.

При существовавших тогда ценах общая стоимость этих продуктов составляла примерно 900 фунтов стерлингов, 700 фунтов — в качестве арендной платы и платы за использование природных ресурсов и благоприятных возможностей и 200 фунтов — как процент на капитал. Таким образом, бедные ирландские труженики должны были платить довольно значительную дань за право сделать плодородным маленький клочок родной земли. Эту дань приходилось выплачивать из средств, необходимых для улучшения их бедственного положения. В будущем, при любой попытке с пользой последовать примеру Ралехайна и вновь применить принцип кооперации в сельском хозяйстве необходимо максимально позаботиться о том, чтобы свести до минимума эту дань, уплачиваемую неработающим, а если возможно, то и вообще от нее избавиться. Если даже при наличии этого тяжелого бремени — необходимости обеспечить роскошное существование для бездельников — положение тружеников в Ралехайне с введением у них кооперативного принципа чудесным образом изменилось, то насколько бы оно стало лучшим, если бы члены коммуны были освобождены от этого мертвого груза?»

Таков опыт Ралехайна. Если бы вся земля и постройки в Ирландии принадлежали народу, если бы все другие поместья в стране управлялись на тех же самых принципах и промышленность была организо-

* Баррель — мера веса, равная 89 кг.

вана таким же образом, если бы каждая из коммун назначала делегата для обсуждения государственных дел в общем центре — в Дублине, то остов и фундамент свободной Ирландии были бы уже созданы. И когда Ирландия получит полную возможность самой распоряжаться своей собственной судьбой, ей придется искать счастья для своего народа именно в распространении опыта социального устройства Ралехайна в масштабе всей страны или же она станет лишь новым социальным чистилищем для своей бедноты — чистилищем, где острая боль страдальцев будет усилена воспоминаниями об обманчивых обещаниях политических реформаторов.

В том графстве Ирландии, где преступления совершались наиболее часто, этот частичный социалистический эксперимент покончил с ними; там, где шла наиболее яростная борьба за религиозное господство, этот эксперимент создал самую мягкую терпимость; там, где пьянство разжигало самые темные страсти, он упрочил трезвость и кротость; там, где бедность и лишения порождали грубость, полуночные грабежи и презрение ко всем общественным нормам, он способствовал возникновению безопасности, мира и уважения к правосудию, и все это произошло только под влиянием новой социальной концепции, подразумевающей установление общественной собственности для всеобщей пользы. Если такие перемены произошли в бутоне, то чего бы мы могли ожидать, когда бутон распустится? Если частичный социалистический эксперимент, даже делая скидки на его опытный характер, имел такие великолепные результаты, то чего же можно было с полным основанием ожидать, если бы вся Ирландия, весь мир были организованы на основе общественной собственности, а с эксплуатацией и господством навсегда бы покончили?

Ассоциация распалась потому, что несправедливые земельные законы Великобритании не признавали за такой коммуной права выступать в качестве арендатора. Лендлорд Ванделёр потерял свое состояние в рискованных сделках и с позором бежал, будучи не в состоянии уплатить долги. Лица, к которым перешло

имение после его банкротства, отказались признать коммуну и, настояв на том, чтобы считать ее членов простыми батраками поместья, захватили постройки, землю и уничтожили ассоциацию.

Таков был конец Ралехайна. Но в возрожденной Ирландии будущего на подвиг этих простых крестьян станут смотреть с восхищением, как на великую и важную веху на пути человечества к своему полному социальному освобождению. Ралехайн был вопросительным знаком, поставленным Ирландией перед капиталистической теорией и феодальной практикой и тщетно требовавшим от них ответа.

В этот же период в Ирландии создавались и другие, более мелкие коммуны. Лорд Уоллскорт создал нечто подобное коммуне в своем имении в графстве Голуэй. В ноябре 1819 года «Квотерли ревю» писала, что в 9 милях от Дублина существовала маленькая коммуна, объединявшая мясников, плотников и колесников, владевшая 30 акрами земли, содержащая священника и школу для 300 детей; она соорудила постройки, производила и продавала двухколесные экипажи; квакеры Дублина создали кооперативную шерстяную фабрику, она начала было процветать, но затем прекратила работу из-за тяжбы, затеянной недовольными членами, которых склонили на свою сторону капиталисты-конкуренты; членами той же религиозной секты в Дублине был создан и долго существовал общинный дом. Здесь не преследовалось никакой иной цели, кроме улучшения социальных условий. Известно, что обширный склад «Гэнли и сыновья» на Ашер-кэй в Дублине был ранее домом этой коммуны, члены которой жили, работали и отдыхали в обширных залах, а спали в меньших комнатах того здания, которое теперь является собственностью капиталиста-аукционера.

Глава ужасов: Дэниель О'Коннелл и рабочий класс

Вы скажете, это порядок вещей
И не слабым людям его изменить.
Остерегайтесь, волк тем свирепей,
Чем яростней псы его станут теснить.
Что весь ваш порядок?
Массивный чертог,
Воздвигнутый на распятых сердцах.
Но вспомните, те, кто сир и убог,
Во время Террора внушали страх.
Остерегайтесь, путь в ваш прогресс
Проложен по хрупким костям бедняков.
Но есть предел терпенью небес,
Восстание вырвет людей из оков!

Джон Бойль О'Рейли

В Ирландии, как и в Великобритании, период между завоеванием эмансипации католиков в 1829 году и 1850 годом явился для трудящихся классов периодом тяжелых лишений и нищеты, сопровождавшихся в обеих странах преждевременными попытками начать революцию и проведением некоторых немногих и незначительных в политическом и социальном отношении реформ. В Ирландии первым движением против привилегий было движение за уничтожение церковной десятины или, точнее говоря, за прекращение тех жестокостей и зверств, которыми сопровождалось взимание десятины. Духовенству англиканской церкви, установленной в Ирландии законом, законом же было дано право взимать с населения каждого округа, независимо от того, какой религии придерживались его жители, определенный налог для содержания церкви и ее служителей. То обстоятельство, что подобное положение существовало в тех странах, где католическая церковь являлась господствующей, не

делало уплату десятины более приемлемой для католических крестьян Ирландии, постоянно видевших, как часть их урожая захватывают и продают для содержания того духовенства, к помощи которого они никогда не прибегали и религия которого была им отвратительна. В конце концов их недовольство подобной несправедливостью усилилось настолько, что явилось причиной открытого восстания, когда по всей Ирландии арендаторы стали сопротивляться сбору десятины всеми доступными им средствами.

Англиканские священники прибегли к помощи закона и, сопровождаемые полицией и солдатами, начали захватывать у бедных арендаторов их урожай и увозить его для продажи с аукциона; крестьяне со своей стороны в глухую полночь увозили урожай и скот с тех ферм, на которых должна была производиться опись имущества, а если сделать это было невозможно, то старались насильственно помешать распродаже, терроризируя аукционеров и покупателей. Стремление поддержать ненавистную религию за счет контрибуций, взыскиваемых с помощью штыка, привело к тому, что на виселицах оборвалось множество молодых жизней и многие погибли в тюремных камерах, пока в конце концов борьба не приобрела характер гражданской войны. В ряде мест, где появлялись солдаты, возвращавшиеся после набега на участки каких-либо бедных крестьян, все деревенское население собиралось, сооружало баррикады и силой препятствовало их продвижению. Весьма знаменательным было то, что крестьянам обычно удавалось отнимать у полиции и войск свой урожай и скот, показывая тем самым, что Ирландия еще обладает всем необходимым для вооруженного восстания.

Во время одного из таких столкновений у Ньютаунберри было застрелено 12 крестьян и 20 — смертельно ранено; во время другого — у Кэрригшока было убито 11 полицейских и 17 ранено; а в крупной схватке у Раткормака 12 крестьян были убиты во время сражения с большим отрядом войск и вооруженной полицией. Очевидцы утверждали, что бедняки фермеры и батраки выдержали атаку и обстрел со сторо-

ны правительственных солдат со стойкостью закаленных в боях войск; это произвело на правительство большее впечатление, чем это сделали бы миллионы речей. Создавшееся положение усугублялось контрастом между незначительностью той суммы, о которой зачастую шла речь, и тем кровопролитием, которое требовалось, чтобы ее получить. Так, у Раткормака, например, 12 крестьян было убито при попытке спасти от продажи имущество бедной вдовы для уплаты следуемой с нее десятины в размере 40 шиллингов. Это движение в конце концов привело к принятию «Акта о замене десятины», отменявшего сбор десятины; вместо нее была введена «десятинная рента», посредством которой сумма, необходимая для содержания епископального духовенства, включалась в арендную плату и уплачивалась как часть этой дани земельной аристократии. Другими словами, сам налог остался, но он был лишен всех наиболее одиозных и раздражающих черт, сопровождавших его сбор. Тайные общества риббонменов и «Белых парней» были наиболее эффективным оружием крестьянства в этой борьбе, и благодаря главным образом их деятельности и была одержана победа. Политиканы не оказали ни помощи, ни моральной поддержки этой борьбе, и, за исключением защиты со стороны одной маленькой дублинской газеты, руководимой небольшой, но блестящей группой молодых протестантских писателей, ни одна газета во всей Ирландии не поддержала крестьян. Что же касается католического духовенства, то достаточно сказать, что в то время, когда велась эта война против десятины, оно почти повсеместно обходило молчанием тот «прискорбный грех тайного заговора», по поводу которого оно обычно выступает столь красноречиво. Мы не осмелимся сказать, что оно его одобряло, но поскольку действия этих тайных обществ были направлены против конкурирующего духовенства, то предпочтительно было на это время стать более умеренными в своих обвинениях; может быть, это и не является объяснением, но во всяком случае заслуживает внимания то обстоятельство, что сразу после окончания войны из-за десятины возобновились все

обычные нападки на всякого рода неконституционные действия.

Одновременно с войной против десятины усиливалась и агитация за отмену законодательной Унии, проводившаяся Дэниелом О'Коннеллом и поддерживаемая значительной частью буржуазии и практически всем католическим духовенством. Вначале ирландский рабочий класс с энтузиазмом поддерживал эту агитацию и содействовал ей, отчасти потому, что рабочие приняли объяснение О'Коннелла, будто упадок ирландской промышленности был вызван Унией; а отчасти потому, что они не верили ни его заверениям в лояльности английской монархии, ни тому, что он действительно намеревался ограничиться лишь отменой Унии. О'Коннелл со своей стороны включал в свою ассоциацию организации рабочих на правах, равных правам членов, принятых в обычном порядке, что вызывало значительное и широкое недовольство. Так, издававшийся в Дублине и полностью поддерживавший О'Коннелла «Айриш мансли мэгэзин» в своем сентябрьском выпуске 1832 года писал, что Национальный союз (рипилеров) находится в опасности, ибо «одновременно существует союз ремесленников и рабочих, члены которого имеют право голосовать на его заседаниях и во всех отношениях уравниены в правах с членами Национального союза». В декабрьском номере того же года журнал возвратился к данному вопросу, многозначительно утверждая, что «в действительности мы предчувствуем, что от тред-юнионов в их настоящем виде будет большое зло и мало пользы».

Представитель английского короля в Ирландии, лорд-наместник Энглси, очевидно, разделял мнение об опасности, которую представляли для политической жизни ирландские тред-юнионы, так как, когда дублинские рабочие организации наметили проведение громадной демонстрации в поддержку требований отмены Унии, он немедленно объявил демонстрацию незаконной и приказал войскам, если потребуется, разогнать ее силой оружия. Но поскольку влияние О'Коннелла в стране усиливалось и он продолжал привлекать на свою сторону все большее число представите-

лей класса капиталистов и интеллигенции Ирландии и становился все более необходимым для осуществления планов вигских политиков в Англии, да и сам полагал, что последние более важны для его успеха, то он перестал искать популярности у организованного рабочего класса и постепенно превратился в наиболее озлобленного и беспринципного врага тред-юнионизма, когда-либо существовавшего в Ирландии, и постоянно подвергал самым язвительным нападкам дублинские тред-юнионы.

В 1835 году О'Коннелл занял в палате общин место на правительственной стороне как сторонник вигского кабинета. В это время трудовой народ Англии из всех народов Европы подвергался наибольшей эксплуатации и унижению. Повествование о положении английских рабочих выявляет такую бесчеловечность хозяев и такую прискорбную деградацию трудящихся, что если бы это повествование не было подтверждено свидетельскими показаниями перед различными парламентскими комиссиями, оно показалось бы совершенно невероятным. Женщины за жалкую плату работали в угольных шахтах почти голые и зачастую там же, во мраке и тьме, рожали детей; маленьких мальчиков и девочек нанимали тянуть по дну шахты тяжелые вагонетки с углем при помощи ремня, обвитого вокруг их тел и пропущенного между их маленьких ног; на хлопчатобумажных фабриках малыши обоего пола, восьми, семи и даже шести лет от роду, взятые, подобно рабам, из работных домов, обслуживали машины и трудились по двенадцати, четырнадцати и даже шестнадцати часов в день; условия, в которых они жили, отдыхали и работали, были таковы, что дети умирали, как от чумы; в гончарных мастерских, в пекарнях, на швейных фабриках и в мастерских одежды чрезмерная работа в тяжелых условиях порождала страдания, вызывала деградацию и сокращала жизнь; само существование рабочего класса находилось под угрозой.

В сельскохозяйственных районах страдания народа были таковы, что даже английский сельскохозяйственный рабочий — наиболее флегматично-терпели-

вый и лишенный воображения человек на земле, и тот принял участие в волнениях и стал ломать машины и поджигать стога сена. Подобно тому, как в Ирландии руководство ночными выступлениями крестьян приписывали капитану Року (Скала) или капитану Мунлай-ту (Лунный свет), так и в Англии организатором мятежей считали столь же мифический персонаж — капитана Свинга *. В листовке, распространявшейся среди английских сельскохозяйственных рабочих, капитану Свингу приписывали следующие слова: «Не я виновник этих поджогов. Их причина — фермеры, изгнанные со своих земель, чтобы освободить место для лисиц **, крестьяне, заключаемые на два года в тюрьму за то, что подобрали мертвую куропатку, и священники, забравшие у бедняка в уплату десятины с его участка единственную корову».

Нужда была так велика, законы так жестоки, а отчаяние батраков столь безысходно, что на специальной выездной сессии суда, состоявшейся в Уинчестере в декабре 1830 года, рассматривались дела не менее 300 человек, большую часть которых приговорили к смерти. Из этих осужденных 6 человек были повешены, 20 — отправлены на пожизненную каторгу, а остальные — на каторжные работы на более короткие сроки. В «Скорбном пути Англии» Уильяма Хита рассказывается, что «14-летнему ребенку вынесли смертный приговор, а два брата, один 20, другой 19 лет, были повешены на Пененден-Хит, куда их эскортировал полк Серых шотландцев». Свидетели-современники не оставляют сомнений в том, кто был ответствен за все эти страдания. Лондонская «Таймс», наиболее консервативная из всех капиталистических газет, в номере от 27 декабря 1830 года писала: «Мы утверждаем, что действия этого достойного сожаления класса людей [батраков] — своего рода комментарий к тому обращению, которому они подвергаются со стороны высших и средних классов. Ум и тело современ-

* От англ. swing — оводола действий (*разг.*).

** Имеется в виду создание охотничьих угодий. Охота на лис — любимое развлечение английского помещичьего дворянства.

ного населения нуждаются в более либеральных и христианских принципах, в противном случае вся масса батраков превратится в легионы бандитов — бандитов, менее преступных, нежели те, кто сделал их таковыми и кто в результате справедливого, но ужасного возмездия скоро станут их жертвами». А в 1833 году парламентская комиссия отмечала, что «положение сельскохозяйственных рабочих отвратительно и ужасно; их дети днем дерутся со свиньями за пищу, а ночью спят вповалку на сырой соломе под гнилой соломенной крышей».

Положение в больших городах тоже было очень беспокойно; войска постоянно находились наготове, а убитых людей было так много, что судьи перестали производить расследования. Нищета и волнения среди народа, кровавые репрессии, сочетавшиеся с безжалостной алчностью со стороны властей, — таково было положение в Англии в то время, когда О'Коннелл, заняв свое место в парламенте, отдал все свои силы защите капиталистических привилегий и борьбе против социальных реформ.

В 1838 году в Глазго (Шотландия) пять хлопкопрядильщиков были приговорены к семи годам каторги за действия, предпринятые ими в качестве членов тред-юниона в целях улучшения нищенского положения их класса. Поскольку даже в те жестокие времена наказание показалось всем чрезмерным, некий г-н Уокли, член парламента от Финсбери, 13 февраля того же года внес в палату общин предложение о создании «Специального комитета для изучения структуры, практики и результатов деятельности Ассоциации хлопчатобумажников Глазго». О'Коннелл выступил против этого предложения и использовал создавшиеся обстоятельства для нападок на ирландские тред-юнионы. Он заявил:

«Не было тирании, равной той, которую осуществляли члены дублинских тред-юнионов над своими товарищами-рабочими. Одно из их правил устанавливает минимальный размер заработной платы с тем, чтобы наилучший работник получал не больше, чем худший. Другие их правила предусматривают лише-

ние хозяев всякой свободы выбора рабочих по своему усмотрению. Имена всех рабочих записаны в книге, и предприниматель обязан брать первого по списку».

Он сказал также, что в Бэндоне из-за стремления рабочих получать более высокую заработную плату была закрыта крупная фабрика, то же самое произошло в Белфасте, и «было высчитано, что в Дублине по вине тред-юнионов заработки сократились на общую сумму в 500 тысяч фунтов стерлингов в год. Например, союз портных в этом городе повысил цену на платье настолько, что для любого человека имело в то время смысл поехать в Глазго и там подождать два дня, пока будет готов его костюм, ибо разница в цене покрывала расходы на поездку». Упадок кораблестроения в Дублине он также приписал вредной деятельности тред-юнионов.

После выступления О'Коннелла его друзья, правительство вигов, учредили комитет, но не для того, чтобы расследовать события в Глазго, а с целью изучить деятельность ирландских, и особенно дублинских, тред-юнионов. Хотя этот специальный комитет собрал целых два тома свидетельских показаний, так как О'Коннелл представил большое число свидетелей, которые давали показания против ирландских тред-юнионов, отчет комитета никогда не был представлен палате общин. В июне того же 1838 года О'Коннелл получил другую возможность излить свое раздражение против рабочего класса и защитить интересы английского и ирландского капитализма, и он не замедлил этим воспользоваться. В 1833 году, главным образом благодаря усилиям организованных фабричных рабочих и некоторых пылких филантропов, был принят закон, запрещающий использовать на фабриках труд *детей моложе 9 лет*, за исключением шелковой промышленности, а также запрещающий детям моложе 13 лет работать более 48 часов в неделю или 9 часов в день. Уже упоминание в законе этих возрастов дает читателю некоторое представление о том, как из-за алчности имущего класса в жертву приносились младенческая плоть и кровь. Благоче-

тивные английские капиталисты люто возненавидели этот весьма умеренный закон и любым, самым беспринципным способом, какой они только могли изобрести, стремились его обойти. Они столь успешно и систематически уклонялись от выполнения закона, что известный друг фабричных рабочих лорд Эшли* предложил 23 июня в палате общин в качестве поправки к повестке дня второе чтение «Билля о более эффективном регулировании работы на фабриках», целью которого было предотвращать или наказывать любое дальнейшее нарушение акта 1833 года. О'Коннелл выступил против и попытался оправдать нарушение закона предпринимателями, утверждая, что «они (члены парламента) законодательствуют против природы вещей и прав промышленности». «Не позволяйте им,—призвал он,—совершить детскую глупость — регулировать труд взрослых и не дайте им выставить напоказ перед всем миром *свою смешную гуманность*, которая приведет к превращению их фабрикантов в нищих». Фраза о регулировании труда взрослых была заимствована из аргументов, выдвинутых капиталистами, якобы ограничение применения детского труда означает одновременно вмешательство в условия труда взрослых — свободнорожденных англичан! О'Коннелл стал повторять эту трескучую фразу, подобно тому как ранее он сделал ложное заявление, будто установление *минимума* заработной платы затрудняет выплату *высокой* заработной платы любому квалифицированному ремесленнику.

В вопросе об отношении к требованиям рабочего класса О'Коннелл радикально расходился с одним из своих наиболее способных сторонников, Фергюсом О'Коннором. Последний, избранный в парламент как рипилер, был поражен жалким положением того самого английского народа, в интересах которого, как говорили, и угнетали Ирландию; после изучения им

* Лорд Эшли — известный английский филантроп, по своим убеждениям — тори, активно выступал против буржуазных общественно-экономических теорий и практики в период завершения промышленного переворота в Англии.

причин такого положения он пришел к выводу, что угнетение Ирландии объяснялось экономическими причинами, что рабочий класс в Англии эксплуатировался тем же классом, в результате действия тех же самых факторов, которые истощали и разоряли Ирландию, и что решение этой проблемы в обеих странах требовало союза демократий для совместной борьбы против их угнетателей. Настойчиво стремясь внушить это О'Коннеллу, он, однако, обнаружил, что у последнего классовое чувство было намного сильнее стремления к национальному освобождению Ирландии и что О'Коннелл считал себя гораздо больше сродни английскому имущему классу, нежели рабочему классу Ирландии. Об этом свидетельствовало его поведение в обоих упомянутых выше случаях. Расхождение между О'Коннеллом и О'Коннором отвлекло последнего от ирландских дел и сблизило с чартистами в качестве одного из их бесстрашных и популярных руководителей. Когда О'Коннор умер, более 50 тысяч тружеников участвовало в похоронной процессии. Он был одним из первых в том длинном списке ирландских борцов в Великобритании, которые бескорыстно жертвовали собой и вошли в летопись английского рабочего движения.

Имущие и эксплуататорские классы хорошо понимали значение антидемократической деятельности О'Коннелла и, как мы полагаем, должны были быть благодарны ему; это и подтвердил Ричард Лалор Шил, когда, защищая О'Коннелла во время знаменитых процессов государственных преступников, он потребовал от суда особого отношения к О'Коннеллу, поскольку тот стоял между народом Ирландии и народом Англии и, таким образом, «препятствовал объединению, способному стать достаточно грозным, чтобы ниспровергнуть любое правительство». Однако насколько рьяно О'Коннелл и буржуазные рипилеры стремились предотвратить любое интернациональное выступление сил демократии, настолько же ирландский рабочий класс был полон энтузиазма в своем стремлении осуществить такое выступление. Ирландские чартистские ассоциации возникали по всему ост-

рову, и, как сообщает нам один из авторов издававшегося Джоном Митчелом в Дублине «Объединенного ирландца» (1848 год), они усилились настолько и были так враждебно настроены к О'Коннеллу, что одно время велись переговоры о публичном диспуте между Освободителем и представителями дублинских рабочих. Но в связи с арестом и заключением О'Коннелла, продолжает он, рабочих убедили отказаться от своих отдельных организаций для того, чтобы противостоять правительству единым фронтом, о чем они впоследствии сожалели. К этому сообщению Джон Митчел, как издатель, добавил заметку, напоминающую читателям об антирабочих выступлениях О'Коннелла и указывающую на это как на причину, побуждавшую рабочих к отказу от его лидерства. Любопытно, однако, что в своей «Истории Ирландии» Митчел не касается этой позорной стороны карьеры О'Коннелла, что, правда, делали и все другие ирландские историки. Если молчание означает согласие, тогда все наши историки соглашались и, следовательно, одобряли такое замалчивание исторических фактов, направленное на то, чтобы увековечить ослепление и угнетение рабочего класса.

Ирландские жирондисты приносят ирландских крестьян в жертву на алтарь частной собственности

Существует класс революционеров, называемых жирондистами, судьба которых в истории весьма замечательна. К людям, которые восстают сами и убеждают восставать низшие классы, следует применять иную мерку, чем ко всем остальным. Люди, которые видят в нищете трудящихся, страдающих миллионов не саму нужду, а лишь сырой материал, на который можно влиять и который можно использовать в интересах осуществления чьих-либо личных узких теорий и чужого эгоизма, люди, для которых миллионы живых существ, с бьющимися в их груди сердцами, трепещущие, страдающие, надеющиеся — лишь «масса», взрывчатая масса для уничтожения Бастилий или для голосования за «нас» на парламентских выборах, такие люди вызывают сомнение.

Томас Карлейль

Голод, начавшийся в 1845 году и распространявшийся и усиливавшийся до 1849 года, привел к обострению классового антагонизма в Ирландии, одним из проявлений которого был разрыв буржуазных националистов с тред-юнионами, и вновь обнаружил, что поведение общественных деятелей, даже если они облачаются в революционную мантию, определяется их отношением к проблеме собственности. Излишне говорить, что не из этого исходят ортодоксальные ирландские или английские авторы в своей интерпретации истории этого ужасного периода. Ирландские националисты всех мастей и английские критики всяких разновидностей с удивительным единодушием объясняют раскол в «Ассоциации рипилеров», приведший

к образованию отколовшимися членами группы, известной под именем «Ирландской конфедерации», чисто академическим спором — возможно или нет применение силы для достижения политической цели. Большинство членов «Ассоциации рипилеров», убеждают нас, согласилось с провозглашенным О'Коннеллом принципом, что «даже величайшие земные блага не стоят пролития капли человеческой крови», а Джон Митчел, отец Мигэн, Гэвэн Даффи, Томас Френсис Мигер, Девин Рейли, Уильям Смит О'Брайен, Финтан Лалор и другие отвергли его, и именно в связи с этим чисто теоретическим расхождением и произошел их разрыв с О'Коннеллом.

Трудно поверить, чтобы сколь-нибудь значительное число ирландцев всерьез воспринимало эту доктрину; не подлежит сомнению, что ирландские католические священники, главные помощники О'Коннелла, отнюдь не придерживались ее во время войны против десятины. Сам О'Коннелл заявил, что охотно помог бы Англии «подстрелить американского орла на высшей точке его полета»*, что, несомненно, подразумевало войну. Ричард Лалор Шил, один из поборников о'коннеллизма, отвечая однажды в палате общин лорду Линдхэрсту, характеризовавшему ирландцев как «чужаков по крови, языку и религии», разразился блестящей речью, восхвалявшей доблесть ирландских солдат в английской армии. Отметим попутно, что Шил воспринял приведенную выше фразу лорда Линдхэрста как оскорбление. Современные ирландские националисты с торжеством доказывают, что идея, воплощенная в этой фразе, составляет подлинную основу ирландского национализма.

Однако «Молодые ирландцы», как называла себя группа людей, отошедших от О'Коннелла, тоже не были сторонниками применения физической силы, за исключением тех случаев, когда лозунг этот стано-

* Англо-американские отношения в 30—40-е годы XIX века оставались весьма напряженными прежде всего в связи с территориальной экспансией США на Запад и стремлением Англии отстоять свои владения в Северной Америке.

вился приемом для выражения поэтического порыва или ораторского красноречия. В действительности раскол произошел из-за мнимого разногласия; большинство обеих групп было не склонно признавать, даже если они их и осознавали, подлинные разногласия, разделявшие их. А в основе этих реальных разногласий лежал старый, но всегда живой спор демократического принципа в человеческом обществе с аристократическим. «Молодые ирландцы», люди молодые и полные энтузиазма, ощущали притягательность демократического принципа, волновавшего тогда европейское общество; ведь и само название «Молодая Ирландия» было взято по аналогии с названиями, которые использовал итальянский революционер Мадзини для революционных организаций — «Молодая Италия», «Молодая Швейцария», «Молодая Франция» и «Молодая Германия», которые он основал после 1831 года *. Так как развитие революционного движения на континенте наряду с ростом популярности социалистических идей среди революционных масс совпадало по времени с ослаблением в связи с голодом всей социальной системы в Ирландии, то лидеры «Молодой Ирландии» отчасти соответствовали революционному ходу событий и двигались вместе с ним, не будучи, однако, в состоянии понять глубину и силу увлекавшего их потока. Справедливость этого очевидна для всех изучающих их деятельность в тот момент, когда наконец настал давно предсказанный день революции. В это время, в 1848 году, Ирландия находилась в агонии самого большого в ее истории голода.

Несколько слов об этом голоде могут оказаться полезными для читателей. Основной пищей ирландского крестьянства служил картофель; остальная сельскохозяйственная продукция — зерно и скот — продавалась, чтобы уплатить арендную плату ленд-лорду. Обычная стоимость урожая картофеля ежегод-

* В 1834 году по инициативе Мадзини была создана организация «Молодая Европа», в которую входили «Молодая Франция», «Молодая Швейцария» и некоторые другие группы. В создании «Молодой Германии» Мадзини не принимал участия.

но составляла приблизительно 20 миллионов фунтов в английской валюте; в 1848 году в разгар голода стоимость всей сельскохозяйственной продукции в Ирландии составила 44 958 120 фунтов стерлингов. В том году был неурожай картофеля, и голод, не задумываясь, объясняют именно этим обстоятельством, однако приведенные цифры весьма ясно доказывают, что в стране имелось достаточно продовольствия, чтобы накормить вдвое большее население, если бы только законы капиталистического общества были бы устранены, а права человека восторжествовали. Ирландские националисты привычно говорят, что «провидение послало картофельную болезнь, но Англия создала голод». Это утверждение верно, хотя и нуждается в некотором уточнении: необходимо добавить, что «Англия создала голод строгим осуществлением тех экономических принципов, которые лежат в основе капиталистического общества». Ни один человек, приемлющий капиталистическое общество и его законы, не может, будучи последователен, бранить государственных деятелей Англии за их действия в тот ужасный период. Они отстаивали право собственности и свободной конкуренции и философски воспринимали их последствия для Ирландии; ирландские лидеры также отстаивали право собственности и отказывались отречься от него даже тогда, когда видели гибель от голода более миллиона ирландских трудящихся. В первый раз урожай картофеля погиб в 1845 году, и между сентябрем и декабрем этого года было зарегистрировано 515 случаев смерти от голода, хотя в то же самое время было вывезено 3250 тысяч квартеров* пшеницы и несметное количество скота. Начиная с этого времени и до 1850 года голод продолжал усиливаться, одновременно же продолжали вывозиться и продукты питания. В 1848 году было подсчитано, что от голода умерло уже 300 тысяч человек, и в то же время было вывезено 1 826 132 квартера пшеницы и ячменя. Тифозная лихорадка, всегда сопровождающая голод, сразила людей не меньше.

* Квартер — мера веса, равная 12,7 кг.

чем их умерло непосредственно от голода, так что во многих округах стало не хватать рабочих, сохранивших достаточно сил, чтобы рыть отдельные могилы умершим. Тогда было решено копать так называемые ямы для голодных, в которые сбрасывались трупы умерших. Люди умирали целыми семьями в своих нищенских хижинах, оставались лежать в них и гнили. В отдаленных частях страны путешественники часто наталкивались на деревни, все население которых вымерло от голода. В 1847 году, «черном 47-м», от лихорадки умерло 250 тысяч человек и 21 770 — от истощения. Благодаря усилиям эмиграционных агентов и деньгам, присланным родственниками из-за границы, в том же году 89 783 человека выехали в Канаду. Убежав от голода, они, однако, не могли спастись от лихорадки, вызванной голодом, и 6100 человек умерли еще во время путешествия, и их трупы были выброшены за борт; 4100 — умерли по прибытии в Канаду, 5200 — скончались в больницах и 1900 — в канадских городах.

Великобритания находилась ближе Америки, и многие из тех, кто не мог бежать в последнюю, устремились к негостеприимным берегам первой, однако на пароходные компании было оказано соответствующее давление, и они установили такие высокие тарифы для всех палубных пассажиров, что выехать стало почти невозможно. Во время одного из очередных рейсов в Англию произошла одна из наиболее ужасных в истории трагедий, трагедия, по нашему мнению, более жуткая, чем даже трагедия «Калькуттской черной ямы» *. 2 декабря 1848 года из Слайго в Ливерпуль отплыл пароход с 200 палубными пассажирами на борту. На этом открытом северо-западном побережье такой переезд всегда опасен, ибо внезапно здесь могут возникнуть яростные штормы. И когда той ночью налетел именно такой шторм, судовая

* В 1756 году во время английского завоевания Индии индийцы захватили в плен большую группу англичан и поместили их в тесное помещение, использовавшееся как военная тюрьма. Большинство пленных умерло от удушья. В истории это событие стало известно как «Калькуттская черная яма».

команда бесцеремонно и грубо загнала толпившихся на палубе пассажиров в трюм и задраила люки, чтобы помешать их выходу оттуда. В тюремном помещении подобного каботажного судна даже при самой хорошей погоде, когда в нем нет людей, невыносимо грязно и душно; невозможно представить, каково же там было в ту ужасную ночь, когда в нем оказались загнанными 200 несчастных бедняков. В довершение ужаса, после того как наиболее отчаянные стали разбивать люки и требовать освобождения, штурман в порыве ярости приказал набросить на люки брезент, чтобы заглушить человеческие крики. Брезент действительно заглушил крики, но одновременно преградил доступ воздуха и света, и тогда там, в этом аду, 200 человеческих существ стали драться, бороться и, задыхаясь, ловить воздух, в то время как снаружи бушевали стихии и хрупкую скорлупку корабля швыряло по волнам. В конце концов, когда кто-то более сильный ухитрился пробиться наружу и выбраться на палубу, он сообщил офицерам, что в результате своей жестокости они стали убийцами, ибо безжалостная смерть уже прошла своей косою среди пассажиров. Из 200 запертых под палубой пассажиров 72 человека, более чем треть, умерли, задохнувшись от недостатка воздуха, или были изувечены до смерти во время происходившей в темноте отчаянной борьбы. Такова история рейса парохода «Лондондерри», очевидно наиболее ужасная из всех морских историй, записанных в анналах какого-либо белого народа!

И в таких условиях «Ирландская конфедерация» проповедовала моральную справедливость восстания, разглагольствуя по-английски с ученым видом перед голодающим народом, большинство которого знало только ирландский язык, об исторических примерах Голландии, Бельгии, Польши и Тироля. Лишь немногие, а именно Джон Митчел, Джеймс Финтан Лалор и Томас Девин Рейли, к их чести будь сказано, открыто заявляли, что первым долгом народа является отказ от уплаты ренты, удержание в своих руках урожай, чтобы прокормить

мить собственные семьи, и разрушение мостов и порча железнодорожных линий, дабы помешать вывозу продовольствия из страны. Если бы «Молодые ирландцы» как организация последовали этому совету, то, как показали события, их с энтузиазмом поддержал бы народ, и тогда никакая сила, которой располагала Англия, не могла бы спасти лендлордизм или сохранить господство Британской империи в Ирландии. Как пояснил Финтан Лалор, проныцательнейший ирландский ум того времени, для этого надо было уклоняться от всяких решительных сражений с английской армией и вовлекать ее в борьбу в таких местах и при таких условиях, при которых ее дисциплина, выучка и методы являлись бы скорее помехой, нежели преимуществом и где восставшим массам не понадобились бы ни мобилизация, ни батальонная муштровка, ни знание военной науки. Короче говоря, это означало бы социальную и национальную революции, которые были взаимно связаны. Однако люди, отстаивавшие необходимость такой борьбы, составляли безнадежное меньшинство, а руководители «Молодых ирландцев» заботились о правах лендлордов не менее пылко, чем английское правительство.

В то время когда люди гибли, «Молодые ирландцы» продолжали говорить: речь их была прекрасна, грамматически совершенно правильна, тщательно отшлифована, и в соответствующий психологический момент в нее всегда вносилась соответствующая доза страсти. Но народ по-прежнему погибал.

В конце концов правительство схватило действительно опасного человека, ненависть которого к несправедливости укоренилась достаточно глубоко, чтобы желать уничтожения этой несправедливости любой ценой, человека, который достаточно верил массам, чтобы принять как должное их естественный революционный порыв, и который обладал способностью соединять теорию с практикой,— правительство схватило Джона Митчела. После его ареста народ ожидал немедленной революции, этого же

ожидало правительство, этого же ждал и сам Митчел. Все были разочарованы. После презрительного отказа подписать манифест, доставленный ему в камеру Томасом Френсисом Мигером и другими, в котором народу давали совет не пытаться спасти его, Джон Митчел был отправлен на каторжные работы на землю Ван-Димена (Тасмания). Рабочий класс Дублина и других городов настойчиво требовал от своих руководителей сигнала к восстанию; во многих районах страны начались стихийные выступления крестьянства. В конце концов в июле 1848 года в Дублине стало известно, что издано предписание об аресте руководителей «Молодой Ирландии». Тогда последние решили обратиться за помощью к народу. Но все должно было происходить «респектабельным» образом. С одной стороны — английская армия при оружии, оркестрах и знаменах, с другой стороны — ирландская армия, также при оружии, оркестрах и знаменах, «сомкнутые ряды, блистающие сталью», никакого пролетарского восстания и никакого вмешательства в права собственности.

Когда в субботу 9 июля в Дублине был арестован Ч. Г. Даффи, дублинские рабочие окружили военный эскорт, сопровождавший его в Ньюгейтскую тюрьму, остановили карету, проложили путь к Даффи и предложили тут же и немедленно начать восстание. «Хотите, чтобы вас освободили?» — спросил один из рабочих. «Конечно, нет», — ответил Даффи. Рабочие в замешательстве отступили и позволили будущему австралийскому премьеру проследовать в тюрьму. В Кэшеле (графство Типперэри) был арестован Майкл Дохени. Народ взял штурмом тюрьму и освободил его. Но Дохени настоял на своем возвращении обратно и обратился за поручительством. В Уотерфорде был арестован Мигер. Когда его в сопровождении вооруженного эскорта везли через город, жители соорудили баррикаду на пути через узкий мост над рекой Сьюр, и как только карета достигла моста, кто-то перерезал у лошадей постромки и заставил кавалькаду остановиться. Толпа просила дать сигнал к восстанию, и она бы начала его

немедленно, но Мигер приказал разобрать баррикаду. Важный город находился в руках народа, но Мигер настоял на том, чтобы отправиться далее с солдатами, и бедные мятежники-рабочие Уотерфорда позволили ему удалиться, выкрикивая при этом: «Вы об этом пожалеете, вы об этом пожалеете, это ваша собственная вина!» Впоследствии Мигер проявил себя как бесстрашный солдат регулярной армии, но как повстанец он был лишен необходимой инициативы.

Но венцом абсурдности явилась деятельность Уильяма Смита О'Брайена. Он скитался по стране, требуя от голодающих крестьян быть готовыми к восстанию, но в то же время не разрешал им кормиться за счет лендлордов, которые их так долго грабили, заставляли голодать и сгоняли с земли; там, где люди умирали от недоедания, он не позволял своим сторонникам захватывать проезжавшие по дорогам повозки с зерном. В Маллинахоне О'Брайен не разрешил им срубить деревья для постройки баррикад на дороге, пока они не попросят позволения лендлорда, которому принадлежали эти деревья; когда население Килленаули загнало в ловушку между двумя баррикадами отряд драгун, он вызволил их из опасного положения на основании заявления их командира, что тот не имеет предписания на его, О'Брайена, арест; в другом месте он захватил врасплох группу солдат в здании местного муниципалитета. Солдаты были безоружны, их оружие было приготовлено к чистке, но вместо того, чтобы его конфисковать, он объявил солдатам, что их оружие в такой же безопасности, как если бы они сами находились в Дублинском замке.

Если мы вспомним тогдашнее положение Ирландии, население которой погибало от голода, все вышеизложенное будет напоминать акт комической оперы. К несчастью, это не было комической оперой, это была наиболее мрачная страница ирландской истории. Читая об этом, мы можем понять, почему в Дублине есть памятник Смигу О'Брайену, тогда как имя Финтана Лалора и его произведения в тече-

ние более чем пятидесяти лет подвергались бойкоту. У. А. О'Коннор в своей «Истории ирландского народа» характеризует карьеру Смита О'Брайена следующим образом: «Этот человек расформировал мирную организацию ради войны, обещал войну народу, находившемуся в отчаянном положении, отправился в деревню, чтобы начать эту войну, а затем решил, что предпринимать какие-либо военные действия преступно». Следует, конечно, отметить, что Смит О'Брайен был честным человеком, но необходимо признать и то, что, будучи лендлордом, весьма беспокоившимся о правах своего класса, он допустил, чтобы его забота о них встала между миллионами ирландского народа и их надеждами на жизнь и свободу. Следует, однако, вспомнить в оправдание его поведения в этот ужасный период и то, что он унаследовал обширные поместья в результате социального, национального и религиозного отступничества его предков, а при таком происхождении гораздо более удивительно было то, что он вообще мечтал о восстании, нежели то, что он отверг революцию.

Если бы в те дни Ирландия развивалась в соответствии с социалистическими принципами, то ни один человек не умер бы от голода и не потребовалось бы ни цента тех благотворительных подачек, которыми запятнали имя ирландцев. Но, за исключением немногих, все превратили собственность лендлорда и капиталистическую политическую экономию в фетиш, которому следует поклоняться, и на алтаре этого фетиша погибла Ирландия. По самому заниженному подсчету от голода умерло 1225 тысяч человек; все они были принесены в жертву на алтарь капиталистического образа мыслей.

Еще в начале голода английский премьер лорд Джон Рассел заявил, что не следует никоим образом вмешиваться в частное предпринимательство или регулировать развитие торговли, и именно этим руководствовало правительство в течение всего этого периода. В протоколе Казначейства от 31 августа 1846 года предусматривалось, что «для продажи

продовольствия в Лонгфорде, Банэгере, Лимерике, Голуэе, Уотерфорде и Слайго должны быть созданы склады, кроме того, дополнительные склады должны быть созданы в других местах на западном берегу». Но предусмотрено было так, что подобные склады не следует открывать там, где можно купить продовольствие у частных торговцев, а если там и будут открыты склады, то продовольствие следует продавать по ценам, которые давали бы частным торговцам возможность конкурировать с ними. Во всех постановлениях о проведении общественных работ для безработных было оговорено, что весь труд должен быть совершенно непроизводительным, чтобы не помешать, тогда или в будущем, получению капиталистической прибыли. Частные торговцы наживали состояния от 40 тысяч до 80 тысяч фунтов стерлингов. В 1845 году было организовано специальное ведомство по оказанию помощи, чтобы наладить ввоз кукурузы для продажи ее в Ирландии, но такую продажу разрешили производить лишь после того, как будут распроданы все частные запасы. Штат Массачусетс в США нанял военный корабль «Джеймстаун», погрузил на него зерно и отправил в Ирландию; правительство приказало сложить весь груз в амбары, заявив, что появление зерна на рынке может расстроить торговлю. «Билль о помощи бедным» 1847 года предусматривал меры для привлечения рабочих на общественные работы, но оговаривал, что нельзя допускать к общественным работам того, кто имеет более четверти акра земли; это заставило десятки тысяч людей отказаться от своих ферм ради куска хлеба, избавив этим лендлордов от всех беспокойств и расходов, связанных с выселением арендаторов. Когда этот процесс значительно усилился, объем общественных работ резко сократили и 734 тысячи человек остались без заработка, а так как они уже лишились своих ферм ради получения места на общественных работах, то оказались теперь столь же беспомощными, как люди на плоту посреди океана. Малхелл в своей книге «Пятьдесят лет национального прогресса» определяет чи-

сло людей, согнанных с земли между 1838 и 1888 годами, в 3668 тысяч; причем большая часть из них были свидетелями разрушения их жилищ именно в период голода; «Билль о помощи бедным», прозванный «актом об облегчении выселения», явился одним из главных орудий их разорения.

В 1846 году Англия, до этого бывшая протекционистской страной, ввела свободную торговлю якобы для того, чтобы дать дешевому зерну свободный доступ в голодающую Ирландию. На деле же, поскольку Ирландия была страной, экспортирующей зерно, эта мера привела к конкурентной борьбе между континентальной сельскохозяйственной продукцией и продуктами сельского хозяйства Ирландии, и в результате снижения сельскохозяйственных цен нищета ирландских трудящихся классов усилилась еще больше. Подлинное значение этой меры состояло в том, что Англия, будучи промышленной страной, хотела удешевить продовольствие, чтобы ее наемные рабы могли довольствоваться низкой заработной платой, и действительно, одним из самых ближайших результатов введения свободной торговли в Англии явилось массовое сокращение заработной платы промышленного пролетариата.

Английский капиталистический класс с лицемерием, характерным для всех его публичных действий, использовал нищету ирландцев как средство сломить оппозицию свободной торговле зерном со стороны английских лендлордов, но при этом, как и при проведении любой другой меры в эти голодные годы, он действовал последовательно в духе капиталистической политической экономии. В рамках этой социальной системы и ее теории эти акты явились логичными и естественными; лишь отбросив эту систему и те интеллектуальные и социальные путы, которые она налагает, мы действительно получим право называть все английское управление Ирландией в период голода колоссальным преступлением против человечества. Те ирландцы, которые не разделяют социалистических взглядов, но в то же время возмущаются этим правлением, действуют вопре-

ки логике, выступая против следствия, причину которого они поддерживают. Этой причиной была сама система капиталистической собственности. За исключением тех немногих людей, которых мы называли ранее, руководители «Молодых ирландцев» 1848 года не сумели подняться до высоты предоставленной им возможности сделать выбор: права человека или права собственности должны лечь в основу ирландской нации. Эта их несостоятельность обусловила национальное бедствие Ирландии.

Социалистическое учение „Молодых ирландцев“, мыслители и рабочие

Зачем ты здесь, у этих ворот?
Амбары хозяйские ты стережешь;
Опасен бедный народ.

Леди Уайльд (Сперанца)

О великий бог, ты мольбе внимли,
Снизойди до хозяев земли.
Ты смягчи их гордый, суровый нрав,
Просветли их взор, что жесток и лукав.
Или пахаря силой своей надели,
Чтобы гнал их прочь из этой земли.

Томас Дэвис

Мы уже указывали, что руководители «Молодой Ирландии», так пылко воспевавшие революцию, оказались совершенно неспособными воспринять ее тогда, когда наконец она возникла. Сам Дохени выразил эту мысль, описывая события в Кэшеле. «Это могла бы быть революция,— сказал он,— если бы мы приняли ее». Со всей справедливостью мы можем применить к этим выдающимся, но несчастным людям слова другого писателя — Лиссагарэ, которыми он характеризует подобных же лидеров во Франции: «Восхваляя всю жизнь революцию, они, увидев ее перед собой, в испуге бежали, подобно арабскому рыбаку при появлении джина». Для среднего историка, рассматривающего отношения между Ирландией и Англией только как борьбу между двумя нациями, не учитывающего ни экономических условий, ни тех великих мировых движений, в которые были вовлечены обе страны, колебания и нерешительность руководителей «Молодой Ирландии» в кризисный для их страны период представляют неразрешимую проблему, и слишком часто именно эти колебания и нерешительность использовались для того, чтобы насмехаться над ирландцем в том случае, если автор был анг-

личанином, или для того, чтобы как-то оправдать его, если автор был ирландцем. Несправедливо ни то, ни другое. И в городе и в деревне ирландские рабочие были готовы к восстанию и стремились к нему, и серьезная опасность для английского правительства миновала в тот период только потому, что Смит О'Брайен и его последователи побоялись вверить судьбу нации разгневанным низшим классам. Если бы в Ирландии в это время вспыхнуло восстание, то и английские чартисты, которые также вооружались и готовились к восстанию, на что постоянно указывал Митчел в своей газете, воспользовались бы случаем и тоже выступили бы на поле битвы. Многие полки английской армии, как соты медом, были пропитаны духом восстания и неоднократно открыто одобряли борьбу ирландцев и чартистов. Лидер английских чартистов Джон Фрост был в это время за свою деятельность приговорен к многолетним каторжным работам, а другой великий английский борец за дело рабочего класса — Эрнст Джонс, комментируя это событие, с вызовом заявил на публичном митинге, что «наступит время, когда Джон Митчел и Джон Фрост возвратятся, а лорда Джона Рассела отправят на их место и зеленое знамя будет триумфально реять на Даунинг-стрит [там находится резиденция премьер-министра] и над Дублинским замком». За эти слова Эрнст Джонс был арестован и приговорен к годовичному тюремному заключению.

В своем отношении к революционным выступлениям рабочего класса Англии взгляды «Молодых ирландцев» серьезно расходились. В своей газете «Объединенный ирландец» Джон Митчел восторженно приветствовал эти выступления как помощь для Ирландии и как предзнаменование победы подлинной демократии, отводя значительное место в каждом номере газеты хронике борьбы английского народа за дело свободы. Именно такая позиция в этом вопросе и была одной из наиболее существенных причин его продолжительной популярности в массах. С другой стороны, группа «Молодых ирландцев», сделавших своим кумиром Смита О'Брайена, очевидно лишь по

той причине, что он был богат и наиболее уважаем, старалась всеми средствами отделить дело Ирландии от дела демократии. Между Митчелом и его критиками возникла словесная война, в ходе которой каждая из сторон вспоминала прецедент 1798 года, причем Митчелу было не трудно доказать, что революционеры того периода, особенно Уолф Тон, не только связывали дело Ирландии с делом демократии вообще, но и горячо отстаивали необходимость социальной революции в Ирландии, направленной против земельной аристократии. Подражая Финтану Лалору, Митчел сделал принципы, заключенные в этих идеях, лозунгами своей революционной кампании. Он правильно утверждал, что восстание под социальными лозунгами — единственно возможная основа для национальной революции, что то самое восстание, которое положит конец социальному угнетению трудящихся классов, покончит и с ненавистной иностранной тиранией. Два отрывка из его произведений особенно отчетливо характеризуют его позицию в этих вопросах — вопросах, которые все еще являются в Ирландии предметом ожесточеннейших споров. В своем «Письме к мелким фермерам Ирландии» от 4 марта 1848 года он пишет: «Меня убеждали, что бесполезно говорить с вами подобным образом; что мирная политика О'Коннелла вам дороже жизни и чести, что, помимо этого, многие из ваших священников увещевают вас скорее умереть, чем нарушить то, что англичане называют «законом», и что вы склонились к тому, чтобы прислушаться к их увещаниям. Тогда умирайте — умирайте из-за своей безропотности и упрямства, но знайте, что тот священник, который приказывает вам безропотно погибать среди ваших собственных золотистых нив, проповедует английское евангелие, оскорбляет мужество и здравый смысл, является клятвопреступником перед религией и поносит провидение божье».

Республиканское правительство, пришедшее в Париже к власти после февральской революции 1848 года, признав, что оно обязано своим существованием вооруженным рабочим, и в ответ на требования эти-

ми рабочими некоторых гарантий для них в качестве вознаграждения за их кровавый труд издало закон, гарантирующий всем «право на труд» и ручавшийся всем достоянием нации обеспечить это право. Митчел радостно приветствовал этот закон как признак того, что абсурдные теории, которые он справедливо называл «английской системой» или капитализмом, больше не властвуют над сознанием французского народа. Мы процитируем часть этой статьи. Читатели заметят, что упоминаемая здесь свобода предпринимательства — это свобода предпринимательства в вопросах труда, противопоставляемая государственной защите прав рабочих:

«Династии и троны и вполтину не так важны, как мастерские, фермы и фабрики. Правильнее будет сказать, что династии и троны и даже временные правительства хороши лишь в той мере, в какой они обеспечивают благоприятные условия, справедливость и свободу для тех, кто трудится.

Именно в этом Франция действительно стоит впереди всего мира. Великая третья революция * покончила с просвещенной педантичной политической экономией (которая нам в Ирландии известна как английская политическая экономия, или политическая экономия голода) и установила раз и навсегда истинные и старые принципы защиты труда так же, как право и долг рабочих создавать свои организации.

Декретом от 25 февраля временное правительство обязывается гарантировать работу всем гражданам. Оно признает право рабочих объединяться, чтобы пользоваться законными плодами своего труда.

Французские республиканцы в отличие от невежественных и жестоких английских вигов не признают права на нищенское пособие по бедности как вознаграждение за безделье. Они знают, что человек имеет право зарабатывать свой хлеб не иначе, как в поте лица своего, и они признали, что высочайшая и самая священная миссия правительства — заботиться о том,

* Имеется в виду революция во Франции в феврале 1848 года.

чтобы на заработанные деньги можно было приобрести этот хлеб. Поэтому они ясно и определенно отказались от «конкуренции» и «свободы предпринимательства» *в том смысле, в каком эти слова употребляет английский виг*, и они сознательно перешли к объединениям и протекционизму для того, чтобы нация могла объединиться для защиты с помощью законов своей национальной промышленности, а отдельные лица объединялись бы с другими для защиты с помощью промышленных ассоциаций некоторых отраслей национальной промышленности.

Свободное предпринимательство и конкуренция — другими словами, английская система — теперь довольно ясны; их очевидная цель и результат сводятся к тому, чтобы сделать богатого богаче, а бедного беднее, сделать капитал абсолютным властелином мира, а труд — слепым и беспомощным рабом. С помощью фритреда предприниматели Манчестера в состоянии одеть Индию, Китай и Южную Америку, а ремесленники Манчестера едва могут прикрыться от холода. С помощью фритреда производство льняной ткани в Белфасте достигло небывалого уровня, но люди, которые ее ткали, подчас не имели рубахи на теле. Фритред наполняет зерном склады капиталистов-спекулянтов, но оставляет голодными тех, кто его сеет и жнет. Фритред опустошает деревни и населяет работные дома, укрупняет фермы и переполняет кладбища трупами умерших от голода.

Во Франции не должно быть больше подобного свободного предпринимательства. Люди там не могут больше «поступать со своей собственностью так, как им заблагорассудится».

Февраль 1848 года создал несбходимый повод в связи с банкетом в пользу реформы. Вновь Париж три дня пребывал в муках и разрешился третьей пре-краснорожденной революцией».

«На этот раз ошибки быть не могло; весь хлам тронов и династий сметен навсегда, и народ стал сувереном на земле. Одним из первых и величайших актов было создание комиссии для изучения рабочего вопроса в целом, и под документами, опубликован-

ными этой комиссией, появились имена Луи Блана и повстанца из Лиона Альбера, Рабочего. Он не стыдился этого звания, хотя и был теперь важным должностным лицом в государстве. Он — рабочий человек и гордится этим и «на любой облигации, счете, квитанции или обязательстве» стоит подпись — Рабочий.

Шестьдесят лет тому назад свою революцию свершили крестьяне Франции. Восемнадцать лет назад «респектабельные» средние классы свершили свою, и это была выгодная сделка, но на этой третьей и последней революции весь мир может видеть отпечаток влияния того человека, который ее совершал, — Альбер, Рабочий — вот его печать. Мы должны совершить все три революции, и чем скорее мы приступим к этому, тем лучше. Будем только надеяться, что нам удастся решить все задачи в одной революции. Пусть не окажется бесполезным ни один из уроков истории.

Ненавистная система «свободной торговли» и «честной конкуренции», которая описывается Луи Бланом как «такая удобная система, которая ничем не ограничивает денежные сделки между людьми, оставляет бедняка на милость богача и обещает алчности, поджидающей своего часа, легкую победу над голодом, который не может ждать», эта система, стремящаяся сделать правителем этого мира маммону, а не бога или справедливость, — одним словом, английская, или голодная, система — должна быть полностью уничтожена на фермах и в мастерских, в городе и деревне; а для этого стоит свершить три революции или трижды три повторить ее».

Так писал Митчел, движимый священной ненавистью к тирании; он обливал ядовитым сарказмом презрения окружавших его напыщенных педантов, которые столь же тщательно шлифовали фразы на лекции, как и мечи на параде, однако ни на что большее не были способны.

Как мы теперь знаем, его радость была до некоторой степени преждевременной, ибо правительство, принявшее этот закон, само являлось капиталистическим правительством, и, сочтя себя достаточно сильным, склонив на свою сторону армию, оно отменило

свой собственный закон и самым кровавым образом подавило июньское восстание рабочих, стремившихся добиться его осуществления. Митчел осуждает это последнее восстание в своем «Тюремном журнале», когда, сбитый с толку подтасованными сообщениями английских газет, он предавал анафеме тех самых людей, которых, если бы ему были доступны более полные источники информации, восхвалял бы с присущими ему мужеством и справедливостью. Однако другой революционер, Девин Рейли, в газете «Айриш фелон» более правильно оценил позицию июньских повстанцев и понял, что Ирландии для ее спасения необходимо было нечто более серьезное, затрагивающее более глубокие пружины человеческой деятельности и более близкое к тем учениям, которые вдохновляли героических рабочих Франции, чем то, что можно было найти в «личной честности», «высоких принципах», «аристократическом происхождении» или «выдающейся респектабельности» некоторых ее руководителей.

Когда Митчел был арестован и его газета закрыта, сразу же возникли две другие газеты, чтобы занять опустевший опасный пост. Первая, «Айриш трибюн», отражала взгляды тех, кто отстаивал «моральное право на восстание», а вторая, «Айриш фелон», воплощала идеи тех, кто утверждал, что английское завоевание Ирландии было двойным — социальным, или экономическим, и политическим — и что, следовательно, будущая революция также должна иметь эти два аспекта. Носители этих идей всегда полностью солидаризировались с движением пролетарской демократии как у себя на родине, так и за рубежом. Издавал «Айриш фелон» Джон Мартин, а Джеймс Финтан Лалор и Девин Рейли были ее основными сотрудниками.

Рейли, родом из Монахана, уже давно пристально наблюдал за рабочим движением и сочувствовал всем планам социального освобождения. В качестве одного из сотрудников газеты «Нейшн» он опубликовал серию статей об известном французском социалисте Луи Блане в форме рецензий на его большую рабо-

ту «Десять лет», в которых, несмотря на несогласие с идеей «государственного социализма» как основы социального возрождения, которую выдвигал Блан, он, однако, обнаружил наибольшую проницательность в понимании важности и общей значимости социальных вопросов, так же как и в понимании врожденного героизма и величия, свойственного движению рабочего класса. Эту точку зрения он сохранил до конца своих дней.

Находясь после восстания в изгнании в Америке, он издавал по поручению печатников Бостона газету «Протектив юнион», основанную ими на кооперативных принципах для защиты прав рабочего класса, и, таким образом, стал одним из пионеров рабочей журналистики в Соединенных Штатах — занятие, достойное подлинного ирландского революционера. В качестве автора «Америкэн ревю» он написал серию статей о положении в Европе, о которых Хорейс Грили * сказал, что если бы они были собраны и опубликованы в виде книги, то вызвали бы в Европе революцию. Комментируя июньское восстание во Франции, Рейли писал в «Айриш фелон»:

«Мы не коммунисты — мы отрицаем коммунизм по той же самой причине, по которой отвергаем закон о бедных и системы, основанные на абсолютной власти богатства. Коммунизм разрушает независимость и достоинство рабочего класса, превращает трудящегося в государственного нищего и отнимает у него мужество **. Но коммунизм это или не коммунизм — а 70 тысяч парижских рабочих имели несомненное право на существование, они имели больше прав на су-

* Хорейс (Гораций) Грили — видный американский либеральный публицист середины и второй половины XIX века.

** Отрицание Девином Рейли «коммунизма» (речь идет об утопическом коммунизме), идеи которого получили в то время распространение среди части передовых рабочих Франции, явилось результатом не столько незрелости идей и тактики утопистов-коммунистов, их неправильного понимания исторической роли рабочего класса, сколько клеветнического освещения их взглядов и действий, а также характера и целей восстания парижских рабочих, которое давалось в европейской буржуазной прессе того времени.

ществование, чем кто-либо еще во Франции, и если бы им удалось отстоять свои права силой оружия, они были бы полностью оправданы. *Социальная система, при которой человек, желающий работать, вынужден голодать,—это богохульство, анархия и не система вообще.* В настоящее время эти жертвы монархического правления, отвергнутые республикой, побеждены; 10 тысяч человек убито, около 20 тысяч приговорено к высылке на Маркизские острова. *Но, несмотря на все это, дело рабочего класса не проиграно, не будет и не может быть проиграно. Вновь и вновь рабочий станет восставать против тунеядца, трудящиеся выступят против буржуазии и будут бороться против нее до тех пор, пока равенство будет установлено на деле, а не на словах».*

Таковы были настроения людей, группировавшихся вокруг «Айриш фелон», исключая ее издателя. Изучающие социализм подтвердят, что многие из тех, кто сегодня горячо трудится ради победы социализма, подобно Девину Рейли отрицали бы незрелый коммунизм 1848 года. Но то, что Девин Рейли отстаивал безоговорочное право рабочего класса самому добиваться собственного освобождения и, если необходимо, прибегать к оружию, снискало ему большое уважение борющегося пролетариата Ирландии.

Начало «Обращения студентов-медиков Дублина ко всем ирландским студентам естественных и гуманитарных факультетов», принятого на митинге 4 апреля 1848 года в Нортумберленд-билдингсе и подписанного Джоном Сэвиджем в качестве председателя и Ричардом Дальтоном Уильямсом в качестве секретаря, свидетельствует, что и образованные молодые люди того времени понимали, что борьба Ирландии против ее угнетателей естественно связана и должна проходить в союзе с всемирным демократическим движением. В обращении говорится: «В этот час по всей Европе идет война между разумом и трудом, с одной стороны, и деспотизмом и насилием — с другой». Эти чувства Джозеф Бреннан выразил в поэме «Божественное право», в которой возвышенность чувств искупает несовершенство поэзии. Один из стихов гласит:

Есть в мире такое право,
Что ценится выше других:
Снискать уважение и славу
Трудами лишь рук своих.
Во имя права святого
Пусть мир возведет на трон
Мыслителя и мастерового.
Ошибки не сделает он.

Однако основная дань уважения за наиболее четкое развитие революционной доктрины, социальной и политической, должна быть отдана Джеймсу Финтану Лалору из Тенакилла, графство Куинс. Лалор, к несчастью, имел небольшой физический недостаток, не позволявший ему осуществлять по отношению к другим какое-либо иное руководство, кроме духовного,— обстоятельство, которое в то время и в той среде препятствовало распространению его непосредственного влияния. Однако, изучая его произведения сегодня, мы находим в них развитие таких принципов деятельности и общественного устройства, которые содержат не только наилучший план действий, соответствующий нуждам страны, стремящейся завоевать свою свободу путем восстания против господствующей нации, но также и семена более совершенного социального порядка будущего. Все его произведения этого периода настолько блестящи, что трудно выбрать какой-либо отдельный отрывок, который в большей степени, чем другие, заслуживал бы воспроизведения. В качестве иллюстраций манеры рассуждения этого несравненного мыслителя и как приятный контраст парализующему почтению, более того, почитанию лендлордизма, проявленному Смитом О'Брайеном и его обожателями, может послужить следующий отрывок. В статье «Кредо государственного преступника», опубликованной 8 июля 1848 года, Лалор, рассказывая, как он стремился склонить «Ирландскую конфедерацию» на свою сторону и потерпел неудачу, пишет: «Они [то есть деятели Конфедерации. — *Ред.*] хотели союза с землевладельцами. Они рассматривали их как ирландцев и воображали, что смогут убедить их встать под зеленое знамя. Они

хотели сохранить аристократию. Они хотели не демократической, а только национальной революции. Если бы Конфедерация в мае или июне 47-го года отдала свое сердце, разум и использовала все свои возможности в интересах того движения, о котором я говорил, это обеспечило бы его успех и раз и навсегда разрешило все спорные проблемы между нами и Англией. Взгляды, которые я высказал тогда и которые отстаиваю и теперь, состоят в следующем:

1. Арендаторы, населяющие земли Ирландии, ради спасения своей собственной жизни ближайшей же осенью должны отказаться от взноса всякой арендной платы и всех причитающихся с них недоимок, кроме как из стоимости излишков урожая, остающихся в их руках после того, как они отложат продовольствие, необходимое для их собственного пропитания в течение следующих 12 месяцев.

2. Они должны не повиноваться, а сопротивляться английскому закону о выселении, который превращает их в безземельных и бездомных нищих.

3. В дальнейшем они должны принципиально отказываться от всякой уплаты аренды теперешним собственникам-узурпаторам, до тех пор пока сам народ, истинный владелец (или верховный лорд, выражаясь юридическим языком), не решит в национальном конгрессе или конвенте, какую ренту и кому он должен платить.

4. Народу, исходя из политических и экономических принципов, следовало бы постановить (как общее правило, допускающее исключения), что эти ренты должны уплачиваться самому народу для общественных целей и для выгоды и пользы всего народа в целом.

Могут сказать, что такая война во имя предлагаемых мною принципов будет с отвращением воспринята Европой. Я утверждаю обратное: такая война распространится и на Европу. Запомните это пророчество — принцип, который я выдвигаю, затрагивает основы европейского общества и раньше или позже заставит Европу восстать. Человечество еще станет хозяином земли. Право народа создавать законы —

вот что вызвало первое великое современное землетрясение, скрытые колебания которого еще и сейчас отдаются в общественных глубинах. Право народа владеть землей — вот что вызовет следующее землетрясение. Готовьте ваши руки и руки ваших сыновей, джентльмены земли, ибо именно вашим и их рукам еще придется потрудиться».

Этот отрывок особенно важен, так как он свидетельствует, что Финтан Лалор, подобно всем подлинным революционерам Ирландии, проповедовал свои принципы как часть принципов мировой демократии, а не только применительно к событиям, связанным с борьбой Ирландии против Англии. Но буржуазные политики и историки Ирландии, потерпевшие неудачу в своих продолжавшихся полстолетия попытках игнорировать или замолчать всякое упоминание о вкладе Лалора в ирландскую революционную литературу, стараются преподнести его учение только как учение, применимое лишь к англо-ирландской борьбе. Следует надеяться, что пролетарские демократы Ирландии будут со своей стороны столь же упорно подчеркивать широту взглядов Лалора, сколь упорно ее отрицают их буржуазные соотечественники. Ведь рабочий класс напрасно опорочил бы свою собственную репутацию, если бы допустил выхолащивание доктрины этого ирландского апостола революционного социализма. Именно для того, чтобы подчеркнуть широту его взглядов и остроту проникновения в социальную структуру, ирландскому рабочему классу следует сопоставить изменнический патриотизм ирландских политиков и антисоциалистов со следующим блестящим отрывком из уже цитированной работы и таким образом показать, как Лалор отвечал на доводы тех, кто убеждал его смягчить или изменить его взгляды и проповедовать их лишь как необходимые при тогдашнем отчаянном положении Ирландии, а не как универсальный принцип.

«Я подтверждаю и отстаиваю мнение о чрезвычайной и отчаянной необходимости поддержать ее (Ирландии) требование без всяких изменений. *Я основываю это не на временных и преходящих условиях, но*

на принципах, которые являются постоянными, не-
тленными и универсальными, применимыми ко всем
временам и ко всем странам в такой же степени, как
и к нашей собственной. Я проникаю через верхний
слой, состоящий из случайных и меняющихся обстоя-
тельств, до самых основ. Я ставлю вопрос в его из-
вечной форме — в той форме, в которой, сколь бы ча-
сто он ни замалчивался в течение некоторого времени,
он никогда не сможет быть окончательно стерт, но
будет оставаться и вновь подниматься, переживая тру-
дость и продажность целых поколений. Я вижу его
таким, каким его увидят века — не сквозь завесу го-
лода, но под живительными огнями небесного свода».

Именно в таком свете и рассматривается сегодня
доктрина Финтана Лалора, и, по мере того как время
отделяет его от нас, его значение как мыслителя ста-
новится все более и более очевидным, его фигура
предстает перед нашими глазами все более ясно и от-
четливо, тогда как фигуры мелких агитаторов и фра-
зерствующих мятежников, которые, казалось, господ-
ствовали на сцене в тот исторический период, зани-
мают подобающие им места в качестве невольных по-
собников британских имперских планов подчинения
Ирландии при помощи голода. Своим губительным да-
ром красноречия, ставшим для них проклятьем, ир-
ландские жирондисты из Конфедерации заморозили
ирландский народ и, возбудившись сами, утратили
способность серьезно мыслить; опьяненные словами,
они не смогли осознать, что идеи Финтана Лалора,
отчасти воспринятые и изложенные с такой драмати-
ческой силой Митчелом, представляли для ненави-
стного господства Англии более серьезную угрозу, чем
любая мечта о союзе классов, который когда-либо
мог бы быть осуществлен на ирландской почве; кости
жертв голода, белеющие на каждом ирландском хол-
ме и в каждой долине или качающиеся на волнах Ат-
лантического океана, были той ценой, которую запла-
тила Ирландия за красноречие ее мятежников и за
их презрительный отказ от социалистического учения
ее мыслителей.

Еще об ирландских пионерах социалистического движения

Неизвестно, может ли править этим миром
Нагорная проповедь, но право дьявола управ-
лять зависит от того, позволим ли мы ему это
делать. Однако он не должен называть свое
правление христианской цивилизацией.

Джон Бойль О'Рейли

Оглядываясь назад, на этот насыщенный событиями период (после 48-го года), мы видим, что для этого поколения все надежды революционного движения погибли, задушенные в любовных объятиях наших жирондистов; но это обстоятельство, естественно, не было столь очевидным для людей того времени. Поэтому нас не должно удивлять, что журналистская деятельность революционеров не прекратилась после запрещения газет «Юнайтед айришмен», «Айриш трибюн» или «Айриш фелон». Дело революции защищало небольшое и непериодическое издание «Айриш нейшэнел гард», выпускавшееся время от времени, очевидно, группой смелых и передовых дублинских рабочих. В январе 1849 года еще одну газету, «Айришмен», начал издавать Бернард Фуллэм, бывший управляющий делами газеты «Нейшн». Фуллэм создал также и новую организацию — «Демократическую ассоциацию», цели которой были «почти всецело социалистические и революционные». Эта ассоциация распространила свое влияние среди ирландских рабочих в Великобритании и встретила сердечную поддержку и одобрение Фергюса О'Коннора, который видел в ней воплощение своей давно лелеемой мечты об общей программе, объединяющей демократов

Ирландии и Великобритании. Но эра революции в обеих странах для этого поколения уже миновала, а для пролетарских революционеров было уже слишком поздно исправлять вред, причиненный буржуазными доктринерами. Просуществовав семнадцать месяцев, газета прекратила существование в мае 1850 года. Среди ее авторов был Томас Кларк Лаби, впоследствии один из главных сотрудников газеты «Айриш пипл», органа Фенианского братства. Это во многом объясняет, почему данная газета защищала прогрессивные взгляды. Одним из сотрудников «Айришмен» был в те дни и Джозеф Бреннан, которого мы уже цитировали как одного из авторов «Айриш трибюн». Бреннан в конце концов эмигрировал в Америку и активно сотрудничал там в новоорлеанской газете «Дельта». Во многих из его поэм, опубликованных в этой газете, сказывается влияние его прежних связей с социально-революционной мыслью в Ирландии.

Прежде чем закончить рассмотрение этого периода, необходимо сказать несколько слов о том влиянии, которое оказали ирландские изгнанники-пролетарии на рабочее движение Великобритании. Английский писатель Х. С. Фоксвелл отметил, что «социалистическая пропаганда велась главным образом людьми кельтской или семитской крови»; и независимо от того, можно ли согласиться с этим утверждением, по крайней мере несомненно, что именно люди кельтской крови чаще всего вели первоначальную пропаганду социалистического общественного идеала в англоязычных странах. Мы уже упоминали о Фергюсе О'Конноре; другим ирландцем, с чьим именем как одного из создателей и руководителей чартизма связано раннее рабочее и социалистическое движение в Англии, был Джеймс Бронтер О'Брайен. Его наиболее известными работами являются: «Возникновение, развитие и этапы человеческого рабства: как оно появилось и каким образом можно от него избавиться», опубликованная в 1830 году; «Обращение к угнетенному и одуроченному народу Великобритании» (1851 год); «Европейские письма» и страницы «Национального ре-

форматора», основанного им в 1837 году. Сначала О'Брайен был сторонником физической силы*, но в дальнейшем почти полностью посвятил себя развитию системы земельных банков, которая, как он верил, является путем к свержению политической и военной власти капиталистического класса. Считают, что Бронтер О'Брайен первый ввел в английский язык выражение «социал-демократ» как название приверженцев нового строя.

Значительно менее, чем О'Брайен, известен современному поколению более ранний ирландский поборник социалистического движения рабочего класса — Джон Догерти (родившийся в Ларне в 1799 году), но его методы носят больше конструктивных признаков революционного государственного подхода, отражая четкость его взглядов. В период между 1830 и 1840 годами Догерти являлся едва ли не ведущей фигурой в рабочем движении Ирландии и Англии; он уделял мало времени развитию социалистической теории и большую часть своей энергии посвятил делу организации рабочего класса и обучению его действовать по своей собственной инициативе. Догерти был генеральным секретарем Федерации прядильных обществ, стремившейся объединить всех рабочих текстильной промышленности в единый большой национальный промышленный союз. Отделения Федерации широко распространились в Великобритании и Ирландии. Он же основал Национальную ассоциацию для защиты рабочего класса, пытавшуюся создать такой союз рабочего класса, который бы мог эффективно действовать как в экономической, так и в политической области, и объединившую около 100 тысяч членов, приняв в свои ряды все союзы Белфаста. В 1831 году он начал издавать газету «Войс оф пипл», которая, хотя ее экземпляр и стоил 7 пенсов, имела тираж 30 тысяч экземпляров и о которой говорили, что она «уделяет большое внимание радикальным по-

О'Брайен примыкал к революционному крылу чартистского движения, признававшему правомерность применения насильственных действий для достижения Народной хартии.

литическим движениям и развитию революции на континенте».

В своей «Истории тред-юнионизма» Сидней Уэбб цитирует Френсиса Плейса* — наиболее информированного в рабочем движении Англии своего времени человека, — который заявил, что во время кризиса, вызванного английским биллем о парламентской реформе 1832 года. Догерти не был сбит с толку, как многие другие рабочие лидеры, и не стал на сторону буржуазных реформаторов, а «советовал рабочему классу использовать момент для социальной революции». Это было действительно доминирующей чертой доктрины Догерти: все, что необходимо сделать, должно быть сделано самим рабочим классом. В целом его характеризовали как человека, обладавшего «широкой осведомленностью, природной проницательностью и стремлением к далеко идущим целям».

Другой Догерти, Хью, получил некоторую известность в социалистических кругах Англии; в Лондоне в 1841 году он издавал социалистическую газету «Фэлэнкс», пропагандировавшую взгляды французского социалиста Фурье. Из-за своей крайне доктринерской позиции газета оказывала слабое влияние на рабочее движение, но, по-видимому, широко распространялась и имела корреспондентов в Соединенных Штатах. Она явилась одной из первых газет, набравшихся на линоTYPE, и один из ее номеров содержит подробное описание этой машины, с которым сегодня довольно любопытно познакомиться.

В общем, влияние значительного числа ирландских рабочих на английское рабочее движение представляется нам полезным. Правда, их соперничество из-за постоянной работы сначала отрицательно сказывалось на заработной плате, однако изучение текущей литературы рабочего движения того времени показывает, что активность ирландских рабочих-иммигрантов в рядах борющегося класса намного превос-

* Френсис Плейс — известный деятель английского демократического движения 20—30-х годов XIX века. По своим взглядам — мелкобуржуазный радикал.

ходила их удельный вес среди населения вообще. И именно они в этом движении всегда были передовыми, наименее склонными к компромиссу и наиболее неприимыми. Конечно, социалистические сектанты и философы не любили ирландца. Чарлз Кингсли*, это любопытное сочетание церковника, социалиста, шовиниста и злобного фанатика, едва в состоянии оставаться в границах благопристойности, упоминая ирландца в своем повествовании,— но эта антипатия родилась из страха перед нетерпимостью ирландских рабочих к компромиссу и их стремлением к действию. И именно те самые качества, которые делают ирландского рабочего близким подлинным борцам против капиталистической несправедливости, лишают его расположения тех людей, социальное положение которых позволяет им стать историками его борьбы.

* Чарлз Кингсли — один из руководителей и идейных вдохновителей английского «христианского социализма» середины XIX века.

Рабочий класс, наследник ирландских идеалов прошлого — хранитель надежд будущего

Так, по-вашему, этого требует бог:
Голодать, надрываться, хиреть?
«Сила в слабости» — затвердив как урок,
Дальше этого не смотреть?
О, обеты бесчестья! О, вечный позор!
Бог другому нас учит прилежно:
Кто голодным чужое возьмет — тот не вор,
Кто ответный удар нанесет — не мятежник.

Д. Ф. О'Доннел

Эта книга не претендует на то, чтобы дать историю рабочего класса в Ирландии, скорее ее цель — выявление роли рабочего класса в ирландской истории. Поэтому в ней не делается никакой попытки рассмотреть в деталях возникновение, развитие или упадок промышленности в Ирландии, кроме тех случаев, когда это связано с нашей основной темой. Эта главная тема требовала от нас рассмотреть как положение нашего рабочего класса в наиболее важные периоды новой истории, так и отношение ирландских лидеров к надеждам, стремлениям и нуждам тех, кто живет, зарабатывая на жизнь трудом. Иногда, как, например, при анализе «процветания» периода граттановского парламента и упадка ирландской промышленности, последовавшего за законодательной Унией 1800 года, мы были вынуждены рассмотреть основные причины, способствовавшие промышленному или торговому прогрессу одних наций и упадку других. За эти очевидные отступления мы не приносим извинений, да они и не требуются; невозможно было дать читателям ясное представление о положении рабоче-

го класса в любой момент, не выяснив те экономические и политические причины, которые делали возможным или необходимым для него занять ту или иную позицию. По той же самой причине иногда приходилось возвращаться к в целом уже рассматривавшимся периодам, чтобы привлечь внимание к той стороне вопроса, изучение которой в предшествующем изложении могло затруднить верное понимание исследовавшейся тогда проблемы. Так, мы не рассматривали вопрос о происхождении тред-юнионизма в Ирландии, хотя в ходе исследования и показали, что ирландские рабочие были хорошо организованы. Мы и теперь не готовы приступить к этой теме. Может быть, позднее, в какой-нибудь благоприятный момент, мы сможем исследовать относящиеся к этому вопросу материалы и проследить развитие тред-юнионизма в Ирландии.

В настоящее же время достаточно констатировать, что ремесленные гильдии существовали в Ирландии так же, как в Англии и на континенте, еще в дореформационный римско-католический период; что после Реформации в пределах английского Пейла * эти ремесленные гильдии стали исключительно протестантскими и даже антикатолическими; что даже после принятия акта об эмансипации католиков они по-прежнему не допускали последних в свои ряды и что в 1840 году эти старые профессиональные гильдии были формально запрещены законом. Однако католические и протестантские рабочие, которых не принимали в члены этих гильдий (ими могли быть лишь приверженцы англиканской церкви), тем не менее организовывались, и именно их-то тред-юнионы и преобладали среди трудящихся к возмущению капиталистов и лендлордов и досаде правительства.

Замечательной и поучительной чертой их организации в городе и деревне было то, что каждой попытке восстания с политическими целями в Ирландии

* Пейлом в средние века называли захваченный во время первых нашествий и прочно удерживавшийся англичанами плацдарм в Восточной Ирландии.

всегда предшествовал весьма заметный рост волнений, недовольства и классовой сознательности среди членов этих организаций, ясно показывающий, что в сознании мыслящего ирландского рабочего политическое и социальное угнетение были очень тесно связаны. В «Даблин кроникл» от 28 января 1792 года есть заметка о крупной стачке портных-подмастерьев Дублина, в ходе которой вооруженные портные направились к мастерским Миллера на Росс-Лейн, Лита на Мерчент-Кэй, Уолша на Касл-стрит и Уорда на Коуп-стрит, напали на некоторых работавших там штрейкбрехеров, двум из них отрезали руки, а остальных бросили в реку.

В другом и более позднем выпуске той же самой газеты сообщается о том, как несколько портовых грузчиков были захвачены отрядом вербовщиков его величества с целью принудить их служить во флоте и как организованные портовые рабочие, услышав об этом, объявили общий сбор, а затем, направившись к помещению, где держали этих людей, атаковали его, сломили сопротивление стражи и освободили своих товарищей. В той же самой газете, в номере от 3 января 1793 года, помещено письмо джентльмена, проживавшего в Кэррикмакросс (графство Монахан), в котором говорится, что через этот город промаршировал вооруженный отряд дифендеров*, направлявшихся к Арди, и что против них направили войска и многие были убиты. 24 января 1793 года другой корреспондент рассказывает, как между Бейлиборо и Кингскортом (графство Каван) произошло сражение «между теми обманутыми людьми, которые называют себя дифендерами, и отрядом войск», причем 18 батраков были убиты, 5 тяжело ранены и 30 взяты в плен «и брошены в тюрьму в Каване». В номере от 23 июля 1793 года сообщается о битве в Лимерике:

* Военизированная организация ирландских арендаторов и батраков. Была создана в 1793 году для защиты от произвола помещиков и инспирируемых властями черносотенных банд протестантов.

«Прошлой ночью мы слышали, что из Лимерика прибыл курьер со следующим известием: в ночь на субботу толпа, состоявшая из 7 или 8 тысяч человек, напала на этот город и пыталась его сжечь; армии, милиции и горожанам пришлось объединиться и прибегнуть к помощи артиллерии, чтобы отразить этих дерзких преступников, и лишь после ожесточенного и упорного сопротивления мятежники были рассеяны, потеряв 140 человек убитыми и несколько ранеными». Подобное же сражение между крестьянами и солдатами, которым помогали местные лендлорды, происходили и в графстве Уэксфорд.

В отчетах тайного комитета палаты лордов в 1793 году, рассказывающих о дифендерах, говорится: «Они впервые появились в графстве Лаут», «быстро распространились в графствах Мит, Каван, Монахан и некоторых соседних», и «их действия являются согласованными, готовятся с величайшей секретностью и носят в достаточной мере продуманный и систематический характер, необычный для людей низкого положения, как если бы во главе их стояли люди более высокого ранга».

Необходимо подчеркнуть, что все это происходило накануне революционной борьбы 1798 года и доказывает, как классовая борьба ирландских рабочих являлась своего рода подготовкой повстанческого движения.

Мы уже говорили о длительной и напряженной борьбе против десятины и о боевом духе ирландских рабочих союзов и риббонменов, подготовивших тот революционный материал для 1848 года, который Смит О'Брайен и его сторонники оказались не в состоянии использовать. Следующий революционный период, известный под именем периода Фенианского заговора, отмечен столь же отчетливым сочетанием воинствующего классового чувства и революционного национализма. Правда, не приходится удивляться тому, что подлинные ирландские националисты, сепаратисты, всегда были людьми широкого кругозора и пылкими демократами, поэтому они постоянно находили наиболее надежную поддержку в сердцах ра-

бочего класса на родине и своих наиболее решительных защитников в среде рабочего класса за рубежом.

Фенианское братство было создано в 1857 году, как утверждал Джон О'Мэхони, один из двух его руководителей. Вторым являлся Джеймс Стифенс. Относительно О'Мэхони Джон О'Лири в своих «Воспоминаниях о фениях и фенианизме» говорит, что он был передовым демократом с социалистическими взглядами, а У. А. О'Коннор в своей «Истории ирландского народа» заявляет, что оба — О'Мэхони и Стифенс — входили во французские тайные общества, причем О'Мэхони поступил так «просто из солидарности». Подтверждение такой характеристики людей, создавших Фенианское общество, можно найти в одном из номеров газеты, созданной для пропаганды фенианства и публиковавшейся в Лондоне после запрещения органа Фенианского братства «Айриш пипл» в Дублине в 1865 году. Эта газета «Флэг оф Айрленд», цитируя парижского корреспондента газеты «Айришмен», писала 3 октября 1868 года:

«Начало было положено в Латинском квартале, когда Джон О'Мэхони, Майкл Дохени и Джеймс Стифенс жили здесь в изгнании после 48-го года.

В заговорщических умах этих троих и возникла идея фенианства. О'Мэхони, глубокий знаток Ирландии и почитатель ее традиций, подобрал название для нового общества; Дохени своим настойчивым и энергичным характером и своей проникательностью во многом придал ему ту жизненную силу, которая способствовала его возникновению, но Стифенсу оно обязано тем, что развивалось в одном направлении с революционным движением на континенте. Стифенс видел, что ирландский вопрос перестал быть только вопросом религиозным; он обладал достаточно здравым смыслом, чтобы не ограничиваться рассмотрением этого вопроса и как чисто национального; ибо чувствовал, что это была та же старая борьба, которая в конце прошлого столетия потрясла Францию, а теперь была перенесена на новую почву; противоборствующие силы были те же самые, с той лишь разницей, что в Ирландии народ не знал «утешений»

во всех случаях иметь в качестве тиранов своих соотечественников.

Генерал, которого Стифенс предназначил на пост главнокомандующего ирландской республиканской армии, был не кто иной, как Ключере, впоследствии главнокомандующий федератов во время Парижской Коммуны. Это обстоятельство говорит нам о принципах людей, составлявших мозг фенианского движения больше, чем любое свидетельство их подчиненных.

1857 год, год возникновения фенианского движения, начался в Ирландии с серьезных волнений рабочего класса, кульминационной точкой которых явилось мощное движение пекарей-подмастерьев против ночного труда и за сокращение рабочего дня. В 1858—1860 годах по всей стране проходили крупные митинги; на них горячо отстаивались права рабочего класса, разоблачалась и осуждалась тирания ирландских предпринимателей. В Уэксфорде, Килкенни, Клонмеле и Уотерфорде ночная работа была запрещена и введен дневной труд. Волнения сочли столь серьезными, что для их изучения был создан парламентский комитет; мы приведем следующие выдержки из отчета этого комитета, используемого Карлом Марксом в его знаменитом труде «Капитал»:

«В Лимерике, где, как известно, страдания наемных рабочих превосходят всякую меру, движение это разбилось о сопротивление хозяев пекарен, особенно же пекарей-мельников. Пример Лимерика вызвал попятное движение в Эннисе и Типперэри. В Корке, где *общественное негодование проявилось наиболее живо* [курсив Дж. К.], хозяева, используя свое право выбросить рабочих на улицу, подавили движение. В Дублине *хозяева оказали самое решительное сопротивление* [курсив Дж. К.] и преследованием подмастерьев, возглавлявших агитацию, принудили остальных уступить и согласиться на ночной и воскресный труд.

...Комитет полагает, что рабочее время ограничено естественными законами, которых нельзя нарушать безнаказанно. Принуждая своих рабочих, с помощью угрозы увольнения, к нарушению их религиозных убе-

ждений, неповиновению законам страны и игнорированию общественного мнения, хозяева сеют вражду между капиталом и трудом, и подают пример, опасный для религии, нравственности и *общественного порядка* [курсив Дж. К.]... Комитет полагает, что удлинение рабочего дня свыше 12 часов является узурпаторским вторжением в семейную и частную жизнь рабочего и ведет к губительным моральным результатам вследствие вмешательства в семейный быт человека и в выполнение им своих семейных обязанностей в качестве сына, брата, мужа и отца. Труд, продолжающийся более 12 часов, имеет своей тенденцией разрушение здоровья рабочего, преждевременную старость и раннюю смерть и таким образом ведет к несчастью рабочих семей, которые лишаются попечения и опоры главы семейства как раз в такое время, когда это всего более необходимо»*.

Читатель может заметить, что фенианство развивалось в наибольшей степени именно в тех городах, где рабочее движение было наиболее сильным, где рабочие вели борьбу наиболее энергично и где классовое сознание было наиболее высоким; исторические документы свидетельствуют, что именно Дублин, Корк, Уэксфорд, Клонмел, Килкенни, Уотерфорд и Эннис и соответствующие графства лучше всего восприняли идеи фенианства. Ричард Пиготт, который, прежде чем он поддался на золотую приманку лондонской «Таймс», прошел долгий и полезный путь в качестве руководителя ряда передовых газет Ирландии, досконально познакомился на этом поприще со многими людьми и выступлениями и поддерживал их, приводит в своих «Воспоминаниях ирландского журналиста» следующие данные о составе участников фенианского движения, которые, как следует отметить, полностью подтверждают наш анализ соотношения между революционным движением и рабочим классом:

«Хорошо известно, что к фенианству относились с нескрываемым отвращением, чтобы не сказать — со

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., Изд. II, т. 23, стр. 263.

смертельной ненавистью, не только лендлорды и правящие классы, но и католическое духовенство, католические буржуа и значительное большинство фермеров. В действительности фенианство находило сторонников только среди самых молодых и наиболее образованных представителей рабочего класса, среди молодых людей больших и малых городов, занимавших наиболее скромное положение в торговых предприятиях, среди ремесленников и рабочих».

Карл Маркс ссылается на отчеты инспекторов ирландских попечительств о бедных (1870 год), рисующих положение сельских наемных рабочих Ирландии; из них видно, что между 1849—1869 годами уровень заработной платы в Ирландии повысился на 50—50 процентов, тогда как цены на все предметы первой необходимости повысились более чем вдвое. В доказательство он приводит следующее извлечение из официальных отчетов одного ирландского рабочего дома.

Средний недельный расход на содержание одного человека*

	Пища		Одежда		Итого	
	шилл.	пенс	шилл.	пенс	шилл.	пенс
С 29 сент. 1848 по 29 сент. 1849 г.	1	3 ¹ / ₄	0	3	1	6 ¹ / ₄
С 29 сент. 1868 по 29 сент. 1869 г.	2	7 ¹ / ₄	0	6	3	1 ¹ / ₄

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., Изд. II, т. 23, стр. 718.

Эти факты показывают, что именно в тот период, когда фенианское движение стало оказывать влияние на ирландские массы больших городов, рабочие вели ожесточенную борьбу против своих нанимателей, а цена на все предметы первой необходимости выросла вдвое. Этих двух причин оказалось доста-

точно, чтобы вызвать революционное брожение даже в стране, где не было таких исторических предпосылок для революции, какие существовали в Ирландии.

В Великобритании также происходили бурные волнения, вызванные тяжелыми страданиями рабочего класса во время промышленного кризиса 1866—1867 годов. Лондонская газета «Морнинг стар» отмечала, что в шести районах Лондона 15 тысяч рабочих вместе с семьями пребывали в нищете; «Рейнольдс ньюспэйпер» 20 января 1867 года приводит следующий отрывок из надписей на больших плакатах, которые, как писала газета, были расклеены по всему Лондону: «Жирный скот и голодающие люди. Жирный рогатый скот отправляют, чтобы накормить богача в его роскошном доме, тогда как голодающие бедняки продолжают гнить и умирать в своих жалких жилищах», причем газета указывает, что «это [то есть содержание плакатов.— *Ред.*] напоминает об одной из тех тайных революционных ассоциаций, которые во Франции подготовили события 1789 года. В тот момент, когда английские рабочие с их женами и детьми умирают от холода и голода, миллионы английского золота — результат труда английского рабочего класса — вкладываются в русские, испанские, итальянские и другие иностранные предприятия». А лондонская газета «Стендэд» 5 апреля 1866 года сообщала: «Вчера в одном из районов столицы можно было наблюдать ужасное зрелище. Тысячи безработных Ист-Энда, выступавших с черным флагом, производили достаточно внушительное впечатление, хотя здесь были далеко не все безработные. Эти люди страдают. Они умирают с голоду. Это ужасно. Их целых 40 тысяч. В нашем присутствии в одном из кварталов этой удивительной столицы рядом с самым громадным скоплением богатства, которое когда-либо видел мир, эти 40 тысяч беспомощных, голодающих людей. Теперь они врываются в другие кварталы».

Обстановка голода и мятежа в Великобритании объясняет любопытное явление, упомянутое А. М. Салливэном в «Нью Айрлэнд», что в Ирлан-

дии гомрулерская или конституционалистская пресса легко отстаивала свои позиции в соперничестве с «Айриш пипл», но в Великобритании фенианская газета полностью взяла верх над своими ирландскими конкурентами. Ирландские рабочие — изгнанники в Великобритании поняли, что национальные стремления их народа направлены к той же цели, требуют таких же действий, как и материальные интересы их класса, то есть полного уничтожения капиталистического господства и национальной и социальной тирании, на которых это господство основывается. Любый вдумчивый читатель поэм Д. Ф. О'Доннела, например поэмы «Мансарда ремесленника» («An Artisan Garret»), где он в словах, которые испепеляют, показывает состояние духа безработного дублинского ремесленника-фения, сидящего у постели больной жены, умирающей от голода, или нежно убеждающих стихов Д. К. Кэйси (Лео) не может удивляться тому горячему приему, который встречали в Великобритании газеты с подобными доктринами среди ирландских мужчин и женщин, принадлежавших к угнетенному классу.

Точно так же, как 98-й год был ирландским ответом на первую французскую революцию, а 48-й означал, что ирландское сердце бьется в унисон демократическим и социальным сдвигам на континенте Европы и в Англии, так и фенианство — это биение ирландского сердца в ответ на то волнение, которое вызывало повсюду в сердцах европейского рабочего класса Международное Товарищество Рабочих. Отделения этой организации процветали в Дублине и Корке даже после Парижской Коммуны, и весьма интересно проследить аналогию между развитием социалистического движения в Европе после Коммуны и ирландским революционным движением после неудачи в 1867 году. В обоих случаях произошел отход от тактики восстаний и переход к борьбе, в которой недовольный класс, несмотря на его стремление к революции, последовательно отказывается от решения вопроса путем вооруженной борьбы. Когда революционные националисты соеди-

нили свою судьбу с Ирландской Земельной лигой и сделали борьбу за землю своей основной задачей, они не только еще раз прикоснулись к тем неисчерпаемым источникам материальных интересов, из которых черпали материал для возведения здания боевой патриотической ирландской организации все крупные ирландские государственные деятели от Сент-Лоренса О'Тула до Уолфа Тона, но также, сознательно или бессознательно, сблизилась с теми принципами, которые лежат в основе современного движения рабочего класса и вдохновляют его. Это признано в настоящее время наиболее беспристрастными наблюдателями. Так, в довольно занимательной книге, опубликованной во Франции в 1887 году под названием «Пэдди у себя дома», автор, французский аристократ барон Э. де Манд-Грансе, рассказывая о поездке по Ирландии в 1886 году, во время которой он познакомился с рядом руководителей Земельной лиги и посетил дома многих ленд-лордов, пишет:

«Несомненно (хотя они могут пытаться скрывать это), что ирландцы в своих требованиях, если еще и не говорят открыто о коммунизме как о своей признанной цели, а у них еще могут сохраняться на этот счет некоторые иллюзии, то все же совершенно ясно, что методы, применяемые Земельной лигой, не были бы отвергнуты наиболее убежденными коммунистами».

Это явилось признанием того самого обстоятельства, которое побудило «Айриш уорлд», главного борownika Земельной лиги в Америке, принять подзаголовок — «Америкэн индастриэл либерейтор» («Американский промышленный освободитель») и стать рупором зарождающегося рабочего движения тех дней. Это явилось признанием того факта, который побудил ирландских буржуазных лидеров отказаться от борьбы за землю и сосредоточить свои усилия на том, чтобы свести все формы освободительного движения в Ирландии к парламентской борьбе, как только временное замедление его развития дало им возможность рекомендовать изменение тактики.

Они боялись вызвать к жизни стремление расследовать права собственности, которое могло не ограничиться отрицанием неприкосновенности состояний, основанных на получении ренты, но также начать оспаривать и законность состояний, составленных за счет прибыли и процента. Они инстинктивно чувствовали, что такое расследование обнаружит отсутствие значительных различий между этими видами богатств, выявит, что эти состояния возникли не из самой земли — в одном случае, или от мастерских — в другом, но в результате социального угнетения неимущего класса, вынужденного тяжело трудиться в качестве арендаторов на земле или в качестве наемных рабочих в мастерской или на фабрике.

По той же самой причине Земельная лига (основанная в 1879 году в Айриштауне (графство Мэйо) на собрании, созванном, чтобы осудить чрезмерные требования арендной платы неким священником, выступавшим в качестве землевладельца) должна была в Ирландии сначала преодолеть оппозицию всей официальной гомрулерской прессы, а в Великобритании, среди ирландских беженцев, целиком зависеть от поддержки со стороны бедняков рабочих, а также и английских и шотландских социалистов. И действительно, именно эти последние и были в течение ряда лет главными пропагандистами и защитниками принципов Земельной лиги перед британскими массами, и они неуклонно выполняли свою задачу, пока респектабельные богачи из ирландских общин в Великобритании не съезжились от страха, видя недовольство своих богатых британских соседей.

Позднее, когда усиливающееся победоносное восстание в Ирландии [подъем массового аграрного движения. — *Ред.*] вынудило либеральную партию, хотя и неохотно, признать требования ирландского крестьянства и между гомрулерами и либералами был заключен союз, проживавшие в Великобритании ирландские дельцы сумели втереться в ирландские организации и занять там ответственные и руководящие посты. Одним из первых и наиболее горьких результатов этого было использование голосов ирландцев против

кандидатов Социалистической и Рабочей партий. Несмотря на грозные и энергичные протесты таких людей, как Майкл Девитт*, сплоченную фалангу ирландских избирателей вновь и вновь бросали против тех самых людей, которые боролись за Ирландию и переносили ради нее страдания, остракизм и оскорбления, тогда как либеральное правительство заполняло ирландские темницы невинными ирландцами.

Маневрируя таким образом с целью оторвать ирландские массы в Великобритании от их старых друзей — социалистических и рабочих клубов — и бросить их в объятия старых врагов — либеральных капиталистов, ирландские буржуазные политики весьма хитро преследовали свои классовые интересы даже тогда, когда прикрывали свои действия патриотическими лозунгами. Очевидно, что союз ирландского патриотизма и социалистической деятельности, в том случае если бы его поддерживали и одобряли ирландские организации в Великобритании, не мог бы далее существовать вне Ирландии, а осуществленный в ее пределах, он стал бы неодолим. Этим объясняется безумное и нелогичное стремление извратить и исказить значение ирландской истории и устранить вопрос о собственности, о ее правах и развитии с повестки дня в ходе любой дискуссии по ирландскому национальному вопросу.

Но этот вопрос, которого так страшатся, поднимается вновь; его нельзя отложить и нельзя запретить. Частичный успех Земельной лиги вызвал в Ирландии перемену, значение которой представляют себе лишь немногие. Коротко говоря, она заключается в том, что недавние земельные акты** и действующее в том же направлении развитие трансат-

* Майкл Девитт — крупный деятель крестьянского движения в Ирландии. Основатель и руководитель Земельной лиги.

** Под давлением массового крестьянского движения 70—80-х годов XIX века английское правительство вынуждено было принять ряд законов, обеспечивавших постепенный переход обрабатываемых участков земли в Ирландии из рук лендлорда в руки арендатора на основе выкупа.

лантической торговли превращают Ирландию из страны, управляемой согласно феодальным концепциям, в страну, приспособляющуюся к законам капиталистической конкуренции. Сегодняшняя конкуренция крупных капиталистических ферм Соединенных Штатов и Аргентинской республики является куда более страшным врагом ирландского земледельца, чем отживающие остатки лендлордизма или бюрократический аппарат Британской империи. Теперь врагом оказывается капитализм, даже океан для него не преграда; и когда ирландский земледелец, собрав свой урожай, привозит его на рынок, он обнаруживает, что его конкурент, живущий от него за 3 тысячи миль и выступающий под дружественным флагом, продал свой урожай дешевле и этим разорил ирландца.

Те чисто политические одежды, в которые буржуазные доктринеры в течение почти 250 лет обряжали борьбу ирландцев за свободу, отжили срок. Борьба ирландских кланов против английского Пейла и всего, что он олицетворял, борьба, которую вели крестьяне и рабочие восемнадцатого и девятнадцатого столетий, эта великая социальная борьба вновь начинается в Ирландии, видоизменяясь в новых условиях. Та война, которую вела Земельная лига и продолжать которую она затем отказалась, прежде чем война была проиграна или выиграна, будет возобновлена ирландскими трудящимися более широко, с более острым оружием и при более ясном понимании того, что необходимо для прочной победы.

Подобно тому как ирландские кланы прошлого считались ирландскими или английскими в зависимости от того, какой социальный порядок они принимали — местный или чужеземный, подобно тому как они измеряли степень своего угнетения или свободы утратой или обретением вновь коллективной собственности на землю, так и впредь главным критерием борьбы ирландских трудящихся за свою свободу явится не успех или поражение в борьбе за право выступать в ирландском парламенте, а достижения в

борьбе за овладение фабриками, мастерскими и фермами, от которых зависят хлеб и воляности народа.

Как мы неоднократно указывали, ирландский вопрос — вопрос социальный, и вся многовековая борьба ирландского народа против своих угнетателей оказывается в конечном счете борьбой за обладание в Ирландии средствами к жизни и источниками производства. Кто будет владеть и распоряжаться землей? Народ или захватчики, и если захватчики, то какие — новые земельные грабители или же сыновья ранее пришедших грабителей? Таковы центральные вопросы ирландской политической жизни, все же прочие вопросы получали признание лишь в той степени, в какой отражали интересы какой-либо из тех клик, которая уже укрепила свои позиции в этой борьбе за собственность. Без такого ключа к пониманию смысла событий и к разгадке действий «великих людей» ирландская история представляет собой лишь сумбур отдельных фактов, безнадежный хаос спорадических взрывов, измен, интриг, избиений, убийств и бесцельной войны. Этот клич сделает все события понятными, и можно будет проследить их возникновение; без такого ключа утраченные Ирландией возможности представляются таковыми, что могут лишь вызвать краску стыда на лице ирландского рабочего; с таким ключом ирландская история является светильником, который светит ему сегодня на бурном пути.

Тем не менее то, что вполне очевидно для нас сегодня, по крайней мере в течение 200 лет игнорировалось всеми ирландскими политическими движениями, которыми руководили люди, видевшие одну лишь политическую оболочку явлений. Эти люди, чтобы возбудить чувства народа, взывали к памяти о социальных бедствиях — таких, как сгон с земли и голодовки, но для устранения этих бедствий предлагали только политические лекарства, такие, как изменение в налогообложении или перемещении местопребывания правительства, олицетворяющего классовое господство, из одной страны в другую. Поэтому они

ничего и не свершили, ибо предлагавшиеся ими политические лекарства были бессильны против того социального угнетения, которое составляло суть вопроса. Революционеры прошлого были более мудрыми, ирландские социалисты сегодняшнего дня стали еще мудрее. С развитием их движения Север и Юг вновь протянут друг другу руки, и пусть вновь, как в 98-м году, станет очевидным, что гнет общей эксплуатации может превратить протестантских рабочих в пылких мятежников, а католиков — в ревностных защитников гражданской и религиозной свободы и объединить тех и других в единую социал-демократию.

ОТВОЕВАНИЕ ИРЛАНДИИ

Завоевание Ирландии означало для ирландских масс социальное и политическое рабство, и, следовательно, отвоевание Ирландии должно означать для каждого ирландского мужчины, женщины и ребенка как социальное, так и политическое освобождение.

Основная идея этой работы состоит в том, что ирландское рабочее движение должно сделать своей конечной целью отвоевание Ирландии, такое отвоевание, которое приведет к овладению всей страной, всей ее производительной мощностью, природными ресурсами и к использованию их на кооперативной основе для всеобщего блага. Для того чтобы показать, что отвоевание может иметь только такой характер, и предпринята попытка объяснить, что представляло собой завоевание Ирландии, как оно повлияло на католиков — уроженцев страны и протестантских поселенцев, как первых подчинили и ограбили с помощью силы, а последних ограбили с помощью обмана, а когда и они стали протестовать, их тоже подчинили силой. И поскольку и те и другие подверглись ограблению и угнетению, сегодня существует необходимость в их совместных действиях, с тем чтобы покончить с завоеванием, дабы нынешнее население, потомки и плебеи из среды завоевателей и завоеванных плебеев, могли в обстановке всеобщего братства и доброжелательства пользоваться такой экономической обеспеченностью и свободой, ради которой сражались или думали, что сражаются, их предки.

«Объединенные ирландцы» в конце восемнадцатого столетия в своем обращении к соперничающим религиозным сектам Ирландии заявили:

«Мы хотим, чтобы наша враждебность была погребена вместе с костями наших предков и чтобы мы могли *объединиться* как граждане и требовать прав человека».

Сегодня мы вторим этому призыву и добавляем, что первое социальное право человека — это право на жизнь, но что он не может воспользоваться этим правом, пока средства для обеспечения жизни явля-

ются частной собственностью одного класса. Автор этой маленькой книги, рисуя картину социального положения ирландских масс в прошлом и настоящем, стремится разъяснить это и ознакомить читателя с результатами, к которым привело в Ирландии отрицание капиталистами социальных прав человека.

Завоевание Ирландии

Прежде чем обсуждать или рассматривать политику, необходимую для отвоевания Ирландии, следует более отчетливо представить себе наиболее важные стороны самого завоевания: насколько далеко оно зашло и в какой мере его последствия уже ликвидированы. Следует также вспомнить, что завоевание было двойным — социальным и политическим. Оно представляло собой навязывание Ирландии чуждого политического правления и в столь же мере чуждой и еще более отвратительной социальной системы.

По образному выражению Финтана Лалора, завоевание означало «завоевание наших свобод и земель». Земли составляли материальную основу жизни как для завоевателей, так и для завоеванных, и тот, кто владел землями, был хозяином над жизнью и правами нации. Представить себе это владычество, это завоевание можно по данным о кромвелевском «устроении» 1654 года. Именно в процессе этого «устроения» завоевание достигло своей завершающей и высочайшей точки. Никогда, ни раньше, ни позже, жизнь и свобода народа Ирландии не находилась в такой полной зависимости от милости иностранных владык, как в тот период, о котором идет речь.

Раньше на большей части Ирландии еще сохраняла влияние старая кельтская культура и социальная система и гэлы еще обладали вооруженной силой, способной обуздывать жадность чужеземного врага. Существование у них более полной свободы ограничивало осуществление в полной мере тиранических стремлений врага, а в последующем постепенное усиление притягательности идеалов более мягкой цивили-

лизации [то есть гэльской.— *Ред.*] и развитие демократии способствовали ослаблению железного правления завоевателя. Именно кромвелевское «устроение» явилось окончательным завершением завоевания Ирландии.

Чтобы понять тот этап в истории ирландской нации, который сейчас рассматривается, нам необходимо мысленно представить себе три картины. Первая — Ирландия, какой она была перед завоеванием; вторая — Ирландия в момент завершения завоевания; и третья — какой она будет после отвоевания ирландским народом своей собственной страны. На первой картине — страна, население которой было собственником земли, хозяином своей жизни и свобод, свободно избиравшим своих правителей и создававшим свои общественные группировки и институты так, чтобы в наибольшей степени приблизиться к своим идеалам справедливости в отношениях между людьми. Это картина такого общественного устройства, при котором все были связаны воедино как одна семья и каждый занимал свое определенное место; высшие не могли нарушать права низших, ибо права последних были также твердо определены и гарантированы, как и власть высших, причем определены и гарантированы тем же самым кодексом законов и общественными установлениями. Эта система развивалась в течение столетий, порожденная самим духом ирландской нации, защищаемая мечами ирландцев-мужчин и лелеемая в семьях ирландскими женщинами.

Вторая картина — это картина насильственного разрушения местной системы, рассеивания и порабощения местного населения. Следующие отрывки из «Кромвелевского устроения Ирландии» Прендергаста представят нам эту ужасную картину. Он рассказывает о декларации, изданной английским парламентом и приказывавшей, чтобы «под бой барабана и звуки труб в какой-либо из рыночных дней в течение десяти дней после того, как декларация дойдет до них, в подведомственных им округах» английские губернаторы по всей Ирландии объявили, что «все

древние поместья и фермы народа Ирландии должны принадлежать «авантюристам» * и английской армии и что парламент назначил для проживания ирландцев Коннаут, куда им и следует переселить своих жен и детей до первого мая следующего (1654) года под страхом смерти, которой они будут преданы, если их обнаружат по эту сторону реки Шэннон после указанного дня».

В добавление к этому переселению в Коннаут по всей Ирландии были разосланы группы солдат с целью похищения юных мальчиков и девочек для продажи их в рабство в Вест-Индию. Сэр Уильям Петти, жадный и беспринципный расхититель земель, заявил, что в некоторых ирландских документах число людей, проданных таким образом в рабство, равнялось сотне тысяч.

Этот сэр Уильям Петти, предок лорда Лэнсдауна, основателя благородной семьи Лэнсдаунов, высадился в Ирландии в 1652 году с капиталом всего в 500 фунтов стерлингов, но он прибыл вслед за кромвелевской армией и добился должности «врача ирландской армии». В 1662 году его назначили одним из уполномоченных Суда по делам об ирландских поместьях, а также генеральным инспектором Ирландии. Так как коренных ирландцев тогда затравливали до смерти или отправляли в партии рабов на о-в Барбадос, это обстоятельство создало достойному предку достойного лорда блестящие возможности «вложить» свои 500 фунтов для благой цели.

Каким образом происходило преследование ирландцев в то время, когда сэр Уильям Петти основывал знатный род Лэнсдаунов, можно представить уже на основании того факта, что свыше 100 тысяч мужчин, женщин и детей было перевезено в качестве рабов в Вест-Индию и продано там на табачные плантации. Прендергаст в своем «Кромвелевском ус-

* «Авантюристы» (Adventurers) — в XVI—XVII веках распространенное название англичан, устремившихся в Ирландию, чтобы разбогатеть или сделать карьеру в ходе разграбления завоеванной страны.

троении Ирландии» следующим образом описывает методы преследования ирландцев:

«Вот один из многих примеров. Капитан Джон Вернон был нанят на службу ирландскими уполномоченными в Англии и в их интересах заключил с Дэвидом Селликом и стоявшим за его спиной Лидером договор о поставке им для отправки в Новую Англию 250 женщин ирландского происхождения, в возрасте от двенадцати до сорока пяти лет, и 300 мужчин от двенадцати до пятидесяти лет из числа тех, кто будет обнаружен за городом в пределах двадцати миль от Корка, Югала, Кинсейла, Уотерфорда и Уэксфорда».

Одна бристольская фирма осуществила перевоз 6400 девочек и мальчиков; одним из ее агентов в графстве Корк был лорд Брогхилл, впоследствии граф Оррери.

Каждый ирландец или ирландка, не имевшие возможности спрятаться в лесах, болотах или горах или защитить себя силой оружия, представляли в то время хорошую добычу, и поэтому, когда сэр Уильям Петти домогался какого-либо участка земли, ему достаточно было потребовать послать туда отряд солдат, чтобы захватить владельцев или арендаторов и отправить их в качестве рабов в Вест-Индию. Итак, цель была достигнута. С этого времени земля становилась собственностью отмеченного перстом Божиим. К концу своей жизни Уильям Петти вместо 500 фунтов стерлингов, с которыми он прибыл в Ирландию, получал ежегодную ренту в 18 тысяч фунтов стерлингов; с вершины одного из горных пиков в графстве Керри он мог оглядеть все окрестности и не увидеть земли, которая не попала бы в его лапы.

Так происходило завоевание. Пусть оно постоянно будет перед вашим взором. Национальная свобода, личная свобода, социальная безопасность — все исчезло; страной правили чужеземцы, начиная от высших чиновников и кончая самыми низшими; безземельные, бездомные ирландцы жили либо лишь по милости своих хозяев, либо по причине жадности своих победителей, обеспечивавшей хотя бы такую

терпимость, с какой даже завоеватель должен относиться к рабам, в труде которых он нуждается, чтобы насытить свою скупость или удовлетворить свои потребности.

Такова вторая картина. Господство над жизнью и правами ирландцев чужеземцев, безответственных и равнодушных к судьбам ирландского народа, то есть социальное и политическое рабство.

Третью картину каждый, желающий отчетливо представить себе полное исчезновение всего того, что составляло вторую картину, должен нарисовать сам. Его собственная линия общественного поведения будет определяться тем, какой он представит себе картину будущего. Эти главы написаны для того, чтобы помочь рабочим правильно воссоздать воображаемую картину, ибо мы уверены, что лишь рабочее движение стремится решительно ликвидировать все социальные и политические последствия завоевания, нарисованные во второй картине.

Но в какой все-таки мере последствия завоевания уже ликвидированы? Согласно бесстрастным историческим фактам, это завоевание далеко не полностью оправдало нечестивые желания его инициаторов. Намеченное перемещение всего населения в Коннаут пришло в столкновение с желанием расхитителей земли иметь арендаторов, трудом которых они могли бы обогащаться. Земля без рабочих не имеет цены, и стать собственниками конфискованной земли, которая останется необработанной из-за нехватки батраков, не входило в планы новой кромвелевской сквайрархии. Поэтому законы постепенно смягчались или же местные правители начали смотреть сквозь пальцы на их нарушение, и крестьяне вновь стали появляться в своих прежних домах или поблизости от них и в конце концов добивались разрешения стать арендаторами или батраками у новых хозяев. Католики тоже начали проникать и в города в качестве личных слуг или для оказания своим новым господам каких-либо других услуг.

Женщины-католички находились на запретной территории в качестве жен протестантских офицеров

или солдат, и, воспитывая своих детей в своей собственной вере, нашептывая им днем древние легенды или напевая по ночам старые гэльские песни, они, сознательно или бессознательно, помогали воссоздавать ирландскую атмосферу в самом центре английского господства. Вскоре в результате одного из тех бесшумных движений, на которые поверхностные историки не обращают никакого внимания, изгнанные люди вновь возвратились из той провинции, куда их загнали; их, правда, преследовали, они жили, убитые горем и угнетенные, но тем не менее на земле своих предков.

На Севере изгнания были более действенными по той причине, что здесь существовали протестантские колонисты, занимавшие земли изгоняемых католиков. Но и тут стремление возвратиться к прежним жилищам и клановым землям помешало полному осуществлению кромвелевской проскрипции. Преследуемые мужчины и женщины Ольстера пробирались обратно из Коннаута и, будучи не в состоянии действовать подобно своим южным собратьям и вновь на каких бы то ни было условиях занять свои собственные земли, находили убежище на холмах и горных землях. Можно представить, что поначалу эти несчастные люди вели весьма опасную жизнь, постоянно боясь появления правительственных войск, которые могли выпнать их и вернуть обратно в Коннаут, но они были упорны, строили хижины, обрабатывали с неимоверно тяжким трудом скудную почву, очищая ее от скопления камней, и постепенно это их существование стало признаваться терпимым злом. Два обстоятельства способствовали обеспечению подобной терпимости.

Первое — это скупость новой землевладельческой аристократии, которая легко укротила свой религиозный фанатизм в достаточной степени, чтобы разрешить «папистам» заселять и платить арендную плату за горные земли, прежде ничего не стоившие.

Второе — это усиливающиеся затруднения правительства в самой Англии; смерть Кромвеля, страх владельцев конфискованных поместий, что вступле-

ние на престол Карла II может привести к возвращению собственности прежним владельцам, и порожденное этим страхом нежелание привлекать слишком большое внимание дальнейшими нападка на возвращающихся католиков, которые могли предъявить встречный иск, и, наконец, смута и общая неустойчивость в связи с вопросом о наследовании престола.

Таким образом, в Олстере кельт вернулся на свои древние клановые земли, но лишь на холмы и каменные уступы, откуда мог затуманенными от слез глазами смотреть вниз на плодородные равнины своих отцов, занять которые вновь он уже не мог надеяться даже из милости.

С другой стороны, простой протестантский солдат или колонист, теперь, когда нужда в его мече миновала, оказался на землях католиков, но лишь в качестве зависимого арендатора. Вся собственность провинции находилась не в его руках, а в руках или компаний лондонских купцов, снабжавших всем необходимым английские армии, или же в руках алчных аристократов и жадных юристов, которые в то время, когда этот солдат сражался, замыслили всякого рода интриги. Так, в результате кромвелевского «устройства» появились «общины» (если можно употребить это хорошее старое слово), состоящие из людей ограбленных и обманутых, лишенных всяких прав на владение землей в Ирландии: из католиков, лишенных собственности силой, и протестантов, лишенных ее обманом. При этом каждый ненавидел и проклинал другого — ситуация, которую господствующая аристократия и тогда умела использовать для своей собственной выгоды так же хорошо, как их потомки умеют делать это сегодня.

Вот что представляло собой завоевание. Теперь посмотрим, насколько далеко мы продвинулись в ликвидации последствий этого завоевания и как далеко нам еще предстоит идти. Мера, которой измеряется наше движение по этому пути, — это мера прогресса демократии на острове, измеряемого успехами «низших классов». Восстания крестьянства против лендлордов, расшатывание власти лендлорда, капи-

туляция британского правительства перед требованием уничтожения лендлордизма — все это были шаги к восстановлению на земле Ирландии того самого населения, которому 300 лет тому назад «под звуки труб и бой барабанов» было приказано перебраться «с их женами и детьми» через Шэннон в Коннаут и оставаться там навсегда на положении презируемых и ненавидимых илотов чужеземных хозяев.

Надо признать, что план нового заселения не удалось осуществить; существенным обстоятельством оказалось то, что не была осуществлена та его часть, которая настойчиво требовала полного искоренения, экспроприации и рассеивания простых ирландцев. Здесь, как и вообще в политической и социальной областях, большее значение имеет не *степень* нашего продвижения, а скорее *направление*, в котором мы движемся.

В политическом отношении отвоевание Ирландии ее народом происходит еще полнее и быстрее. Мы вспоминаем, как в качестве делегатов, заседавших в «Комитете по празднованию столетней годовщины 98-го года» в зале Совета дублинского Сити-Холла в 1898 году мы смотрели на портреты верноподданических лорд-мэров прошлого, развешанные на стенах этого помещения: сперва мы просто подумали, что если бы мертвые знали о деяниях живых, то, вероятно, эти прежние тираны пришли бы в ярость при мысли, что такое помещение добровольно предоставлено в пользование мятежникам. Затем мы мысленно вернулись к тому периоду, о котором говорили прежде как о кульминационной точке завоевания, и потом обратно, к тому году, когда нас уверяли, согласно Акту о местном самоуправлении *, что представители ирландских трудящихся по всей Ирландии смогут заседать и законодательствовать в залах местных муниципалитетов, подобных залу Совета муниципалите-

* Акт о местном самоуправлении в Ирландии, принятый в 1898 году, предусматривал создание на местах новых выборных органов — советов графств, а также городских и сельских муниципалитетов для осуществления административных функций.

та в Дублине. Какая перемена! Вначале — изгоняемые, преследуемые рабы рабов своих хозяев; затем — спокойно заполняющие все руководящие учреждения страны, вытесняющие старую аристократию и возводящие на ее место сыновей тружеников прямо с поля, фермы или из мастерской, имеющие законное право занять любую ответственную должность в политическом управлении и местной администрации, — и это там, где в предыдущий период они были загнанными животными, жизнь которых ценилась меньше, чем жизнь лисиц и зайцев. Поистине, это и есть признаки медленного отлива волн завоевания. Но многие ли имеют достаточно воображения, чтобы понять величие подобного медленного возрождения нации, и сколько тех, кто способен осознать, что теперь мы являемся свидетелями подобной перемены, знаменующей для нас дальнейшее развитие влияния ирландской демократии в важных вопросах жизни народа.

Мы поставили своей задачей кратко обрисовать в последующих главах это развитие, показать, насколько далеко мы продвинулись, проиллюстрировать ту истину, что классы капиталистов и лендлордов в Ирландии, независимо от их политического кредо, еще пропитаны духом завоевания и что только в рабочем классе мы можем надеяться найти правильные принципы деятельности, которые, будучи преобразованы в теорию, составят подлинную философию ирландской свободы.

Но в этом, как и во многих других столкновениях, философское осмысление ирландской борьбы за свободу для значительного большинства будет, по всей вероятности, скорее следовать за самой борьбой, нежели предварять ее. Мыслящее меньшинство сможет и будет представлять себе общую линию развития; но большинство будет просто сражаться изо дня в день, от битвы к битве, когда их принудят к этому их классовые инстинкты и непосредственные нужды.

Что же касается автора, то признаемся, что источником нашего вдохновения являются главным обра-

зом размышления об этих двух картинах. Ограбленные ирландцы, с трудом влачащие по приказу безжалостного завоевателя по дорогам, горам и болотам больные и кровоточащие ноги, и те же самые ирландцы в недалеком будущем, выступающие уверенно и спокойно, располагающие политическим и социальным механизмом, который они смогут вырвать из рук своих хозяев, идущие к отвоеванию Ирландии.

Олстер и завоевание

В предшествующей главе мы говорили о тех последствиях завоевания Ирландии, которые затронули ирландцев — кельтов и католиков, и стремились показать читателям, что долг ирландской пролетарской демократии состоит в том, чтобы ликвидировать последствия этого завоевания и всего того, что оно включает в себя. Короче говоря, показать, что каждый шаг, предпринятый для превращения производительных сил страны в общественную собственность ирландского народа (хотя ораторы из среды привилегированных классов и могут осуждать это под флагом патриотизма), является в действительности шагом к ликвидации завоевания и восстановлению древней свободы на современной основе.

Но следует еще обсудить, каким образом завоевание отразилось на рядовых армии победителей и как их действия сказались на их собственном положении и их потомках. Это особенно важно потому, что дети этих рядовых участников составляют теперь неотъемлемую часть ирландской нации и их интересы и благополучие столь же важны для дела свободы и столь же священны в глазах рабочего движения, как и интересы потомков тех людей, против которых их предки вынуждены были вести войну. Если в этом кратком рассказе о положении пролетарской демократии в Ирландии нам приходится обращаться к религиозным вопросам, то не для того, чтобы увековечить различия в этой области, а скорее для того, чтобы уяснить, как, несмотря на различное происхождение, историческое развитие Ирландии привело к одинаковому социальному рабству всех рабочих, безотносительно к их религии. Считается, что существование сектантских политических организаций в Ирландии

связано с религиозными идеями или, скорее, с различными подходами к религии и что именно в этих различиях заключалась подлинная основа политической борьбы ирландцев в прошлом, и оранжистам говорят, что сегодняшнее празднество в честь Оранской династии — это празднование годовщины великих побед, одержанных их лидерами в борьбе за «гражданскую и религиозную свободу».

В результате более беспристрастного изучения истории Ирландии у нас сложилось несколько иное мнение. Позвольте коротко его изложить.

В царствование Якова I английское правительство пыталось разрешить ирландскую проблему (которая тогда, как и теперь, была его главной заботой) путем заселения Ирландии колонистами из Шотландии и Англии. Чтобы осуществить этот план, два миллиона акров было конфисковано, то есть украдено у ирландских владельцев. Историк Фроуд пишет:

«Из них полтора миллиона акров в лесах и на горах были возвращены ирландцам. Полмиллиона акров плодородной земли заселили семьями шотландских и английских протестантов».

Оратор, доброжелательно настроенный к поселенцам, характеризуя их недавно перед членами Либеральной ассоциации Белфаста, говорил о них как о «закаленных пионерах, порождении сильной расы, подготовленных ко всяким напастям, которые, столкнувшись лицом к лицу с трудностями новой жизни во враждебной стране, скоро выработали тот твердый, энергичный и решительный характер, который сделал имя Ольстера уважаемым во всем мире».

Но У. Т. Латтимер, автор «Истории ирландского пресвитерианства», говоря о тех же самых колонистах, подчеркивает:

«Среди этих поселенцев встречалось много таких, отъезд которых из их собственной страны явился для нее благом; поэтому вошло в обычай, упоминая о ком-либо ведущем себя дурно, говорить, что он кончит свои дни в Ирландии».

Лекки в своей «Истории Англии в восемнадцатом столетии» цитирует некоего писателя семнадцатого

столетия Стюарта, сына одного из священников, приехавших в Ирландию вместе с первыми колонистами, который писал:

«Многие прибыли из Шотландии и немало из Англии, но все это, как правило, подонки обеих наций, бежавшие сюда кто от долгов, кто из-за столкновения с законом, надеясь, что можно будет не опасаться правосудия в той стране, где до сих пор совсем или почти совсем не знали страха божьего... Всюду распространялся атеизм и равнодушие к богу, отсутствие законов порождало драки, убийства, прелюбодеяния».

Читатель должен сам разобраться в этих противоречивых описаниях. Вероятно, истина состоит в том, что каждое из них вполне точно описывает какую-то одну группу колонистов, но ни одно из них не является верным отражением картины в целом.

С точки зрения правительства, колонизация была успешной, ибо в самом сердце Ольстера поселились люди, которые, как бы они ни были недовольны правительством, все же из страха за свою собственную безопасность должны были защищать колонии от местного населения, однако колонизация не принесла поселенцам-пресвитерианам ни гражданской, ни религиозной свободы.

У власти находились приверженцы англиканской епископальной церкви, и они использовали эту власть против своих собратьев-протестантов. Колонистов постоянно пытались заставить отречься от их религии, штрафы следовали за штрафами и аресты за арестами. В 1640 году пресвитериане Дауна, Антрима и Тайрона в петиции в английскую палату общин писали:

«Главным образом из-за господства прелатов и их клики мы лишены пищи духовной, наши поместья не культивируются, наши семьи разоряются, а жизнь многих обрывается... По вине наших жестоких надсмотрщиков мы, которые некогда были людьми, перестали быть ими, к своему собственному изумлению, и превратились в объекты жалости и удивления для других».

Каков бы мог быть результат такого жестокого систематического преследования протестантов прете-

стантами, можно лишь предполагать, поскольку в следующем, 1641 году великое ирландское восстание заставило и преследующих и преследуемых протестантов объединиться для защиты своей общей добычи от общего врага — ее исконных ирландских владельцев.

На всех демонстрациях и митингах, проходивших в Олстере под покровительством оранжистов, обо всех этих преследованиях говорилось так, будто бы они были делом «папистов», и даже в пресвитерианских церквях и на молитвенных собраниях истину постоянно искажали таким же образом. Людям говорят: «Все эти преследования закончились, когда Вильгельм Оранский и наши бессмертные предки сбросили папу и папизм в Бойн^{*}. С этого времени началась эра гражданской и религиозной «свободы».

Так распространяется легенда, в которую слепо верят в Олстере. Однако она далека, очень далека от истины. В 1688 году некоторые континентальные державы создали лигу, известную в истории под именем Аугсбургской лиги, чтобы ограничить влияние высокомерной Франции. В нее входили главы как протестантских, так и католических стран, включая германского императора, короля Испании Вильгельма, принца Оранского и папу Римского. У последнего была маленькая армия, но зато он обладал большой казной и большим влиянием. За несколько лет до этого французская армия совершила поход на Рим, чтобы отомстить за незначительное оскорбление, нанесенное Франции, и его святейшество страстно стремился наказать католическую державу, которая осмелилась осквернить центр католицизма. Так он заключил союз с Вильгельмом, принцем Оранским. В своей «Истории цивилизации» Гизо, французский протестантский историк, пишет об этой лиге следующее:

«В столь могущественной лиге против Людовика XIV тайно или явно, но весьма действенно принима-

^{*} Имеется в виду победа, одержанная Вильгельмом Оранским над армией Якова Стюарта летом 1690 года на реке Бойн.

ли участие суверены, несомненно, весьма далекие от желания защищать гражданскую или религиозную свободы. Германский император и папа Иннокентий XI поддерживали Вильгельма III против Людовика XIV».

Король Англии Яков II, чувствуя себя на престоле непрочным, искал союза с французским монархом. Поэтому, когда в Ирландии шла война, король Вильгельм сражался с помощью оружия, солдат и денег своих союзников по Аугсбургской лиге, и часть его расходов во время битвы у реки Бойн была оплачена папой Римским. Более того, когда весть об успехе короля Вильгельма достигла Рима, там в ознаменование его победы над ирландскими приверженцами короля Якова и короля Людовика пели «Тебя, боже, славим». Подобные же празднования состоялись и в таких крупнейших католических столицах, как Мадрид и Брюссель.

Победа на реке Бойн не принесла ни гражданской, ни религиозной свободы! Католический парламент короля Якова, собравшийся в Дублине в 1689 году, принял закон, согласно которому все религии становились равноправными, каждое духовное лицо должно было получать средства на жизнь лишь от своей собственной конгрегации и никакая десятина не должна была взиматься с кого бы то ни было для поддержания той церкви, к которой данное лицо не принадлежит. Но эта возвышенная концепция отнюдь не была поддержана сторонниками Вильгельма, свергнувшими короля Якова и распустившими его парламент. Англиканская церковь немедленно была вновь сделана государственной церковью, а все другие религии поставлены вне закона. Нет нужды упоминать о Карательных законах против католиков, ибо они и так хорошо известны. Достаточно указать, что Англия и Уэльс все еще не достигли той религиозной свободы, которая была установлена XIII и XV Актами католического парламента 1689 года, и что в том году католики и протестанты последний раз вместе заседали в парламенте, до тех пор пока в 1829 году католики не добились Акта об эмансипации.

Фишер в предисловии к своей книге «Конец ирландского парламента» так описывает положение ирландцев как протестантов, так и католиков после поражения ирландских войск и нарушения статей лимерикского договора, гарантировавшего религиозную терпимость:

«Не только те, кто исповедовал римско-католическую религию, были совершенно лишены всяких прав, но даже члены шотландской колонии на Севере на протяжении большей части восемнадцатого столетия подвергались преследованиям и были лишены равных гражданских прав введением оскорбительной присяги, которую ни один верный член шотландской церкви не мог принести».

Поскольку Фишер — безусловно лояльный современный автор и находится в оппозиции ко всему, что отдает католицизмом, национализмом и социализмом, его свидетельство представляется ценным для тех, кто не может или не хочет взять на себя труд лично ознакомиться с более старыми авторитетами.

Что касается пресвитериан, то победа на реке Бойн развязала руки их преследователям-англиканам. В 1691 году, после вступления на престол Вильгельма III, пресвитерианский священник подвергался трехмесячному тюремному заключению за произнесение проповеди и штраф в 100 фунтов стерлингов за отправление обряда причащения.

В 1704 году Дерри был вознагражден за свою героическую защиту тем, что был вынужден подчиниться Акту о присяге, закрывавшему путь ко всем должностям в суде, армии и флоте, в таможенном и акцизном управлениях и в муниципальных учреждениях всем тем, кто не признавал догм англиканской церкви. Известно, что в «Девственном городе» [Дерри.— *Redd.*] 10 олдерменов и 14 горожан были лишены избирательных прав этим несправедливым актом, распространенным на всю Ирландию. Таким образом, одним ударом пресвитериане, квакеры и все другие отступники от англиканства были лишены того, за что, как им казалось, они сражались.

После битв у Дерри, Огрима и на реке Бойн пресвитериане, унигарии, квакеры и все другие отступ-

ники от епископальной церкви были лишены права представительства в любом парламентском городке. Их лишили всех мест в городских муниципалитетах, даже в таких городах, как Белфаст, где они составляли почти все население; фактически, даже по утверждению протестантских авторов, правительство короля Вильгельма III и его непосредственного преемника проявили больше терпимости к католикам, нежели к протестантским отступникам от англиканства.

Пресвитерианам было запрещено венчаться у своих собственных священников, церковные суды имели право оштрафовать и бросить в тюрьму нарушителей этого закона, а также заставить их явиться в приходскую церковь и принести публичное покаяние в прелюбодеянии, если они вступят в брак подобным образом. В Лисберне и Туллише пресвитериане, действительно, были подвергнуты наказанию за венчание у своих священников. Несколько лет спустя, в 1772 году, многие пресвитериане были арестованы за попытку учредить пресвитерианский молитвенный дом в Белтэрбете.

В 1713 году пресвитериане попытались создать свой опорный пункт в Дрогеде. Их соперники-епископалы забили тревогу, и когда пресвитерианский миссионер Джеймс Флеминг из Лэргана появился в Дрогеде, то его и троих его единоверцев из этого города немедленно арестовали и отдали под суд на ближайшей же судебной сессии за «мятежное и незаконное собрание», хотя на деле все «преступление» состояло в созыве пресвитерианского молитвенного собрания. На следующей неделе был отправлен на три месяца в тюрьму за подобное же «преступление» и преподобный Уильям Биггар. А преподобный Александр Маккрэкен из Лисберна был оштрафован на 500 фунтов стерлингов и приговорен к шестимесячному заключению как неприсягнувший.

В том же году принятый английским парламентом акт постановил подвергать школьных учителей-пресвитериан трехмесячному тюремному заключению. Браки между пресвитерианами и епископалами объявлялись незаконными; фактически пресвитерианские

священники и их паства рассматривались как находящиеся вне закона и мятежники, их можно было штрафовать, бросить в тюрьму и изводить всеми возможными способами. Они должны были уплачивать десятину для содержания англиканских священников, их штрафовали за непосещение англиканской церкви, и они должны были платить церковный налог для покупки священного хлеба, на церковные звонницы и на стирку облачения епископального духовенства. Все это происходило на глазах поколения, жившего непосредственно после сражения на Бойне.

С этой точки зрения представляет большой интерес свидетельство известного антикатолически настроенного историка и защитника имущих классов Фруда. Он пишет:

«Пресвитериан терзали тяжбами в церковных судах, им запрещали воспитывать детей в своей собственной вере, с ними обращались как с людьми, опасными для государства, обязанного им своим существованием. Парламентским актом, лишавшим их всяких гражданских прав, их приравнивали к папистам, поэтому наиболее нетерпеливые из них меняли свое столь плохо вознаграждаемое вероисповедание; пресвитериане увидели наконец, что свободы, за которые сражались они сами и их отцы, были в Ирландии не для них. Если они хотели жить как свободные люди, не прибегать ко лжи и открыто исповедовать веру Реформации, то должны были искать такую страну, где их не могла бы достать длинная рука прелатства.

На протяжении первой половины восемнадцатого столетия Даун, Антрим, Тайрон, Арма и Дерри лишились жителей-пресвитериан, которые представляли для Ирландии большую ценность, чем калифорнийские золотые рудники; в то же время пресвитериане колоний Юга страны, лишённые права иметь свои церкви и (в случае, если они не пожелают стать атеистами или папистами) поставленные перед альтернативой: или признать англиканскую церковь, или покинуть страну, поймали правительство на слове и эмигрировали.

Во время смуты, последовавшей за протестантской реформацией в Англии, было отмечено, что земельная аристократия этой страны становилась протестантской или католической в зависимости от того, исповедание какой веры оказывалось в данный момент необходимым для спасения своих поместий. Сначала аристократы были католиками, затем вместе с Генрихом VIII они превратились в протестантов, чтобы принять участие в разграблении богатых поместий католической церкви, ее монастырей, вкладов и т. д., и, по мере того как один монарх наследовал другому, знать меняла свою веру, стремясь приспособиться к вере монарха, всегда, однако, оговаривая сохранение своей добычи».

В Ирландии наблюдалось до некоторой степени похожее явление, но в более поздний период, который мы сейчас и рассматриваем. Пресвитерианская земельная аристократия не сопротивлялась преследованиям, а обеспечивала свои интересы, отрекаясь от своей религии. Автор «Истории ирландского пресвитерианства» пишет, и сказанное им находит подтверждение повсюду, что «пресвитерианская аристократия переходила на сторону прелатства, которое она клялась уничтожить». В другом месте он следующим образом описывает влияние этого на политическое положение пресвитериан, причем он мог бы дать такую же характеристику всем сектам, не принадлежащим к англиканской церкви, на протяжении всего столетия, непосредственно следовавшего за битвой на реке Бойн:

«Пресвитериане, не имея никакой политической власти, вынуждены были смириться с политическими преследованиями. Феодальная система, при которой право владения землей перешло от труженика к лендлорду, была одним из многих зол, возникших с установлением английского господства. Пресвитерианский фермер был рабом, вынужденным подчиняться воле своего лендлорда и на выборах, если он имел голос, поддерживать врагов своей веры, своего класса и своей страны».

Акты о присяге, с которыми во многом связаны эти преследования протестантов протестантами под

флагом религии, были практически отменены ирландским парламентом в 1780 году под давлением вооруженных волонтеров, но несправедливая система частной собственности на землю уже породила к этому времени для олстерских протестантских фермеров горькие плоды.

Подобно тому как рядовые солдаты протестантских армий были обмануты в отношении религиозной свободы, обманутыми оказались также и их надежды на социальную или экономическую независимость.

Мы уже указывали, что заселение Олстера при Якове I проходило по плану, когда земли, украденные у местного населения, передавались некоторым королевским фаворитам и лондонским компаниям, и что рядовые солдаты английской и шотландской протестантских армий превратились лишь в арендаторов земель этих аристократов и компаний. Земли Тайрона, Дерри, Донегола, Фермана, Арма и Кавана были конфискованы полностью. Такой план выработал сэр Артур Чичестер, предок маркиза Донегола. За это ему выделили всю территорию, принадлежавшую членам клана сэра Кэхира О'Догерти; лондонские компании, финансировавшие военные действия, получили 209 800 акров из общего количества 500 тысяч акров, а другие предки оранжистской аристократии — остальные земли. Вдобавок к полученной добыче сэр Артур Чичестер, уйдя в 1616 году в отставку с поста лорда-наместника, приобрел еще некоторые земли в Антриме и титул барона Белфаста.

Все земли Антрима были заселены протестантскими арендаторами, католиков же либо выселяли на холмы и в узкие лощины, либо из милости позволяли им оставаться на положении батраков. Учитывая политическую обстановку того времени и стремясь сохранить видимость справедливости, первоначально аренду протестантским арендаторам предоставляли на весьма длительные сроки. Поскольку такая аренда обеспечивала сохранность держания, арендаторы работали очень упорно, осваивали новые участки, строили дома, проводили работы по осушению и ороживанию и всячески улучшали владения.

Процветанию арендаторов лорда Донегола способствовало и то, что Вильгельм III, запретив в ответ на петицию английских шерстяных фабрикантов развитие шерстяной промышленности в Ирландии, одновременно обещал в качестве компенсации премии за развитие льняной промышленности; это привело к расширению возделывания льна и производства льняных тканей в Антриме.

Но примерно к 1772 году по всей стране стали истекать сроки аренды. О том, что затем произошло, лучше всего свидетельствует «Протест протестантов Севера», направленный в этом же году лорду-наместнику Тауншенду:

«Лендлорды желали получить часть прибыли арендаторов путем повышения ренты, что было бы разумным, если бы осуществлялось в умеренных размерах, однако за последнее время были перейдены всякие границы.

К концу срока аренды лендлорды давали в газетах объявление, что такой-то участок земли будет сдаваться в аренду и заявки на этот участок могут быть представлены в письменном виде. Они побуждали любого алчного, завистливого и злобного человека назначать цену за владение его соседа и за все произведенные им улучшения. Арендатор же, зная, что он или должен предложить наибольшую цену, или же лишиться участка, предлагал больше того, чем стоил участок. Когда он жаловался лендлорду на дороговизну, лендлорд отвечал, что знает об этом, но, так как дело происходит в стране, где развита торговля, арендатор может добыть деньги, став более предприимчивым.

Те, кто обладал наиболее крупными поместьями, теперь разбогатели настолько, что уже не могли найти в своей стране достаточного количества деликатесов, чтобы истратить на них свое богатство; поэтому они вывозили его за границу и там расточали то, что добыто трудовым потом тысяч бедняков».

Наибольшими вымогателями были лорд Донегол и г-н Эптон. В имении лорда Донегола сроки большинства арендных договоров истекали одновременно, и он отказался возобновить их, если не получит чу-

довышнюю сумму в 100 тысяч фунтов в качестве добровольного дара за его великодушие. Так как арендаторы не могли собрать столь большую сумму, они предложили, кроме арендной платы, платить проценты с этой суммы, но их предложение было отвергнуто, и тогда некоторые «черствые, хитрые и предприимчивые белфастские капиталисты» предложили милорду деньги и приобрели фермы через голову арендаторов; последние же в результате были изгнаны. Фроуд в своей книге «Англичане в Ирландии в восемнадцатом столетии» пишет (а Фроуд был самым озлобленным, недоброжелательным и антиирландски настроенным из всех известных историков): «В течение двух лет, последовавших за антримскими изгнаниями, 30 тысяч протестантов покинули Ольстер, уехав туда, где не было узаконенного грабежа и где те, кто сеял зерно, могли собирать урожай».

Те, кто остались дома, не смирились со своей судьбой безропотно и не стали добровольно унижаться перед аристократией, подобно тому как делают сегодня их потомки. Они образовали тайное общество «Стальные сердца», которое стремилось террористическими актами покончить с несправедливостью. В манифесте, опубликованном обществом в 1772 году, говорилось:

«Верховный судия сам побудил нас к восстанию, чтобы заставить лендлордов, на которых не действуют никакие более мягкие средства, обратить внимание на бледные лица и жалкую одежду их честных протестантских подданных, обогативших страну своим трудом».

Когда в том же году шестеро членов общества были арестованы и помещены в городскую тюрьму Белфаста, остальные члены общества из Дауна и Антрима двинулись на Белфаст, штурмовали тюрьму и освободили своих товарищей. Жалкую одежду и бледные лица честных протестантских рабочих еще и теперь можно видеть в Белфасте. Будем надеяться, что эти рабочие вскоре вновь поднимутся на штурм капиталистической системы, которая так долго закабалает не только их тела, но и их души.

Дублин в двадцатом столетии

Кто-то заметил, что наиболее прискорбная черта ирландской действительности — это недостаточное гражданское сознание. В самом деле странно, что та же самая нация, которая проявила неукротимую решимость в борьбе за овладение простым механизмом управления, обнаружила так мало способности вдохнуть гражданский дух в те части механизма, которые она уже поставила под свой контроль. Это явление до некоторой степени объяснимо и не дискредитирует граждан больших и малых городов Ирландии. Но верно также и то, что широкое и беспрепятственное проникновение враждебных [то есть английских.— *Ред.*] влияний, препятствовавшее или замедлявшее развитие гражданского или муниципального чувства, отличного от наступательного и даже жертвенного национального патриотизма, не освобождает этих граждан от необходимости стремиться к преодолению нашего национального недостатка в этом отношении.

Ирландский муниципалитет, избранный мужчинами и женщинами на основе действующего избирательного права, должен своей общественной активностью, широтой кругозора, всесторонностью стремлений к социальному благополучию и духовному обогащению своих граждан стать предметом гордости для ирландского народа и блестящим образцом тех возможностей, которые получит Ирландия в будущем при свободных и самоуправляющихся учреждениях.

Если этого не произойдет, то неудача не ослабит стремления к национальной независимости, однако она, несомненно, ослабит силы, действующие в этом направлении. Она опечалит сердца участников се-

годняшних битв, которым потребуется помощь, чтобы избавиться от идеализации тех людей, с которыми они находятся в союзе и на помощь которых надеются для построения будущего.

Чтобы современное представление о функциях общественных учреждений как направляющем факторе в ирландской муниципальной политической жизни заняло подобающее ему место и приобрело соответствующее значение, ирландскому народу потребуется почти полностью изменить свою точку зрения. Необходима перемена, которая побудила бы общественное мнение рассматривать такие учреждения не как наступательное оружие, которое надо вырвать из рук политического врага, чтобы заставить его замолчать, а как такие действенные орудия, которые следует использовать для создания более здорового общественного устройства, способного удовлетворить потребность граждан в коллективной помощи для их индивидуального развития и развития культуры.

Такова точка зрения, которую необходимо усвоить массам. Нам в Ирландии следует понять, что сам акт голосования у избирательной урны является тем самым актом, в котором получает выражение душа нации, актом, в котором наш общественный дух получает материальное воплощение. Избирательная урна — средство выражения нашего социального сознания; посредством ее сосредоточиваются все страсти, все идеалы, все желания, все честолюбие, все силы, все слабости, вся честность, вся продажность, все стремления возвышающие и все интересы, унижающие население, и из них составляется сложное целое, которое с этого времени занимает в истории свое место как воплощение души нации на данном этапе ее развития. О народе не следует судить по поступкам его великих людей, а его духовное развитие не следует оценивать по интеллектуальным достижениям его гениев. Более надежным мерилom для оценки духовного и умственного уровня народа в настоящее время служит картина, когда народ у избирательных урн вверяет свою судьбу своим избранным представителям.

Вопрос о том, имели или нет избранные таким путем лица власть, чтобы выполнить желания своих избирателей, едва ли относится к рассматриваемой проблеме. О людях следует судить не по масштабам той власти, которой они располагали, чтобы воплотить в жизнь высокие идеалы, а по тому, каковы сами их идеалы. Народ, имеющий высокие идеалы коллективной ответственности и общественных достоинств, хотя политически он и бессилен их осуществить, будет неизбежно стоять на ступеньку выше, чем народ, полностью обладающий политической властью, но лишенный общественного духа и гражданского достоинства.

Вплоть до принятия в 1898 году Акта о местном управлении здесь не существовало никаких средств, с помощью которых могла бы быть проверена и определена степень демократизма и гражданского патриотизма ирландских городов. Органы местного управления в Ирландии целиком находились в руках имущих классов. Муниципальные советы, кроме Белфаста, избирались на основе ограничительного имущественного ценза, и, какие бы беды ни существовали в городских округах, население имело возможность покончить с ними не больше, чем если бы оно жило в Тимбукту или Терра-дель-Фуэго.

Действительно, используя свое право голоса на выборах в парламент, народные массы ирландских городов могли теоретически оказывать решающее влияние на судьбы стран в отдаленнейших уголках земли, практически же они были не в состоянии сказать свое слово в вопросе об освещении или замощении тех улиц, на которых жили. Состоятельный ирландский патриот мог, например, изредка упомянуть об антисанитарных, вредных для жизни условиях в Дублине как свидетельстве зол, порожденных британским правлением; зол, которые, несомненно, исчезли бы при благотельном всенародно избранном ирландском правительстве. И мы не можем удивляться существованию подобного убеждения. Несомненно, представлялось вполне возможным, что народ, мучительно страдающий от непереносимых

условий, созданных злоупотреблением политической властью и социальными привилегиями, при первой же возможности поставит перед собой задачу устранить подобные условия, энергично используя свое вновь приобретенное влияние на муниципальные власти. Представление об ирландской нации как о некоем органическом целом, каждая часть которого пульсирует в полнейшей гармонии с другими и чувствует в деятельности своих общественных административных корпораций отзвук своих собственных мыслей и чаяний, это представление, смутно возникшее в мечтах энтузиастов-патриотов, поэтов и мучеников прошлого, возможно, могло бы воплотиться в жизнь в миниатюре с установлением народного контроля над городами, в которых проходит жизнь сотен тысяч ирландских мужчин, женщин и детей.

Если это не осуществилось, если сегодня большие и малые города Ирландии являются позором для страны и блестящим доказательством неспособности ее муниципального руководства, то ответственность за это лежит главным образом на тех, кто в прошлом, осуществляя контроль над политическим воспитанием ирландских масс, не сумел подготовить их к разумному использованию той политической власти, шумно требовать которую их учили. А что они не были к этому подготовлены и не было принято никаких усилий для воплощения в жизнь хоть какого-либо представления о гражданском патриотизме — слишком очевидно для тех, кто хотя бы случайно ознакомился с большинством ирландских городов. Знакомство с положением Дублина, например, выявляет печально красноречивый факт недостаточного общественного сознания как у тех, кто в качестве членов муниципального руководства являются ответственными лицами, так и у тех, кто в качестве избирателей терпит подобных администраторов.

Следующая заметка из «Медикал пресс», помещенная в связи с пожалованьем звания почетного гражданина Дублина сэру Чарлзу Кэмерону, кратко излагает факты, свидетельствующие о состоянии дублинского здравоохранения в 1911 году. Она весьма

ценна как выражающая мнение просвещенных иностранцев о нашем муниципальном прогрессе или недостаточном прогрессе, а также сравнивающая с городами, обычно считавшимися наиболее отсталыми в мире.

«В решении о пожаловании почетного звания гражданина Дублина сэру Чарлзу Кэмерону утверждается, что Дублин может теперь похвалиться изобавлением, до известной степени, почти от всех злокачественных болезней, поражающих человечество.

Подобное хвастливое утверждение является ложью. Вновь упоминается о «превосходном состоянии здоровья населения, достигнутом теперь в Дублине». Обратимся к фактам. Согласно самым последним официальным отчетам, смертность в Дублине составляла 27,6 на 1000. Она была более высокой, чем в каком-либо другом городе Европы, так как в статистическом указателе следующая по высоте смертность отмечена в Москве — 26,3 на 1000. В Калькутте, где распространены чума и холера, смертность составляла только 27 на 1000. В первые же шесть недель настоящего года произошло 63 смертных случая — по десять в неделю — от четырех инфекционных болезней: скарлатины, брюшного тифа, дифтерии и коклюша. Однако именно об этой эпидемии один из олдерменов Сити, обычно хорошо информированный, недавно на публичном обеде легкомысленно отозвался как о «пустячной».

Вдумчивый читатель не может не чувствовать себя подавленным и опечаленным сравнением между Дублином и такими городами, как Москва и Калькутта. Плохо уже то, что можно проводить подобные сравнения или вообще какое-либо неблагоприятное сравнение между столицей Ирландии, управляемой ее собственными гражданами, и городом, которым управляют ненавидящие свободу царские чиновники, однако тот факт, что с полным основанием можно провести еще более неблагоприятное сравнение между Дублином и азиатским городом, населенным людьми, лишенными гражданской власти или политической ответственности и незнакомыми с самыми элементарными правилами гигиены, кажется

настолько унижительным, что должно вызвать у каждого ирландца — мужчины и женщины — горячее стремление уничтожить это позорное пятно. Чтобы некоторые читатели не подумали, будто критика английской газеты, из которой приведен отрывок, возможно, чрезмерна и объясняется национальным предубеждением (наиболее несправедливое предположение), мы можем процитировать заявление санитарного инспектора Дублина [то есть сэра Ч. Кэмерона.— *Ред.*] в его известном «Письме к лорд-мэру» Дублина в 1909 году. Сделанное им сравнение еще более ценно, так как города, приводимые им в качестве примера, обладают такими же муниципальными правами и в них существует такая же избирательная система, как и в Дублине.

«Следует признать,— отмечает он,— что обычная смертность значительно выше среднего уровня смертности в английских городах.

В 1908 году в среднем смертность в 76 крупнейших городах Англии составляла 15,8. Смертность на территории, охватывающей Дублин с пригородами, была 21,5, смертность в самом городе — 23. Уровень смертности в столичном районе таков, что почти равен английскому. Наиболее высокая городская смертность в Англии — 19,8 — была в Олдэме».

Сопоставление этих цифр, приведенных сэром Чарлзом Кэмероном, с цифрами, содержащимися в первом отрывке, по-видимому, указывает на действительный рост смертности в 1911 году по сравнению с 1908 годом. Рассмотренные под другим углом зрения, все эти цифры свидетельствуют о продолжительном и бесполезном принесении в жертву человеческих жизней в Ирландии. Если принять английские цифры за наиболее низкие из достижимых при настоящем состоянии знаний и подготовленности к достижению общественных целей тех наших политических институтов, которые теперь находятся в наших руках [то есть муниципалитетов.— *Ред.*], то отсюда следует, что в Ирландии сложилось такое положение дел, которое неизбежно влечет за собой непрерывное уничтожение драгоценных человеческих жиз-

ней. Другие цифры, приводимые Чарлзом Кэмеронэм, показывают, что в основном смерть косит бедняков, так как смертность прямо пропорциональна общественному положению жителей Дублина. Чем выше социальное положение — тем ниже смертность, и чем ниже социальное положение — тем выше смертность.

Так, в ежегодном отчете за 1903 год приводятся такие данные о смертности в соответствии с имеющимися среди населения Дублина социальными группами:

	На 1000 человек
Люди свободных и независимых профессий	26,4
Средний класс	14,9
Ремесленники и мелкие лавочники	18,7
Трудящиеся классы и обитатели работных домов	32,6

В еще более детальном анализе приведены следующие цифры детской смертности среди различных социальных групп населения:

Люди свободных и независимых профессий

Численность	17 436
Число смертных случаев детей до 5 лет	16
Процент детской смертности на 1000 человек населения, принадлежащего к этой группе	0,9

Средний класс

Численность	87 186
Число смертных случаев детей до 5 лет	239
Процент детской смертности на 1000 человек населения, принадлежащего к этой группе	2,7

Ремесленники и мелкие лавочники

Численность	110 423
Число смертных случаев детей до 5 лет	530
Процент детской смертности на 1000 человек населения, принадлежащего к этой группе	4,8

Разносчики, носильщики, поденщики и т. д.

Численность	89 861
Число смертных случаев детей до 5 лет	1 145
Процент детской смертности на 1000 человек населения, принадлежащего к этой группе	27,

Таким образом, происходит постоянное возрастание смертности от ее низшей точки среди лиц свободных и независимых профессий к высшей точке — среди уличных разносчиков и поденных рабочих. Так обстояло дело в 1905 году.

Таблица, отражающая уровень смертности по четырем кварталам года, показывает также, что число смертных случаев в Дублине было наибольшим в течение первых трех месяцев — в январе, феврале и марте, то есть в зимний период, когда особенно много умирало бедняков, страдавших в это суровое время года от голода и холода.

Таким образом, высокая смертность в Дублине полностью вызывается экономическими причинами; она снижается или увеличивается в зависимости от экономического положения классов. Богачи в Дублине, подобно богачам в других городах, уже давно избавлены от налога смертью; именно уничтожение дублинской бедноты создает ирландской столице ее незавидную и постыдную известность среди цивилизованных наций.

Как же возникло это ужасное положение, это отвратительное позорное пятно на ирландском имени? Первоначальных причин много, но главная причина заключается в недостаточном общественном сознании муниципального руководства, а это опять-таки объясняется недостаточной соответствующей подготовкой масс избирателей к восприятию демократических идей. Однако демократия как осознанное кредо не имела в Ирландии для своего развития соответствующей политической или социальной атмосферы; демократия здесь до некоторой степени инстинктивна и самопроизвольна, она не является результатом здравых политических учений или плодом глубоких размышлений над ростом и развитием социальных или политических институтов. Обычно демократы в Ирландии были мятежниками, боровшимися против политической тирании; необходимость постоянно вести борьбу за создание такого политического механизма, через посредство которого демократия могла бы выразить самое себя, препятство-

вала и даже уничтожала возможность развития, в форме теории или философской системы, тех демократических принципов, которые воодушевляли мятежников. А так как судьба мятежников обычно была несчастливой, то народные массы не имели другой возможности усвоить демократическое учение, кроме как из вспыхивающих проблесков политического ораторства или из почти столь же эфемерной публицистики наиболее блестящих революционеров. Этим единственно объясняется, почему избиратели-рабочие, как правило, плохо используют те права, ради которых сражалось, трудилось и страдало так много самых храбрых и благородных людей в долгую и мрачную ночь прошлого.

Говоря рабочему классу о необходимости использовать свои голоса в целях социального возрождения, чтобы добиться от города, в котором они живут, помощи, дабы поднять их из тех глубин, куда они были низведены, и укрепить их моральные и физические силы, всегда надо иметь в виду, что представительные учреждения этого города станут выражать душу нации и что, подобно тому как душа направляет деятельность человека по пути добра или зла, так и представительные административные учреждения будут или содействовать, или препятствовать возникновению опрятной жизни в чистых жилищах чистого города.

Следует вспомнить, что завоевание никогда не препятствовало в Ирландии праву или возможностям отдельных личностей обогащаться ценой измены интересам нации или их предательства; оно было направлено только против самой нации и тех, кто отождествлял себя с ней. Поэтому ликвидация завоевания предполагает утверждение прав и власти общины (города или нации) против этих отдельных личностей. Завоевание в ирландской политической жизни было победой капиталистического представления о законе и его функциях; отвоение должно стать победой пролетарской концепции, восстановлением власти общества над условиями жизни, которые способствуют или препятствуют развитию отдельной личности.

В Книге статутів ныне существуют некоторые законы, позволяющие дублинским рабочим улучшать условия жизни через посредство муниципалитета. Это имело бы большое значение для изменения уже описанного ужасного положения и находилось бы в полном согласии с общим движением за восстановление подлинной ирландской нации. Муниципалитет имеет власть сломать дома, находящиеся в антисанитарном состоянии, если они не будут приведены в состояние, удовлетворяющее требованиям органов здравоохранения. Муниципалитет имеет власть производить необходимый ремонт доходных домов и принудить домовладельцев оплачивать расходы на него, если последние отказываются производить ремонт сами. Он имеет власть издавать постановления, регулирующие управление доходными домами, и таким образом может заставить убирать, освещать, ремонтировать и строить подобные дома в соответствии с современными гигиеническими нормами. Этого само по себе могло бы быть достаточно для полной перестройки всей системы доходных домов в городе. Муниципалитет имеет власть строить дома, и любые средства, которые он заимствует для этой цели, не затрагивают его законного кредита или его кредитоспособности как муниципалитета. Он имеет власть приобретать землю и использовать ее под кладбища и таким образом покончить с тем скандальным ограблением бедноты, которое практикует Католический кладбищенский комитет в Гласневине *

Такую власть он уже имеет; но необходима и власть другого рода, и ее следует потребовать, если рабочие Дублина хотят наилучшим образом использовать то, что они имеют. И поскольку эта власть необходима рабочим всей остальной страны так же, как и дублинцам, постольку было бы неразумно развивать эту часть нашего плана теперь, прежде чем мы рассмотрим то бедственное положение, на которое наталкиваемся повсюду в Ирландии и которое являет-

* Гласневин — католическое кладбище в Дублине.

ся результатом нашего политического подчинения и социальной дезорганизации в прошлом.

Эту главу лучше всего закончить, процитировав с нашими комментариями следующие отрывки из редакционной статьи дублинской «Айриш таймс» от 18 февраля 1914 года, опубликованной в связи с отчетом департаментского комитета по расследованию жилищных условий дублинского рабочего класса.

«Отчет департаментского комитета по расследованию жилищных условий дублинского рабочего класса был положен на стол палаты общин в понедельник вечером. Этот документ имеет почти историческое значение; каждое его слово должно быть без промедления представлено на рассмотрение тех, кого оно главным образом касается, а именно налогоплательщиков Дублина. Члены комитета выполнили свою работу мужественно и хорошо. Мы не можем предположить, чтобы существовала более поразительная и приковывающая внимание Синяя книга. Отчет представляет собой ужасный обвинительный акт социальным условиям и гражданской администрации Дублина. Большинство из нас предполагало, что мы знакомы с мрачной статистикой дублинских трущоб. Мы знали, что в Дублине однокомнатных жилищ значительно больше, чем в каком-либо другом городе Королевства. Но мы не знали, что почти 28 тысяч наших сограждан живут в жилищах, которые даже муниципалитет признает непригодными для человеческого жилья. Мы подозревали, что в трущобах трудно жить прилично; отчет же доказывает, что это вообще невозможно. Почти треть населения живет в таких условиях, что от рассвета до темноты и от темноты до рассвета люди лишены возможности соблюдать чистоплотность, быть наедине и сохранять чувство собственного достоинства. Санитарные условия отвратительны, и даже обычные нормы варварской морали едва могут поддерживаться. Осудить младенца на воспитание в дублинских трущобах — значит обресть его на физическое вырождение и ужасное преждевременное знакомство с пороком.

...Четверо уравновешенных гражданских чиновников нарисовали картину, едва ли менее страшную, чем сцены дантова ада, и они документально подтверждают каждое свое положение. Самый большой позор для Дублина состоит в том, что их отчет распространится по свету; но это неизбежный и заслуженный позор.

Мы все заслуживаем порицания, но главная доля вины лежит на дублинском муниципалитете. Отчет совершенно справедлив по отношению к муниципалитету. Он отдает ему должное за то, что тот сделал в области жилищного строительства, и признает тяжесть унаследованных им забот. Но члены комитета вынуждены признать, что муниципалитет несет прямую ответственность за худшие из зол системы доходных домов. Они разбили вдребезги столь часто выдвигаемое утверждение, будто имеющиеся недостатки не могут быть устранены без введения нового законодательства.

Отчет указывает, что муниципалитет допускал грубые злоупотребления и плохо использовал имеющуюся у него власть. В отношении соблюдения санитарных условий он совершенно не сумел применить ту власть, которую дал ему акт 1890 года. Он поощрял владельцев трущоб не только своим попустительством, но и своим примером. Отчет отмечает, что три члена муниципалитета, олдермены О'Рейли и Корригэн и советник Крозье, изобличены в том, что владеют или заинтересованы соответственно в девяти, девятнадцати и восемнадцати доходных домах. Часть их собственности классифицируется как «третье разрядная». Десять других членов муниципалитета также являются собственниками доходных домов или как-то в них заинтересованы. Отчет обнаруживает позорное злоупотребление системой скидок, которая была предназначена для поощрения и вознаграждения достойного и добросовестного управления доходными домами. Члены комитета полагают, что в случаях, когда доходными домами владели члены муниципалитета, скидки были сделаны неправильно. Они резко критикуют ставшее системой попустительство со

стороны сэра Чарлза Кэмерона. Муниципалитет из-за своей слабости и бездеятельности несет прямую ответственность за появление большого числа собственников, которые недостаточно понимают свой долг как домовладельцев. Отчет находит, что, если бы муниципалитет выполнял свои собственные постановления, он предотвратил бы тот приток в Дублин массы сельских рабочих, который вызвал снижение заработной платы и усугубил трагедию трущоб. Политика муниципалитета одновременно и увеличивала и деморализовывала несчастную армию рабочих, живущих в трущобах. Ларкинизм *, в той степени, в какой он представляет собой восстание против невыносимых условий жизни, является побочным продуктом гражданского администрирования».

Последняя сентенция этой редакционной статьи типична для общего отношения в Ирландии к рабочему движению. Заметьте, что «Айриш таймс» характеризует ларкинизм как возмущение против невыносимых условий, вспомните, что даже Уильям Мартин Мэрфи ** был вынужден заявить дублинским предпринимателям, что их потогонная оплата и плохие условия труда породили ларкинизм, вспомните также, что нельзя найти никого, кто бы отрицал, что главная цель ларкинизма — поднять заработную плату и улучшить условия труда, а затем подумайте о том, что все те, кто соглашается с этим, объединялись и объединяются, стремясь одолеть ларкинизм и представить его вообще как воплощение зла, и тогда вы получите картину того смятения, которое вызвал в нашей многострадальной стране вид рабочих, организующихся и готовящихся взять то, что им принадлежит.

* Ларкинизм — по имени Джима Ларкина (1876—1947) — видного деятеля ирландского рабочего движения, выдающегося профсоюзного организатора, преданного идее классовой борьбы.

** У. М. Мэрфи — крупный ирландский капиталист, председатель дублинской Ассоциации предпринимателей. В 1913 году возглавил попытки предпринимателей разрушить наиболее многочисленный и боевой профсоюз транспортных и неквалифицированных рабочих.

Вы увидите типичную картину антагонизма между теорией и практикой. В теории они признают, что условия невыносимые и что Ларкин был прав, ведя войну против них; на практике же они объединяются, чтобы защитить эти условия и сокрушить любого ирландца, восстающего против них. Чарлз Маккей справедливо сказал о бунтовщике, выступающем против установленного порядка вещей:

Его уделом станут
Ложь, клевета и злоба,
И к имени пристанут
И доведут до гроба.

Рабочий класс Дублина

Хотя уже давно имеются доступные статистические данные о высокой квартирной плате и жалких жилищных условиях дублинского рабочего класса, однако не было и не существует и сейчас доступной статистики о заработной плате и условиях труда в Дублине.

Информация, которую могла бы получить общественность из такой статистики, состоит в основном из данных, собранных по крохам самими рабочими и используемых также по крохам без всяких обобщений лишь тогда, когда это необходимо для целей организации и агитации. Используемая таким образом, она никогда не была обобщена в виде единого целого, такого, например, какое Раунтри дал нам в своем исследовании о положении в Йорке или Бут — в исследовании о лондонском Ист-Энде. Одной из причин подобного пренебрежения к социальным условиям Дублина является то, что в Ирландии все, связанное с проблемой бедности, в ходе политической борьбы по вопросу о национальном правительстве незаметно стало отождествляться с требованиями той или другой стороны. Человек с темпераментом реформатора, если мне будет позволено употребить подобное выражение, не мог оказаться невовлеченным в борьбу за политическую реформу, а человек с консервативными наклонностями также, естественно, становился пешкой в игре политической реакции. Но следует вспомнить, что человек с темпераментом консерватора не связан от рождения с социальными злоупотреблениями или промышленной эксплуатацией, но может быть, а часто так оно и бывает, наиболее ревностным среди всех тех, кто способствует в определенных пределах исправлению подобных злоупотреблений;

следует отдавать себе отчет и в том, что человек, готовый бороться или даже умереть за национальную независимость, может в то же самое время страстно поддерживать промышленный деспотизм или тиранию лендлорда. Поэтому-то и случилось так, что все образованные люди в обществе, те, кто мог бы при более счастливых политических обстоятельствах стать защитниками угнетенного ирландского наемного рабочего или ревностными исследователями социальных условий, посвятили себя другим сферам деятельности, а рабочий класс остался без каких-либо средств воздействия на общественное мнение. В результате в Дублине это общественное мнение постепенно пришло к убеждению, что бедность и сопутствующие ей несчастья в городе — это явления, находящиеся вне общественных интересов и ни в малейшей степени не связаны с общественными обязанностями или гражданским патриотизмом. Короче говоря, бедность и нищета рассматривались как несчастья, которые требуют внимания частной благотворительности, но причины их следовало искать только в ошибках или слабостях отдельных лиц, а не в преходящих социальных установлениях постоянно меняющегося промышленного строя.

В таком-то Дублине, с его сумбуром высоких политических идеалов и низменной промышленной практики, высокомерного империализма и унижительной эксплуатации, появился пролетарский агитатор. Вначале, как и подобает социалисту, он анализировал и исследовал различия между принципами и практикой местных вожakov политических партий, обращал внимание на тот факт, что заработная плата в Дублине была ниже, а квартирная плата выше, чем в Англии, что железнодорожники в Ирландии получали за такую же самую работу на 5—10 шиллингов в неделю меньше, чем в Англии, и что подобным же образом не доплачивали муниципальным служащим, что такое же положение существовало и на частных предприятиях и что ирландский рабочий принимал участие в борьбе за любые интересы, кроме своих собственных. Этот агитатор разъяснял, что в Книге стату-

тов не существует никакого закона и нет никакого приказа Тайного совета или указания лорда-наместника, которые бы заставляли или стремились заставить ирландских работодателей платить более низкую заработную плату, чем оплачивалась подобная же работа в Англии, а ирландских домовладельцев — брать более высокую квартирную плату. Он разъяснял, что аргумент о соперничестве ирландских промышленников с богатыми английскими промышленниками использовался для того, чтобы поддержать те старые фирмы, положение которых было не менее прочным, чем положение любой английской фирмы: однако, прикрываясь этим аргументом, они продолжали платить чрезвычайно низкую заработную плату.

Подчеркивалось также и то, что подобно тому как ирландский фермер только тогда сумел сломать хребет ирландскому лендлордизму, когда было создано общественное мнение, рассматривавшее дело фермеров как синоним дела всей Ирландии и считавшее предателями Ирландии всех тех, кто действовал против интересов фермеров, так и ирландский рабочий класс в свою очередь сможет освободиться, только решительно руководствуясь принципом, что дело рабочего класса — это дело Ирландии и что те, кто стремился увековечить порабощение и деградацию рабочего класса, были врагами Ирландии и неотделимы от всей системы угнетения. Указывалось, что завоевание Ирландии означало для ирландских масс социальное и политическое рабство и, следовательно, отвоевание Ирландии должно означать для каждого ирландского мужчины, женщины и ребенка как социальное, так и политическое освобождение. Другими словами — означать общее владение Ирландией всеми ирландцами.

Когда почва была таким образом подготовлена, наступил счастливый момент организации Союза ирландских транспортных и неквалифицированных рабочих. Этот союз с самого начала избегал всякого теоретизирования или философствования по поводу истории и традиций, а, обратившись прямо к делу,

боролся за то, чтобы поднять уровень жизни рабочего класса в Дублине и хотя бы приблизить его к пристойным человеческим нормам. Чтобы добиться этого, рабочий класс использовал в качестве своего воодушевляющего боевого клича, пароля для своих членов и девиза своей миссии слова: «Несправедливость по отношению к одному касается всех», которыми мы все восхищаемся, когда встречаем их в виде изречения какого-либо греческого или римского философа, но от которых нас принуждают отречься, когда, воплощенные в действие, они проявляются в форме стачки солидарности.

Не располагая временем для обращения к источнику, мы вспоминаем, что один из древних мудрецов на вопрос «Какое государство было наиболее совершенным?» ответил: «То, в котором несправедливость по отношению к самому незначительному члену рассматривалась как оскорбление всего государства». И этот ответ дошел до нас через века как олицетворение мудрости. Не является ли доказательством противоречия между нашими теориями и нашей практикой тот факт, что самые низкооплачиваемые, наименее образованные группы рабочих являются в Ирландии единственными группами людей, которые пытаются жить согласно этому идеалу, и что эти их попытки могут привести к тому, что их заклеймят как нарушителей закона?

Что такое стачка солидарности? Это признание рабочим классом своего нерушимого единства, это демонстрация в наших повседневных промышленных отношениях того факта, что борьба нашего брата по классу является нашей борьбой, что тревоги нашей сестры являются нашими тревогами и что мы все — члены одной семьи. Практически это означает, что когда какая-либо группа рабочих находится в конфликте с хозяевами, то все другие рабочие должны объединиться с ними, чтобы попытаться образумить отдельного предпринимателя, отказавшись иметь дело с его продукцией. Это подразумевает, что, по существу, к каждому предпринимателю, который не соглашается обращаться со своими рабочими как по-

ложено в цивилизованном обществе, следует относиться как к врагу цивилизации и лишать его всех выгод и удобств, предоставляемых цивилизованным обществом. Другими словами, на него и на все имеющее к нему отношение будет наложено табу, они будут рассматриваться как нечистые, зараженные и, следовательно, способные заражать все вокруг.

Эта идея не нова. Она стара, как старо человечество. Вдумчивому читателю легко придет на ум несколько исторических примеров. Одним из них может послужить тайный суд средневековой Германии, когда по приказу тайного трибунала перед дверью преступника вбивался в землю позорный столб и с этого момента человек оказывался отрезанным от своих сограждан, как если бы находился на плоту в океане. Другим примером является бойкот, проводившийся Земельной лигой. В ходе этого бойкота газеты и политиканы, осуждавшие Союз ирландских транспортных рабочих, пользовались оружием, которое на практике оказывалось безжалостным, жестоким и отталкивающим в сравнении с любой стачкой солидарности. И даже церковь, будучи в полной силе и в состоянии требовать выполнения ее постановлений об отлучении, показала примеры такого неумолимого применения того же самого принципа, что мы не можем даже надеяться когда-либо сравняться с нею. Число подобных примеров можно умножить. Когда французские крестьяне во времена Жакерии поднялись против своих феодальных баронов, разве английская знать не объединилась с последними для совместных действий против крестьянства, хотя в тот момент англичане находились во Франции как захватчики и грабители территорий, принадлежавших тем же самым французским феодальным баронам? Когда английское крестьянство поднялось против своих господ, разве все английские аристократы не объединились для совместных действий, чтобы разгромить восставших? Когда германское крестьянство восстало в период Реформации, не прекратили ли католические и протестантские аристократы взаимное уничтожение,

чтобы совместно истребить повстанцев? Когда во время Французской революции французский народ ниспроверг королей и аристократов, не предприняли ли все феодальные магнаты и правители Европы совместных действий, чтобы восстановить французскую монархию, хотя эти действия вызвали хаос в промышленной жизни Европы и затопили континент кровью?

Забастовка солидарности может найти достаточное оправдание в истории. Но, и это обстоятельство необходимо подчеркнуть, она родилась в Дублине не просто в результате хладнокровных размышлений. Она была порождена в этом городе отчаянной необходимостью. Видя, что всем категориям полуквалифицированных рабочих Дублина так бессовестно недоплачивают заработную плату и столь зверски их эксплуатируют, Союз ирландских транспортных и неквалифицированных рабочих призвал их стать рядом и помогать друг другу, а из этого совета выросло наиболее совершенное оружие.

Почему рабочее движение использовало это оружие здесь раньше, чем в другом месте, объясняется тем, что в этом городе, как известно, доля неквалифицированных рабочих по отношению ко всей массе рабочих больше, чем где бы то ни было. И поэтому здесь рабочие представляют более подвижную, меняющуюся группу, отдельные члены которой нанимаются в совершенно разнородные отрасли промышленности более часто, чем это происходит в английских городах, где квалифицированные профессии поглощают весьма большую часть рабочих и очень долго удерживают их в одной разновидности промышленности.

В ходе всех этих волнений и борьбы движение ирландского рабочего класса породило и укрепляет у своих участников возвышенную идею взаимопомощи, выполнения своего долга как по отношению друг к другу, так и по отношению к обществу в целом; таким образом, для будущего прокладывается тот путь, который должен радовать сердца всех тех, кто любит свою нацию. В противоположность узким, ог-

раниченным взглядам капиталистического класса и даже некоторых старомодных тред-юнионистов с их постоянным отстаиванием прав рабочее движение подчеркивает очень ревностно, что нет прав без обязанностей и что первый долг — помогать друг другу. Это, конечно, революционно и достаточно беспокойно, но ведь не менее беспокойно и строгое следование заповедям христианства.

Белфаст и его проблемы

С муниципальной точки зрения Белфаст — это заметно улучшенный Дублин. В муниципальном отношении его вполне можно сравнить с любым подобным городом в Великобритании, а его промышленное развитие — результат современного промышленного рабства, и ему можно провести параллель всюду, где процветает капитализм. Белфаст отличают искусное использование господствующим классом религиозных призывов, не эффективных в любом другом месте, но здесь еще способных ослабить рабочий класс и ограничить его действия, и фарисейский дух самодовольства, позволяющий беспринципным эксплуататорам бедняков, запустив одну руку в карман своих рабочих, другую воздевать к небу и благодарить бога за то, что они не такие люди, как все прочие.

Следовательно, когда мы говорим, что Белфаст с муниципальной точки зрения лучше, чем Дублин, мы имеем в виду только это и возражаем против попыток найти в этом утверждении нечто большее. Дома бедноты здесь лучше, квартирная плата ниже и город чище и здоровее, чем Дублин.

Причин для такого сравнительно благоприятного положения много. Белфаст ценой своего отказа от национального духа и в силу своей ненависти к делу национальной свободы добился той законодательной поддержки, в которой он нуждался для своей муниципальной деятельности; Дублин стойко отказывался от таких льгот. Белфаст сумел расширить свои первоначальные границы на столько, на сколько хотел, и включить свои наиболее богатые пригороды в территорию, облагаемую налогом. Дублин же все еще (в 1913 году) занимает район немногим больший, чем тот, который он занимал перед Унией, но его наибо-

лее богатые торговцы, призвав на помощь закон, не допустили включения в городские границы тех районов, где находятся их дома. Ратмайнс и Ратгар — позорные примеры того, когда богатейшие промышленники и купцы, населяющие эти территории, пользуясь всеми удобствами, предоставляемыми городом Дублином, не несут никаких расходов.

Однако читатель, не знакомый с центром Дублина, лучше оценит эту явную несправедливость, если мы укажем, что за один пенни трамвай привезет путника от колонны Нельсона, находящейся в самом центре города, в те пригороды Дублина, которые занимают дублинские джентри, но вне городских границ. В Белфасте же за один пенни на трамвае можно проехать намного дальше, чем в Дублине, но если в Дублине трамвай за эту плату вывезет вас за пределы облагаемой налогом зоны города, то в Белфасте, истратив на трамвайную поездку даже два пенни, вы все еще останетесь в границах города; это неизбежно делает Белфаст, помимо того что он вообще имеет более крупные предприятия, более богатым городом, чем Дублин, и позволяет ему выделять для муниципальных нужд и своего развития значительно большую сумму. Налогообложение в Белфасте распределяется более справедливо.

Другая причина лучшего положения дел в Белфасте заключается в том, что большая часть строений в центре Белфаста была построена на земле, приобретенной за номинальную цену на условиях весьма долгосрочной аренды, тогда как центр Дублина застроен старыми домами, являвшимися первоначально городскими особняками аристократов — вымогателей ренты; когда же эти джентри двинулись в Лондон, то, следуя своим инстинктам вымогателей, они сдали свои дома за самую высокую плату, какую только могли получить. Такие дома сдавались и пересдавались, и заключение каждого нового арендного договора сопровождалось увеличением квартирной платы до тех пор, пока в Дублине не произошла любопытная вещь: человек, арендующий помещение, уплачивает непомерно высокую квартирную

плату, однако у того домовладельца, у которого он снимает это помещение, может остаться от ренты лишь небольшая прибыль, на которую он и должен жить после того, как в свою очередь уплатит ренту тому домовладельцу, у которого он нанял этот дом, и так до бесконечности.

Одной из первых задач Лейбористской партии * в дублинском муниципалитете должно быть требование обнародования имен некоторых домовладельцев, имеющих дома в центре города. Только таким образом и неизбежно предшествующим этому расследованием можно покончить с неразберихой в вопросах домовладения в Дублине и расчистить путь для решительного применения санитарных законов.

Читатели увидят, что различия между муниципальными Дублином и Белфастом — это различия между старым городом, унаследовавшим массу всяких злоупотреблений и встречавшим при любой попытке перемен противодействие со стороны враждебной законодательной власти, и новым городом, который поддерживает законодательную власть и который быстро захватил земли на сельской территории, легкомысленно оцененные и дешево сданные в аренду их владельцами.

Но Белфаст имеет свои собственные проблемы, и их необходимо решать. В некоторых отношениях эти проблемы более сложны, чем те, перед которыми стоит Дублин; в некоторых отношениях жизнь в Белфасте настолько ужасна, что Дублин может лишь молить о том, чтобы это его миновало.

Для установления каких-либо фактов, касающихся Белфаста и Дублина, нет особой необходимости выходить за пределы официальных отчетов. Д-р Бейли, санитарный инспектор Белфаста, в своем ежегодном отчете в сухой официальной манере неоднократно приводит некоторые статистические данные, свидетельствующие, как гнетет капиталистическая система рабочих Белфаста, и эти статистические данные,

* Лейбористская партия Ирландии была создана в 1912 году как политический представитель ирландских профсоюзов.

должным образом осмысленные, могут привести к появлению в Северном городе * массы революционеров.

В своем официальном отчете за 1909 год, упоминая о чрезвычайном числе преждевременных родов, д-р Бейли замечает:

«Преждевременные роды происходят наиболее часто у тех женщин, которые работают на фабриках и заводах, особенно у женщин, занятых в прядильном, ткацком, швейном и табачном производствах и в прачечных. Многие из них по своему состоянию, из-за плохого питания и отсутствия соответствующей одежды совершенно не пригодны для таких работ, но так как они вынуждены работать вплоть до дня родов, то в результате на свет появляется много недоношенных и слабых детей, что и было обнаружено инспекторами здравоохранения».

Говоря о туберкулезе и усилиях, направленных на его лечение, он приводит следующие цифры, также свидетельствующие о том, что от этой болезни, как и от всех других бедствий, в Ирландии страдают главным образом бедняки:

«Как и в предшествующем году, более всего туберкулез поразил домохозяек (280), затем поденщиков (179), рабочих на мельницах (162), детей (117), складских рабочих (107), фабричных рабочих (59), служащих (34)».

Затем д-р Бейли пишет о причинах заболевания туберкулезом:

«Округа, наиболее тяжело страдающие от этой болезни,— это округа 3, 4 и 12, в которых произошло соответственно 136, 117 и 112 случаев заболевания, причем следует отметить, что здесь сильно развита текстильная промышленность».

Из общего числа случаев (1317) заболеваний туберкулезом, зафиксированных этим департаментом, 708 приходилось на долю женщин и 609 — на долю мужчин, то есть число заболевших женщин на 99 превышало число мужчин. В известной мере эта кар-

* Северным городом иногда называли Белфаст, расположенный на северо-востоке страны.

тина отлична от той, которая существует в большинстве других городов, и возможно, что это частично объясняется характером той работы, на которой занято женское население.

Как и в предшествующие годы, обнаружено, что туберкулез наиболее распространен среди бедняков; это в значительной степени объяснялось теми неблагоприятными условиями, в которых их заставляла жить нужда,— темные, плохо проветриваемые дома и антисанитарные привычки, а также нехватка пищи и одежды».

Это подтверждает сказанное ранее д-ром Кохом из Берлина, что главная причина заболевания туберкулезом заключается в антисанитарном состоянии тех домов и предприятий, где живет и работает беднота. Утверждение социалистов, что большинство болезней может быть ликвидировано с установлением более справедливого социального строя и что именно капиталистическая система порождает болезни и бедность, которая является результатом болезни, подобно тому как сама болезнь происходит от бедности, убедительно подтверждается беспристрастными источниками.

О тифозной горячке д-р Бейли говорит следующее, и это признание весьма знаменательно:

«Со всей очевидностью доказано, что эта болезнь вызвана лишениями, бедностью, перенаселенностью, плохим питанием и невоздержанностью в употреблении спиртных напитков».

В Белфасте болезнь, о которой идет речь, уносит не много жертв, но интересно отметить, что этот медик справедливо считает виновными в этом тех, кто ответствен за плохие социальные условия. Этот факт заслуживает внимания тех добрых душ, которые, видя, как болезнь уносит их детей, родителей, сестер или братьев, кощунственно объясняют их смерть волей божьей. Но не воля бога, а алчность человека — причина их смерти.

Те, кто хотя бы по слухам знаком с условиями работы на фабриках Белфаста, не удивятся, узнав, что от туберкулеза страдает главным образом бедно-

та и особенно бедные фабричные работницы. Представьте себе прядильню, где так душно и сыро, что все девушки и женщины вынуждены работать босиком, в расстегнутой на груди одежде и с голыми руками, с туго завязанными волосами, чтобы предотвратить раздражение кожи, ставшей из-за пота и жары легко раздражимой и чувствительной; представьте удушающую атмосферу, в которой за несколько месяцев пропадает краска на щеках самого румяного подростка и все становятся одинаково смертельно бледными; представьте, что все окна там закрыты и открываются только на несколько минут, когда ожидается приход фабричного инспектора, и закрываются немедленно после его ухода; вообразите, что все механизмы в этом аду движутся со все большим ускорением, и представьте себе этих бедных рабынь в обеденное время, когда они хватают свои шали и бегут под дождем или в мороз, чтобы схватить несколько кусочков плохо приготовленной и мало питательной пищи, а затем вернуться на свои места, и все это в течение сорока пяти минут! Разве удивительно, что люди, работающие в таких условиях, подвержены туберкулезу? Специалисты-медики составляют для народа длинные и подробные инструкции о том, как избежать туберкулеза, но эти инструкции, как правило, совершенно бесполезны для людей, на которых эта болезнь обрушивается с наибольшей силой. Какой прок говорить людям о вреде перенаселенности, когда заработная плата не позволяет им обеспечить себе приличное жилище? Какая польза от бумаги, рассказывающей, как состряпать пищу, когда мать, являющаяся одним из кормильцев и работников в семье, имеет только сорок пять минут для того, чтобы прийти с фабрики, приготовить еду и вернуться обратно? Какая польза внушать рабочим, что для того, чтобы предохранить себя от туберкулеза, необходимо выбирать подходящую пищу и таким образом повышать защитные свойства организма, когда заработная плата так мала, что позволяет покупать лишь самую дешевую, простую и наименее питательную пищу?

Мы не отрицаем великодушных побуждений добрых леди и джентльменов, организовавших в Ирландии крестовый поход против туберкулеза, но мы полагаем, что агитатор, призывающий народ выступить против существующих условий труда и жизни рабочих, делает, для того чтобы покончить с этим бедствием, больше, чем когда-либо мечтали сделать общества по борьбе с туберкулезом. Подумайте, например, о жизни жестоко эксплуатируемых надомных рабочих Белфаста и вообразите, какова та скудная сила сопротивления, которую эти живые скелеты могут противопоставить нашествию этой белой чумы. Мы опять цитируем д-ра Бейли:

«В последнюю неделю, например, стало известно о женщине, вышивающей мелкие точки на чехлах для диванных подушек, по 308 точек на каждой подушке, и за вышивку их вручную она получала один пенни. Женщина сказала, что за день подобной работы она с трудом зарабатывает шестипенсовик. И это не исключительный случай. Совсем недавно нашему инспектору показали носовые платки, которые были украшены узором из точек; подсчитали, что за один пенни работница должна была вышить 384 точки. Комментарии излишни; другие виды работ оплачиваются так же скверно. В качестве примера можно привести работу по отделке рубашек, в которую входит прометывание петель для пуговиц, пришивание пуговиц и изготовление маленьких ластовиц на манжетах и на боках рубахи. На каждой рубашке должно быть прорезано и обметано вручную 6 или 7 петель, пришито 8 пуговиц и сделано 4 ластовицы. Такая работа оплачивается по тарифу — шестипенсовик за дюжину рубах. Это не дешевая продукция, допускающая небрежность. Работу следует делать аккуратно и чисто, все петли должны быть одинаковыми, так как рубашки высокого качества и с покупателей берут за них хорошую цену.

Швейные изделия вообще оплачиваются очень плохо; среди различных низкооплачиваемых работ можно упомянуть отделку оборками и обшивку кружевами детских фартучков — 4,5 пенса за дюжину,

шитье женских сорочек — 7,5 пенса за дюжину, женских фартуков — 2,5 пенса за дюжину, мужских кальсон — 10 пенсов за дюжину, мужских рубаш — 10 пенсов за дюжину, блуз — 9 пенсов за дюжину и детских распашонок — 9 пенсов за дюжину. Из этого следует также вычесть время, затраченное на посещение склада и получение там материала для работы, и стоимость ниток, которые почти всегда закупались самой работницей; кроме того, нужно помнить о необходимости для работницы держать в исправности швейную машину.

Один пенни в час — обычный уровень оплаты, но во многих случаях он бывает еще более низким».

В этих промышленных районах Севера Ирландии народ живет под тяжким гнетом капитализма. Здесь, правда, отсутствует та грязная и апатичная нищета, которая существует в некоторых других районах, но зато здесь старых и молодых гнетет тяжелый труд — труд, на который ребенка обрекают тогда, когда его тело и ум еще незрелы и неразвиты, и этот труд продолжается до тех пор, пока труженик, превратившийся в развалину, не будет преждевременно опущен в могилу. В этой части Ирландии ребенок стареет прежде, чем узнает, что значит быть молодым. Мы слышали о некоем вожде дикого племени, которого привезли посмотреть на успехи цивилизации. Его возили по крупным центрам современного капитализма, показывали паровые машины, военные корабли, пушки, железнодорожные поезда, большие фабрики, церкви и прочие гигантские достижения наших дней, а затем отвезли домой. Когда сопровождавшие спросили его, что из виденного он считает наиболее удивительным, что произвело на него наибольшее впечатление, он ответил: «Работающие маленькие дети».

Это обстоятельство, показавшееся столь странным дикарю, который в своей среде, будучи лишен знаний и всего того, что дают знания, никогда, однако, не думал об использовании детского труда, составляет весьма заметную черту жизни в Белфасте и в про-

мышленных районах Ирландии. Наши мудрые господа и хозяева часто оставляют безработными взрослых мужчин, но всегда могут найти применение рукам наших детей. Это убедительно демонстрирует абсурдность капиталистической системы, идиотскую расточительность, с которой она расходует человеческие возможности; интеллект и сила мужчин растрачиваются впустую из-за нехватки работы, тогда как детей преждевременной работой лишают возможности полностью развить свой ум и тело.

Это не единственный способ, которым жизнь рабочих приносится в жертву дивидендам. Наши верфи ежедневно приносят в жертву на алтарь капитализма конечности и саму жизнь людей. Звон колокола кареты скорой помощи — один из наиболее знакомых ежедневных звуков на улицах, расположенных между верфями и нашими больницами.

Подсчитано, что при постройке «Титаника», прежде чем корабль покинул Лаган, семнадцать человек расстались с жизнью; список искалеченных, раненых и пострадавших от незначительных ушибов в результате несчастных случаев на любом из таких больших судов воспринимался бы, если бы он был составлен как список раненых после сражения на индийской границе. Публика читает о несчастных случаях и проходит мимо, не в состоянии охватить всю совокупность заключенных здесь страданий. А ведь они означают загубленные жизни, утраченные прекрасные перспективы, опустевшие дома, искалеченных инвалидов на улице или вдов и сирот, вынужденных есть хлеб бедности и нищенства.

Добавьте к этому армию страховых врачей, которым платят за то, чтобы они преуменьшали ущерб и заявляли, что пострадавший силен и здоров; добавьте толпу адвокатов, практика которых зависит от их успеха в запутывании честных рабочих, когда те стараются в непривычной для них обстановке говорить правду об увечье или убийстве их товарищей по работе, добавьте, наконец, враждебного судью, рассматривающего каждого претендующего на справедливую компенсацию как обыкновенного преступника, и вы

получите слабое представление об одной из сторон жизни (и смерти) в промышленности на Севере Ирландии.

Что касается несчастных случаев, то тут не так легко, как тогда, когда имеешь дело с болезнями, заставить общественность понять, что эти несчастные случаи в большей части можно предотвратить, однако непредубежденный ум вполне может усвоить это. Даже многие рабочие отнесутся с пренебрежением к такой мысли, привыкнув на протяжении своей трудовой жизни почти ежедневно видеть несчастные случаи; однако, спокойно поразмыслив, каждый, кроме наиболее упрямых, убедится, что изменение условий труда позволило бы намного уменьшить опасность работы даже в наиболее рискованных профессиях.

Компетентные исследователи обнаружили, например, что наибольшее число несчастных случаев происходит в определенные периоды рабочего дня, а именно ранним утром и вечером, непосредственно перед окончанием работы. Ранним утром, когда рабочий еще сонный из-за того, что его слишком рано подняли и он не имел времени как следует подготовиться, чтобы работать с обычной осторожностью и проворством, или, говоря попросту, «когда сон еще в его костях», число несчастных случаев особенно велико.

После девяти часов утра несчастные случаи происходят реже, и так продолжается до послеобеденного часа. После этого они начинаются снова и учащаются по мере того, как нарастает усталость и ослабевают силы рабочих, и достигают наивысшего уровня за час или полчаса до окончания работы. Как часто в связи с несчастным случаем, приведшим к смерти рабочего, мы слышим: «Он только что начал работать» или «ему оставалось лишь 10 минут до конца рабочего дня». Однако в большинстве случаев этому обстоятельству не придают никакого значения.

Если бы эти отрасли промышленности являлись общественной собственностью и существовали для блага всех, а не для личной выгоды немногих капиталистов, тогда бы проявлялась забота о том, чтобы

рабочие часы никогда не были столь продолжительными, ибо они утомляют рабочего и этим ослабляют его силу и ловкость; и если бы произошел несчастный случай, то ответственные лица представляли бы перед судом и были бы вынуждены сами доказывать свою невиновность, вместо того чтобы, как это происходит теперь, друзьям пострадавшего приходилось устанавливать ответственность предпринимателя, а это можно сделать лишь с помощью свидетельских показаний тех же рабочих, чей ежедневный хлеб зависит от милости самого предпринимателя. Но до того, как рабочему движению удастся этого добиться, усилия рабочих в промышленной и политической области должны быть, помимо прочего, направлены на достижение следующих целей:

- а) отмена чрезмерно ранней утренней работы;
- б) отмена всякой урочной, сдельной или так называемой «спешной» работы — красной от крови рабочих;
- в) сокращение рабочего дня до 8 часов или меньше, запрещение физического и умственного истощения рабочих;
- г) компенсация за несчастные случаи в размере полной заработной платы пострадавшего рабочего;
- д) установление пенсии всем вдовам рабочих, погибших на работе, причем такие пенсии должны выплачиваться за счет фирмы, в которой трудился рабочий; сбор средств и распределение пенсий должно взять на себя государство.

В Белфасте большинство бедных рабов, работающих в таких условиях и за такую плату, подобно большинству фабричных и заводских рабочих, из среды которых туберкулез уносит наибольшее число жертв,— это потомки людей, «сражавшихся за гражданскую и религиозную свободу у Дерри, Огрима и на реке Бойн».

Если бы эти бедные эксплуатируемые потомки протестантских мятежников против короля обладали сегодня хотя бы одной сотой того духа, который обнаружили их предки в ходе упомянутой борьбы, дело отвоевания Ирландии рабочим классом было бы намного более легкой задачей, чем оно, вероятно, окажется.

Однако наиболее дальновидные представители обеих групп [то есть католических и протестантских трудящихся.—*Ред.*] постепенно начинают понимать ту великую истину, что наши общие страдания создают общую основу действий, чтобы сплавить всех нас воедино, и поскольку мы вместе страдаем, будем вместе сражаться за то, чтобы всем вместе стать свободными. Таким образом наш тяжелый и мучительный труд порождает новую партию — партию рабочего класса, которая расскажет, что

Словно под пресс давящий,
тела одно в одно.

Неплохое выходит
из рабочих вино.

Его богатеи охотно
потягивают поутру,

Пообещав в молитве
верно служить добру.

Женщина

В главе, рассказывающей об условиях жизни промышленных классов в Белфасте, подчеркивалось, что наиболее высокий уровень заболеваний туберкулезом и родственными ему болезнями отмечен именно среди работниц текстильной промышленности, так же как относительная неграмотность преобладает в этом городе среди самых низкооплачиваемых категорий рабочих.

Недавний конфликт в Дублине* также выявил весьма красноречиво ужасные условия, в которых трудятся женщины и девушки в столичном городе,— потрясающие антисанитарные условия в мастерских, мучительную тиранию должностных лиц и тревожно низкую жизнеспособность из-за отсутствия возможности купить необходимую пищу и одежду на скудную заработную плату. Подобные факты неизбежно наталкивают на размышления об общем положении женщин в современной Ирландии, об их возможном отношении к переменам, подобным тем, которые мы предсказываем.

Внимательный читатель заметит, что развитие в Ирландии того, что известно под именем женского движения, совпало с появлением женщин в промышленной сфере и что усиление этого движения совпало с распространением среди образованных женщин представления о жалком и жестоком жребии их страждущих сестер из трудящегося класса.

Можно сказать, что развитие того, что за отсутствием лучшего названия известно как осознание женщинами своих собственных интересов, вряд ли могло

* Имеется в виду известная дублинская всеобщая стачка осенью—зимой 1913/14 года.

начаться без появления у женщин, находящихся в более привилегированном положении, того глубокого чувства общественного сознания, которое мы в других местах этой работы называем гражданским сознанием. Возникновение у женщин представления о том, что современное общество основано на силе и несправедливости, что высочайшие почести общества вовсе не определяются заслугами их получателей и что обостренность человеческих чувств представляет для их обладателя скорее помеху, нежели помощь в мире, пробуждение этого представления было связано с распространением индустриализма и с той безжалостной борьбой за существование, которую он порождает.

Для женщины, физически более слабой и менее подготовленной к такой борьбе, последняя неизбежно оказывалась наиболее жестокой; к счастью, более образованные женщины выступали против ненормальности такого положения, когда женщины, вынужденные выносить наибольшие тяготы борьбы, лишены при этом даже тех немногих политических прав, которыми пользуются их страдающие товарищи — мужчины.

Если бы политическое равенство даровалось с такой готовностью, какую подсказывает политическая мудрость, то революционное значение избирательного права для женщин, возможно, было бы в значительной мере утрачено. Но невыполнение политическими деятелями своих обещаний, данных женщинам, в котором были равно виновны все партии, затянувшаяся борьба, все усиливающееся мученичество борющихся женщин Великобритании и Ирландии и появление среди деятельных умов в рабочем движении большего уважения к искреннему стремлению женщин к свободе и к их храбрости в борьбе за нее оказали громадное влияние на отношения между двумя движениями.

В Ирландии дело женщин воспринимается всеми трудящимися мужчинами и женщинами как их собственное дело; дело же рабочего класса не имеет более ревностных и искренних сторонников, чем борющиеся женщины. Одна только мысль о восстании создает

особую умственную атмосферу; умственная же атмосфера, вызванная восстанием женщин*, открыла глаза и подготовила умы к пониманию того, какое влияние оказывает на них та социальная система, в которой слабейшего неизбежно оттесняют; а когда дальнейшее изучение капиталистической системы показало им, что слово «слабейший» фактически означает — наиболее добросовестный, наиболее мягкий, наиболее человечный, наиболее любящий и сострадающий, наиболее честный и полный сочувствия, то борющиеся женщины не могли не увидеть, что капитализм карает людей как раз за те свойства, какими в наиболее полной мере обладают они сами.

Таким образом, распространение индустриальной системы пробуждает в женщинах социальное сознание, чувство жалости к самим себе как величайшим страдальцам от социальной и политической несправедливости; божественный гнев, пробудившийся тогда, когда эта жалость натолкнулась на насмешку и в справедливости было отказано, поднимает женщин на восстание, а восстание приводит к товариществу и установлению равенства женщин со всеми теми чистыми душами, которые посвятили свою жизнь борьбе против укоренившихся несправедливостей.

Рабочий — раб капиталистического общества, а женщина-работница — рабыня этого раба. В Ирландии женщина-работница до сих пор проявляла в своем мученичестве терпение, почти заслуживающее проклятья. С раннего детства трудилась она на ферме и обычно достигала зрелого возраста, так и не заслужив права требовать для самой себя хотя бы единственного пенни из денег, заработанных ее трудом, и зная, что весь ее тяжелый труд и лишения не дадут ей такого права на ферму, которое будет считаться бесспорным даже для самого никчемного члена семьи, если только он является старшим сыном.

Дочери ирландских крестьян были, по существу,

* Имеется в виду подъем движения за эмансипацию женщин.

самыми дешевыми рабынями — рабынями своих собственных семей, которые в свою очередь были рабами всех социальных паразитов общества лендлордов и ростовщиков. Крестьянин, в котором столетия порабощения и голода породили неистовую жажду денег, обычно рассматривал своих дочерей как созданий, посланных богом для того, чтобы облегчить его жизненное бремя, и очень часто подобную точку зрения столь же яростно отстаивали и священники всех вероисповеданий. Никогда, кажется, в сознании ирландского крестьянина не возникало мысли о том — и ему не внушали это его религиозные наставники, — что каждое поколение должно выплатить своим преемникам тот долг, который оно задолжало своим предшественникам; что, таким образом, растрачивая себя ради своих детей, человеческий род обеспечивает общее прогрессивное развитие. Ирландский крестьянин в слишком многих случаях обращался со своими дочерьми как с плугом или лопатой — то есть как с орудием, которым можно обрабатывать ферму. Весь умственный кругозор, вся моральная атмосфера деревни приводят к появлению такой точки зрения. В каждой часовне, церкви или молитвенном доме всегда настойчиво твердили о долге — долге в отношении тех, кто выше по положению, долге в отношении церкви, долге перед родителями. Никогда уши молодежи не осквернялись каким-либо упоминанием о правах, и, вырастая в такой обстановке, женщины Ирландии мирились со своим приниженным положением в обществе. И то, что, несмотря на это, они становились активными участницами каждого прогрессивного движения в Ирландии, является свидетельством той великой ценности, которую будет представлять их сотрудничество тогда, когда наряду с самоотверженным выполнением долга они начнут отстаивать свои права.

Мы говорим здесь о правах не в том смягченном значении слова, к которому приучены либеральными или другими ораторами капиталистического класса, всегда рассматривавшего отстаивание прав как последнее слово человеческой мудрости. Мы скорее упо-

требляем его в том смысле, в каком оно употреблялось в рабочем движении и знакомо ему.

Мы полагаем вместе с этим движением, что именно спокойное выполнение долга в сочетании с бесстрашным отстаиванием прав и создает высшее выражение человеческой души. Та душа является наиболее возвышенной, которая наиболее ревностно относится к выполнению долга и наиболее неуклонно отстаивает свои права, даже если против нее вооружится весь мир. В Ирландии женскую душу в течение столетий приучали отказываться от своих прав, и в результате нация потеряла свою главную способность — противостоять нападению извне и деморализации изнутри. Те, кто проповедовал ирландским женщинам верность долгу как единственный идеал, к которому надо стремиться, способствовали тем самым, сознательно или бессознательно, формированию рабского мышления, которое ирландские матери неизбежно должны были передавать своим детям.

Борющиеся женщины, не отказываясь от своей верности долгу, учат в то же время своих сестер отстаивать свои права, таким образом они восстанавливают то здоровое и совершенное равновесие, которое поможет создать настоящую ирландскую нацию.

Система частной капиталистической собственности в Ирландии, как и в других странах, привела к появлению закона первородства, по которому старший сын наследует всю собственность, женская же часть семьи при этом не учитывается. Укоренившийся в условиях системы собственности, основанный на силе этот несправедливый закон был неизвестен прежней социальной системе древнего Эрина, и в его теперешней форме он был и остается ответственным за моральное убийство многих достойных ирландских девушек. По этому закону при постоянном рассеивании ирландских семей первым должен был уходить не старший сын, как наиболее способный выдержать тяготы жизни и борьбы в чужой стране, а чаще младшие и менее приспособленные сыновья или более нежные и слабые дочери. Благородный Чарлз Кикхэм писал:

О, девушки Ирландии!
Отважнее вас не найти,
Когда океан — безделица
На избранном вами пути.

Каждый, кто знаком с судьбой ирландских дезушек-эмигранток в крупных городах Англии или Америки, с теми тяжкими лишениями, которые они претерпевают, с теми соблазнами, которым они подвергаются, и с тем, как много девушек не могут устоять перед искушениями, должен признать, что Кикхэм своей поэтической интуицией правильно определил серьезность тех опасностей, которые их подстерегали. Со стыдом следует отметить, что подавляющее большинство этих девушек отправлялось в бесчестный мир, не имея никакого образования и подготовки, и они могли рассчитывать только на собственную силу и смекалку, чтобы избежать опасностей. Законы, созданные мужчинами, не давали им никакой надежды получить наследство на родной земле; их родственники-мужчины эксплуатировали их труд и никогда не давали им в награду хотя бы пенни, а когда эти девушки уже не могли выжать своим трудом из скудной почвы столько, чтобы удовлетворить требования всех, их немедленно выпроваживали за океан с заклиниванием, в качестве прощального благословения, быть верной и посылать домой деньги. Тем, кто бойко болтает о «неприкосновенности дома» и «святости семейного круга», следовало бы подумать, какой дом в Ирландии неприкосновенен сегодня для влияния жадного торгашеского духа, порожденного системой капиталистической собственности, какой семейный круг не нарушали эмиграцией его наиболее благородных и любящих членов.

Точно так же, как существующая в Ирландии система превратила цвет наших женщин-крестьянок в дешевых рабынь или необученных эмигранток, точно так же она омрачила жизнь и атрофировала интеллект женщин-работниц на фабриках, заводах и в мастерских. Всюду, где, как и в Белфасте, существует большой спрос на женский труд, мы видим тенден-

цию к тому, чтобы женщина становилась главной опорой семьи. Вынужденная работать с самого раннего возраста, она остается пожизненной работницей. Брак не означает для нее отдыха от работы вне дома, обычно он приводит лишь к тому, что после работы на предприятии у нее удваиваются домашние обязанности. На протяжении всей своей жизни она остается наемной работницей; после окончания ежедневной работы она превращается в рабыню своей семьи, а когда ночью в изнеможении падает на свою постель, то сознает, что с раннего утра вновь должна отправиться трудиться на капиталиста, а затем спешить домой, чтобы опять начать выполнять тяжелую домашнюю работу. Так проходит вся ее жизнь — тоскливое чередование одной тяжелой работы за другой; рождение детей — лишь верстовые столбы на ее пути, свидетельствующие о новом увеличении ее бремени. Уставшая, получающая низкую плату и потому скудно питающаяся, она легко поддается всем болезням, проникающим в плохо построенный «крольчатник бедняка» *. С самого детства она живет в бедности и выполняет тяжелую работу, на которую ее обрекает нужда, а истощение интеллекта — неизбежный результат слишком ранней тяжелой работы.

Какую пользу может принести таким страдальцам восстановление ирландского государства в любой форме, если оно не принесет освобождения женщинам.

Итак, вся духовная атмосфера и практика современной Ирландии, созданные и осуществляемые ее пастырями и хозяевами, в социальном и политическом отношении тяжело гнетут женщин. Этот дух и практику породило в стране установление социального и политического строя, основанного на частном владении собственностью в отличие от более древнего строя, основанного на общем владении родственной общины.

Класс, господствующий в сфере производства, бу-

* Прозвище перенаселенных жилищ рабочих в городских трущобах.

дет господствовать и в политической области и навязывать обществу те верования, обычаи и идеи, которые в наибольшей степени увековечивают его положение. Эти верования, обычаи, идеи становятся тогда наивысшим выражением нравственности и остаются таковыми до тех пор, пока приход к власти другого класса, господствующего в сфере производства, не приведет к появлению новой морали. В Ирландии со времени завоевания правил класс землевладельцев-капиталистов; верования, обычаи, идеи Ирландии отражают ту рабскую мораль, которую мы унаследовали от тех, кто в той или иной форме принял такое правление; подчинение женщин явилось составной частью этого правления.

Если бы женщин не держали в подчинении и не отрицали их прав, то не было бы никакой гарантии, что в наследственном владении семьи поле будет прибавляться к полю или что имущество станет накапливаться, даже если мужчины будут опускаться все ниже и ниже. Так, от лендлорда к арендатору или крестьянину-собственнику, от монополиста к мелкому дельцу, жаждущему стать монополистом, от всех вышестоящих ко всем нижестоящим проникали верования, обычаи, идеи, устанавливающие в качестве обычной морали страны такую рабскую мораль, которая усиливала подчинение женщин.

Разбить оковы лучше всего могут те, кто их носит, ибо именно они глубже всего могут судить о том, что такое оковы. В своем движении к свободе рабочий класс Ирландии должен поощрять усилия тех женщин, которые, ощутив на себе вековые оковы, поднялись, чтобы сбросить их; и рабочий класс должен еще громче приветствовать женщин, если в силу своей ненависти к рабству и страсти к свободе их армия обгонит борющуюся армию рабочего класса.

Кто бы ни взял приступом форпосты цитадели угнетения, один лишь рабочий класс сможет разрушить ее до основания.

Школы и ученые Эрина

В прошлом Ирландию именовали «страной святых и ученых». Было бы неблагоприятной и бесполезной задачей выяснять сегодня, сколько святых может появиться на ее берегах после семи столетий британской цивилизации и полутора столетий англо-ирландского капитализма. В таких условиях святые не появляются в сколько-нибудь заметном количестве, и, за исключением домов бедноты, где терпеливые, самоотверженные матери морят себя голодом, чтобы прокормить свои семьи, или мастерских, где женщины и девушки трудятся за нищенскую заработную плату, чтобы не позволить голоду и его еще более жестокой спутнице — гиене искушения — переступить порог их дома, святые сегодняшнего Эрина, кажется, не оказывают очень заметного влияния на социальную жизнь страны. Разумеется, сегодняшний менестрель и оратор Эрина ищет объект для своих панегириков не среди его святых, а среди его политических деятелей — факт, сам по себе достаточно ясно комментирующий современный взгляд ирландцев на значение святости.

Но если трудно и даже почти невозможно обнаружить святых в современном Эрине, то не представляется ни невозможным, ни особенно трудным выяснить, какие меры принимаются для появления ученых. И поскольку мы рассматриваем силы, которые уже имеются или формируются в Ирландии для ее отвоевания и установления социальной и политической системы, гарантирующей свободу и возможности развития для всех, постольку мы должны узнать, какие меры принимаются для физического и умственного развития ирландских рабочих — тех рабочих, ко-

торые должны нести бремя современной системы и чьи дети должны строить и создавать будущее.

Современные исследователи установили, что в древнем Эрине наилучшей репутацией пользовались те вожди и кланы, которые ценили и поощряли школы, где познавалась мудрость того времени, и что даже долгое время спустя после норманского вторжения ирландские школы и ученые по-прежнему придавали блеск гэльской цивилизации и спасали Ирландию от той клеветы, которой ее так называемые господа столь настойчиво стремились опорочить национальную жизнь страны. Но с завершением завоевания получение ирландцем образования стало рассматриваться как преступление против закона; за голову школьного учителя была установлена награда; за ним охотились так же рьяно, как за волком и священником. Тем не менее стремление иметь образование сохранялось и во многих случаях одерживало верх над злыми законами и карающими декретами завоевателей. На уединенных горных склонах, среди почти непроходимых трясин и за изгородями ирландские мальчики и девочки старались тайно получить знания, в которых им отказывали господа. Разумеется, в таких условиях образование не могло быть всеобщим, лишь немногие при столь устрашающих трудностях получали крохи знаний. Для значительного же большинства неизбежным уделом оставалось невежество. Для протестантского меньшинства школы и детские учреждения создавались в результате частной инициативы и при поощрении правительства, однако над ними не осуществлялось какого-либо систематического надзора, и, конечно, в их организации нередко отступали от правил, что для современного человека покажется почти невероятным. Исторический пример такого рода послужил предметом ожесточенной дискуссии в дублинской палате общин в 1790 году в период так называемого парламента Граттана. В Дублине существовал тогда приют для найденнейшей, в который со всех концов Ирландии ревностные филантропы, и не только филантропы, направляли детей. В этот приют постоянно привозили про-

тестантских сирот и детей католиков, голодные родители которых вынуждены были допустить обращение своих детей в новую веру, лишь бы они не умерли с голоду на их глазах. Сэр Джон Блэкьер так описывал в парламенте несчастную судьбу этих бедных ирландских беспризорных детей:

«В 1789 году поступило 2180 детей, и из них 2087 привезли мертвыми или без сознания. За десять лет в книги было занесено 19 367 детей, и почти 17 тысяч умерли или пропали без вести. Несчастных младенцев отправляли со всех концов Ирландии; их по десять или двенадцать человек бросали в плетеный короб или корзину и везли на телеге, так что до конца их пути они получали столько ушибов, их так давило и трясло, что половину из них вынимали мертвыми и выбрасывали на навозную кучу».

Это выражение «выбрасывали на навозную кучу» весьма характерно для образа мыслей и действий правящих классов того времени. Дети были всего-навсего детьми бедняков, а бедняки, являлись ли они протестантами или католиками, рассматривались, по словам Кропоткина, а может быть, и сегодня рассматриваются богачами лишь «как простой навоз для удобрения пастбищных земель богатого экспроприатора».

Столь ужасные позорные случаи, о которых упоминалось выше, происходили не часто, тем не менее они были одним из типичных зол, являвшихся неизбежным результатом политической и социальной системы того времени. Правительство, основанное на собственности и отрицающее права простого народа, создает такую администрацию в обществе, которая во всех ее разветвлениях воплощает несправедливость. Она может иметь блеск интеллекта, может обнаружить великий гений, при ней могут быть достигнуты успехи в области философии, искусства, науки, но без демократии она останется камерой пыток для труженика, тюрьмой для сердец и надежд бедноты.

От школьных учреждений, существовавших для протестантского меньшинства, о которых мы упоминали, от нелегальных, но все же действовавших школ ка-

толиков того же периода до современных национальных школ прошел большой период времени, и он отмечен многими и далеко идущими переменами в политической обстановке. Однако в школах для ирландских детей не заметно такого радикального или коренного изменения, какое, казалось бы, должно было произойти в связи с развитием демократии. Напротив, кажется, это единственная область, где решительно запрещались такая общественная опека и установление ответственности, которые охотно допускались и приветствовались в любой другой области. А если даже общественная ответственность, правда в ограниченной форме, и допускалась, то право контроля и опеки, которое неизбежно ей сопутствует, грубо отвергалось, а его требование рассматривалось как настоящий подрыв основ общественной морали. Поэтому здесь не произошло такого прогресса, который может быть отмечен в других областях общественной жизни. Национальные школы Ирландии, эти уродливые и опасные плоды низкого уровня гражданского сознания, не были затронуты прогрессом и таят в себе угрозу для здоровья учеников и учителей.

Несколько выдержек из свидетельств беспристрастных авторитетов по этим вопросам послужат иллюстрацией того, как в наши дни управление школами еще сохраняет заметный привкус прежних скверных антидемократических времен с их презрением к бедноте.

В 1900 году «Ланцет» [лондонский медицинский журнал.— *Ред.*] направил своего представителя для обследования санитарного состояния национальных школ Дублина. Об одной из этих школ он писал:

«Школьные помещения темные и плохо проветриваемые; газ горит в дневное время; места для отдыха отсутствуют; с десяти до двух часов нет никакого перерыва; нет уборной для мальчиков; навозные кучи лежат около школьных стен, темно-коричневая навозная жижа, просачиваясь из них, образует гниющие лужи и пропитывает незамощенную рыхлую почву; испарения от отбросов, мусорных куч, грязи,

рыбьих голов, объедков и т. д. заполняют окрестные дворы и переулки».

В 1904 году главный санитарный инспектор Дублина приказал своим инспекторам обследовать санитарное состояние национальных школ. Их отчет, включенный в его «Доклад о состоянии общественного здоровья» за тот год, свидетельствует, что общее санитарное состояние городских школ было поистине плачевным. Если вспомнить, что привычки к чистоплотности или неряшливости укореняются с детства, то станет понятно, насколько должно было быть велико дурное влияние такой школьной обстановки на детей, которые, к несчастью, этому влиянию подвергаются. Эти соображения помогут объяснить плачевную апатию многих обитателей дублинских трущоб и их душераздирающую покорность условиям, столь пагубным для поддержания чистоты в жилищах. Данный отчет указывает, каковы были требования английского Комитета просвещения в отношении санитарных условий в школах, а подробные отчеты дублинских инспекторов показывают, что в дублинских школах редко и то не полностью существуют условия, необходимые для поддержания здоровья и благопристойности. В некоторых школах, как, например, в школе св. Патрика, Лоуэр Тайрон-стрит, насчитывающей 144 ученика — мальчиков и девочек, уборные были открытыми и ими пользовались и те и другие. По нашим сведениям, эта школа уже сломана, и надо надеяться, что большинство ей подобных скоро постигнет такая же участь.

В том же году, когда представитель «Ланцета» сообщал о положении дел в Дублине, в отчете, касавшемся Белфаста и составленном уполномоченным по делам национального образования в Ирландии, по поводу школ в Ньютаунардском округе говорилось:

«После того, что было сказано о характере многих домов и построек, нечего удивляться частым заболеваниями и быстрому распространению эпидемий... Округ Бэллимакаретт расположен в низине, его нелегко полностью осушить, а, кроме того, школьные помеще-

ния, без сомнения, способствуют распространению болезней. Можно насчитать 14 старших учеников, присматривавших за младшими (так называемых мониторов), которые бросили учебу из-за плохого состояния здоровья, и я предполагаю, что все они за это время умерли. Две юных старшеклассницы, занимавшиеся в переполненной школе, умерли в течение немногим более года».

Девять лет спустя инспектор первого округа Белфаста вынужден был отметить в своем отчете:

«Очень жаль, что там, где так много делается ради здоровья народа, маленьких детей почти на заре их жизни вталкивают в переполненные классы, в которых их юная кровь медленно отравляется».

О том, насколько велико это переполнение и как оно влияет на здоровье детей, так же как и на их способность усваивать знания, можно судить по следующим выдержкам из цитированных выше отчетов за 1909—1910 годы. Инспектор Кейс писал:

«Встречаются случаи, когда школы значительно переполнены. Одна из городских школ может вместить 291 ребенка. Во время посещения этой школы я обнаружил, что здесь присутствует 386 детей. В одной из комнат, рассчитанной на 47 детей, занималось 107 детей. Другую школу, которая может принять 232 учащихся, посещает 324 ребенка, и 73 ученика занимались в комнате, предназначенной для 44, а 116 — в комнате для 47 детей. Некоторое время около 50 учеников из 116 вынуждены были заниматься в крытом черепицей неотапливаемом коридоре, и это в снежный зимний день... В другой школе устные занятия со 103 детьми проходили в комнате размером 16×15 футов, приспособленной лишь для 24 детей. В этой комнате 49 малышей постоянно проводили свои школьные дни... Еще в одной школе в качестве классной комнаты для малышей использовалось неотапливаемое помещение размером 10×10 футов. Здесь дети зимой вынуждены были или погибать от холода, если дверь оставалась открытой, или, если ее закрывали, дышать затхлым воздухом.

Посетив школу в прошлом сентябре, я обнаружил

37 учеников (девочек и мальчиков), занимавшихся на маленьком дворе. 16 мальчиков сидели на черепичном полу двора, а двое других — прислонившись спинами к двери одной из пристроек. Учитель полагал, что это лучше, чем набивать детей в классную комнату, являвшуюся просто каморкой».

В отчете упоминается 43 школы, в которых число присутствующих было всегда намного больше, чем позволяло помещение. Достаточно привести цифры, касающиеся первых десяти из них:

Школа	Вместимость	Наличие учеников
1	18	53
2	34	130
3	50	115
4	6	33
5	47	151
6	50	145
7	23	43
8	17	52
9	29	74
10	21	42

Отношение в условиях капиталистической системы к проблеме образования молодежи демонстрируется в следующем заявлении белфастского инспектора:

«Стоимость участка — это препятствие, с которым в Белфасте приходится считаться. Меня информировали, что клочок ($\frac{1}{4}$ акра) наихудшего строительного участка стоит основателям школы около 500 фунтов стерлингов».

Эта сумма должна быть выплачена прежде, чем Белфаст сможет получить клочок «худшего строительного участка», на котором будет возведена школа для обучения детей; а земельные собственники, взимающие этот налог с просвещения, являются политическими лидерами того самого народа, детям которого они мешают получить образование. Законно поинтересоваться — только ли алчность побуждает землевладельческие классы Ольстера предъявлять та-

кие требования, когда необходимо предоставить землю для нужд просвещения, и не имеет ли к этому отношение страх перед просвещением масс. В двух отчетах мы встречаем осуждение подобного отношения обеспеченных классов Белфаста.

В 1909—1910 годах: «...имущие классы в Белфасте очень мало интересуются школами... Положение многих школ представляет собой резкий контраст необычайному прогрессу, достигнутому городом в столь многих отношениях».

В 1911—1912 годах: «Очень жаль, что город, столь прогрессивный во многих отношениях, «с гордым видом и вызовом в глазах» может спокойно наблюдать, как его дети либо находятся в плотно закупоренных и плохо проветриваемых классных комнатах, либо же, оставленные без присмотра, подвергаются опасности на улицах».

Как ни плохи условия в Дублине и как ни тяжки они для трудящихся в городе, все же несомненно, что Белфаст за свое «процветание» платит такую дорогую цену, что это может заставить кого-нибудь в конце концов поинтересоваться, не обходится ли это процветание слишком дорого. Любой, знакомый с жизнью низкооплачиваемого населения обоих городов, не может не заметить, насколько велика неграмотность в Белфасте по сравнению с Дублином. Эта неграмотность существует, несмотря на обязательное посещение школы, и может быть объяснена лишь следующим: во-первых, быстрым ростом первого из этих городов и, во-вторых, тем обстоятельством, что текстильная промышленность Белфаста зиждется на женском и детском труде. Это делает невозможной настоящую семейную жизнь, подобно тому как делает невозможным для фабричного населения и какой-либо эффективный контроль за малышами. Оба эти момента отмечены в последней выдержке из отчета школьного инспектора Белфаста за 1911/12 год, которую мы приведем. На стр. 104 он пишет:

«Несомненно, что множество детей Белфаста действительно не посещает школы. Возможно, мест-

ные школы переполнены, возможно, родители так часто переезжают, что их дети ускользают от наблюдения; фабричная жизнь создает такое положение, которое сводит родительское влияние до минимума; некоторые родители, кажется, перестали считать себя ответственными за воспитание детей. Когда дети подрастают, они полдня заняты на фабрике, а после этого должны идти в школу. Во время недавнего посещения школы, где учатся такие рабочие-подростки, работающие половину смены, и другие ученики, было отмечено, что здесь в I и II классах числятся 104 работающих подростка. Все это дети старше двенадцати лет. А где они находились от шести до двенадцати лет?»

К этому свидетельству инспектора можно добавить, что такие работающие подростки на деле ничему не учились в течение тех дней, когда посещали школу; в то же время общение со взрослыми во время работы порождало у них такие привычки хвастовства и безрассудства в речи и поведении, которые заставляют огорчаться любого учителя и пагубно сказываются на дисциплине и воспитательной ценности целого учреждения.

К картинам перенаселенности Белфаста и нищеты Дублина можно добавить третью — картину истощения и опустошения сельских округов Ирландии и ужасной заброшенности некогда счастливых домов гэлов, усиливающейся по мере того, как капиталистическая система высасывает из нации всю кровь.

В отчете мы читаем о Слайго: «Здесь существуют некоторые места, где совсем нет детей. Те, кто ранее не эмигрировал, а остался дома, выросли и, столкнувшись с трудностями жизни, никогда не жились».

В других местах молодые мужчины и женщины год за годом эмигрируют, для помощи на ферме не остается никого, кроме детей, которых поэтому не пускают в школу».

Проблема школы является проблемой, которая может быть решена лишь одним способом — распространением на эти учреждения демократического

принципа и всего того, что с ним связано. С тех самых пор, как были созданы национальные школы, мы пытались путем соединения бюрократии и клерикализма осуществить то, что можно осуществить лишь на основе полного и подлинно демократического доверия к народу. Чтобы угодить соперничающим церквям, дело организации школ было предоставлено различным сектам, в результате чего возникал по крайней мере десяток маленьких школ там, где одна большая могла бы более эффективно и экономно удовлетворить потребности данного округа. Вместо отличных государственных школ американских, шотландских или английских городов мы в наших городах имеем нечто отвратительно грязное, нездоровое, жалкое, где преподавание является пыткой для учителя, а обучение — наказанием для учащихся. Там, где демократия, функционирующая через посредство представительных общественных учреждений, обеспечила бы штат компетентных и хорошо оплачиваемых учителей и блестяще оборудованные, теплые и хорошо освещенные здания, там современная система деспотически контролируемого образования предоставляет нам персонал из нищенски оплачиваемых учителей, лишенных всяких прав, но с постоянно возрастающим числом обязанностей. Эти несчастные осуждены выполнять наиболее важные функции современного общества в зданиях, совершенно не подходящих для этой цели, плохо проветриваемых и отапливаемых, а в большинстве случаев отапливаемых не иначе, как за счет несчастного директора школы.

Демократия Ирландии среди первых мер, необходимых для возрождения страны, должна взяться за расширение своей власти и полномочий над школами Эрина.

О принятии любых необходимых мер, гарантирующих, что религиозные убеждения родителей будут уважаться в их детях, несомненно, достаточно позаботятся представители тех, для кого религия жизненно важна. Такие меры вполне совместимы с установлением народного контроля над школами, со

строительством и оборудованием таких школ, которые были бы радостью для ученика и вдохновляли бы учителя, и с такой радикальной перестройкой учебных программ, которая обеспечивала бы хорошее знакомство с деятельностью и чаяниями тех людей, подвигами которых отмечены этапы подъема нации, тогда как их неудачи в достижении цели отмечают не менее важные периоды ее мученичества. Когда вместо домов пыток, выполняющих сейчас роль школ, возникнут дворцы образования и нормально оплачиваемые учителя заменят сегодняшних эксплуатируемых страдальцев, когда рассказ о прогрессе человеческого просвещения и свободы займет место сообщений о пиршествах королей, аристократов и капиталистов, о тех кровопролитиях и оскорблениях, какие испытывала беднота на всем протяжении истории вплоть до настоящего времени, тогда Эрин вновь будет иметь основание гордиться своими учеными.

Рабочий класс и кооперация в Ирландии

В более ранней работе «Рабочий класс в истории Ирландии» мы довольно подробно говорили о кооперативном эксперименте в Ралехайне, в графстве Клэр, в первой половине девятнадцатого столетия и широко цитировали свидетельства современников, чтобы показать весьма большой успех, достигнутый участниками и инициаторами этого исторически смелого начинания.

Мы отметили, что столь важная попытка, открывавшая для ирландцев так много неизведанных возможностей ее повторения и расширения, игнорировалась последующими поколениями ирландских историков и политиков.

Последние, правда, всегда плыли по поверхности явлений и отшатывались от всякого исследования, подвергающего критике установленные основы общества с большим ужасом, чем его сатанинское величество, по народному поверью, отшатывается от святой воды. Во все времена их единственной целью было представить ирландское дело лишь как разновидность реформистского движения в английском обществе; Ирландия, мол, была беспокойной потому, что с ней не обращались так справедливо, как с Англией, а если бы с ней обращались таким же образом, то Ирландия оказалась бы вполне ортодоксальной и ни в какой мере не сочувствовала каким либо нападкам на социальные институты.

Эти историки и политики чувствовали, что о кооперативном эксперименте в Ралехайне, начатом последователями утопического социализма, необходимо рассказывать с большой осторожностью, дабы

его пример не стал заразительным; лучше же всего о нем вообще не говорить.

Поэтому, когда лекторы Общества по организации ирландского сельского хозяйства* стали проповедовать принципы современного кооперативного движения ирландским фермерам и по всей Ирландии начала распространяться литература, подготовленная Джорджем Расселом, отцом Финлеем, членом ордена иезуитов, сэром Хорейсом Планкеттом и их коллегами, то против всего этого наиболее рьяно выступили «политические представители ирландского народа» независимо от их политической окраски.

Юнионистские политические деятели противодействовали кооператорам потому, что последние стремились объединить протестантов и католиков на основе дружеской и братской взаимопомощи, а если бы это произошло, то неизбежно исчезло бы то фанатическое недоверие и та ненависть, на которых основан сам юнионизм.

Гомрулеры противодействуют кооператорам на том надуманном основании, что их успех в повышении благосостояния фермеров якобы будет выгоден лишь лендлордам, но, по существу, потому, что кооперация неизбежно нанесла бы ущерб прибылям тех кровопийц, которые в качестве ростовщиков, посредников и дельцов того или иного сорта в маленьких провинциальных городках высасывали всю кровь из окрестного сельского населения.

Каждый, кто знаком с сельской Ирландией, знает, что, кроме немилосердного притеснения со стороны лендлорда, арендатор больше всего страдает от безжалостной эксплуатации со стороны только что упомянутых групп и что на деле во многих случаях избавление от лендлордов лишь благоприятствовало насыщению еще более жадной утробы этих паразитов сельской жизни.

Пока лендлорды рассматривались в Ирландии как чуждые ирландской жизни, ростовщики и подобные им

* Это общество было создано в 1889 году Хорейсом Планкеттом в целях обеспечения более рационального ведения ирландского сельского хозяйства на новой кооперативной основе.

лица, благодаря их положению в провинциальных городках, их нарочитому проявлению религиозности и громогласным уверениям в своем патриотизме, обычно приобретали господствующее влияние в советах местных организаций гомруля или в какой-либо другой конституционной национальной организации.

От всех неконституционных или «нереспектабельных» национальных организаций они обычно держались в стороне, что, однако, не мешало им определять поведение ирландских парламентских представителей во время любого важного события в ирландской жизни. Они держали в руках все нити политической жизни на местах и потому выступали как представители политической мысли Ирландии.

В связи с этим не удивительно, что в целом ирландские политические деятели были против всякой пропаганды идей кооперации и что один из авторов «Айриш гомстэд» [печатный орган Общества по организации ирландского сельского хозяйства.—*Ред.*] заявил следующее:

«Сэра Хорейса Планкетта, отца Финлея и г-на Андерсона уверяли, что их идеи совершенно не подходят для Ирландии, что народ хотел чего-то другого, что они поступали вопреки ирландским инстинктам, что их идеи могут подойти для народов, подобных датчанам и немцам, и они должны помнить, что Ирландия представляет собой нечто уникальное».

Однако кооперативный принцип имел в себе притягательную силу, вполне достаточную, чтобы преодолеть эту искусственную оппозицию, хотя понадобилось провести пятьдесят митингов, прежде чем было создано одно-единственное общество.

Помимо непосредственной притягательности, объяснявшейся личной заинтересованностью и тем, что притягательность этой идеи коренилась в потребности, порожденной все возрастающей трудностью отыскания выгодного рынка для своих товаров, ирландское фермерское население на практике давно привыкло кооперироваться для осуществления конкретных целей.

Для ирландцев было довольно привычным зрелищем, когда все сельские жители собирались на по-

стройку хижины кому-либо, оставшемуся без крова, для уборки урожая соседа, слишком слабого, чтобы справиться с этим самому, чтобы вскопать поле вдовы или собрать достаточно денег и помочь способному мальчику получить образование, необходимое, чтобы стать священником или доктором, или, в прежние дни, нанять и содержать нелегального учителя. И ирландцы не забыли о практической ценности подобных добрых уроков. И в дни, непосредственно предшествовавшие кооперативной пропаганде, когда совместные действия составляли часть кампании против лендлордизма, ирландская Земельная лига нашла среди крестьян десятки разновидностей готовых кооператоров.

Несмотря на все хитрые уловки политиков, ослепленных капиталистическими доктринами и слишком мало осведомленных о подлинной истории своей страны, чтобы понять ее древние институты, они оказались не в состоянии уничтожить те традиции, которые сохраняли в среде крестьян живую память об общинной собственности и общественном контроле их предков — владении и контроле, составляющих основу кооперации.

Было также обнаружено, что разбросанные повсюду католические женские и мужские монастыри создают кооперацию как производственного, так и потребительского характера, причем элементы личной выгоды или карьеризма в ней совершенно исключены*

Если эти доводы не убеждали ирландского земледельца, на него оказывали давление силы, порожденные экономическим развитием и неодолимо побуждавшие его к воссозданию прежних методов и пересмотру старых представлений. Он понимал, что на внутреннем рынке он больше не может господствовать, а развитие мировых транспортных средств приносит ему новую опасность, добавляет новую угрозу к его прежним тревогам. Изобретатель, дающий воз-

* С этим замечанием автора нельзя согласиться. Система монастырского хозяйства по своему характеру и целям не имеет ничего общего с тем кооперативным устройством, к которому стремился сам Дж. Конноли,

возможность паровой компании сократить время на перевоз сельскохозяйственных продуктов через океан, инженер, прокладывающий железные дороги через новые или отсталые районы и тем самым облегчающий доставку урожая к портам мира; правительство, использующее изобретения своих ученых в интересах предпринимателей и купцов,— все это создавало ему новые опасности. Менее чем на протяжении жизни одного поколения Нью-Йорк, Нью-Орлеан, Ла-Плата, Черное и Балтийское моря приблизились, так сказать, к фермерам Ирландии на расстояние, вполне позволяющее вести торговлю, и товары этих районов противостоят теперь товарам ирландского фермера на его собственных рынках. Фермеры Скандинавских стран, организованные и при содействии правительства приученные к кооперированию своей деятельности, поставляли масло, сыр и яйца, упаковывая и перевозя свои товары более совершенными способами, нежели те старые и небрежные методы, которые употребляет мелкий ирландский фермер-одиночка; с юга Франции и с островов Ла-Манша поступала различная продукция искусных огородников, использующих все преимущества климата и более совершенных транспортных средств, и повсюду несчастный ирландский земледелец наталкивался на конкуренцию соперников, значительно лучше подготовленных, лучше образованных, лучше руководимых, лучше обслуживаемых, а также встречал спрос купцов и потребителей, требующих большей изысканности и опрятности товаров, более скорой доставки и большего разнообразия ассортимента.

В этих условиях и при наличии все возрастающей конкуренции не удивительно, что пропаганда кооператоров дошла в конце концов и до ирландского крестьянства, несмотря на все препятствия и опасности, создаваемые ее врагами. Сегодня по всей Ирландии распространилась и продолжает расширяться сеть кооперативных обществ, в то время как их изобретательные руководители и члены открывают все новые и более плодотворные возможности для применения своей инициативы. Свыше 100 тысяч ирлан-

дских фермеров организованы сейчас в кооперативные общества. У нас есть кооперативные маслобойни, кооперативные лавки, кооперативные банки и уже вырабатываются проекты рыболовецких кооперативов.

В городах кооперативные потребительские общества занимали прочные позиции лишь на Севере и на крайнем Юге, до тех пор пока благотворные результаты деятельности распределительных кооперативных обществ во время великой дублинской стачки не оказали на умы участников ирландского рабочего движения такого влияния, что теперь можно с уверенностью ожидать в самом ближайшем будущем появления при поддержке рабочего движения значительного числа кооперативных предприятий.

Участники кооперативного движения среди сельского населения вплоть до настоящего времени мало представляли себе (что вполне обычно для Ирландии) конкретную форму того идеала, который должен быть создан их усилиями, но зато они уделяли большое внимание непосредственным требованиям данного момента. О руководителях же движения в городе, напротив, можно сказать, что, как правило, их активность была бы намного меньшей, если бы отсутствовал вдохновляющий их идеал. Теперь этот идеал стал общим идеалом для борющихся рабочих всего мира — это кооперативная республика*.

Для того чтобы помешать двум движениям, сельскому и городскому, оставаться чуждыми друг другу и не допустить возможного перерастания этой отчужденности во враждебность, необходимо найти такую общую основу их деятельности, при которой одно движение могло бы поддерживать и усиливать другое. В этом и состоит непосредственная трудность. Джордж Рассел, талантливый издатель «Айриш гомстэд», указывает, что в подавляющем большинстве

* Имеется в виду социалистическая республика, основанная на принципах общественной собственности и совместного труда.

Следует учитывать, что в тот период в Ирландии такой лозунг поддерживали мелкобуржуазные реформаторы, часть крестьян и рабочих, вкладывавших в него ограниченное реформистское содержание.

ирландские фермеры не применяют наемного труда и обычно сами работают на своих фермах. Поэтому данная проблема в Ирландии не столь сложна, как в других странах, где фермеры являются работодателями и, следовательно, по всей вероятности, враждебны требованиям рабочего класса. Эта мысль во всех отношениях заслуживает внимательного изучения.

Сформулированная коротко, она может быть выражена следующим образом: со времени заметного развития заатлантической и заморской конкуренции и вытеснения или ограничения лендлорда главной проблемой для ирландского фермера стала проблема отыскания хорошего рынка, на котором бы он имел удовлетворительный баланс. Он мог найти подобный рынок, лишь создав его среди сочувственно настроенного и процветающего ирландского рабочего класса. Его продукты — это не продукты для удовлетворения прихоти, они нужны для удовлетворения потребностей человеческого организма, а не причуд, страстей или фантазий воображения. Миллионер, имея только один желудок, может съесть лишь столько, сколько требует этот желудок, он не может поглощать основных продуктов наших ирландских ферм больше, чем хорошо оплачиваемый ремесленник.

Лакомства, деликатесы, вина и т. д., которые делают обед миллионера дороже обеда ремесленника, импортируются, и поэтому большая стоимость его обеда не означает большего спроса на ирландские сельскохозяйственные продукты.

Таким образом, ирландский фермер не может увеличить спрос на свою продукцию за счет состоятельного человека, миллионера или будущего миллионера. Напротив, всякий успех рабочего класса Ирландии, увеличивающий доходы трудящегося класса и превращающий рабочих из полуголодных рабов в хорошо оплачиваемых тружеников, имеющих возможность покупать достаточное количество пищи, создает тысячи или десятки тысяч новых потребителей. Каждое же поражение рабочего класса, сопровождаемое сокращением его покупательной способности, уменьшает спрос на продукцию ир-

ландских фермеров. Если бы победа ирландского рабочего класса была завоевана при поддержке фермеров-кооператоров Ирландии, тогда каждый участник ирландского рабочего движения был бы морально обязан отдавать предпочтение товарам, произведенным его союзниками-земледельцами.

К этой моральной обязанности создавать и популяризировать кооперативные лавки под эгидой рабочего движения следовало бы добавить и другое соображение, вытекающее из непосредственной заинтересованности.

Покупая в такой лавке продукты сельскохозяйственных кооперативных обществ в период промышленного мира, рабочие пользовались бы у них кредитом и в период конфликтов в промышленности; кроме того, в период мира тред-юнион мог бы вкладывать свой капитал в кооперативные общества, а во время локаутов или стачек он вел бы борьбу, обеспечив своим членам питание с помощью таких обществ, которые были бы в состоянии предоставлять им необходимое продовольствие путем обеспечения кредита у организованной кооперативной фермерской общины.

Фонды тред-юнионов, помещаемые теперь в банки и ссужаемые этими учреждениями капиталистическим эксплуататорам, могли бы вместо этого предоставляться в кредит надежным кооперативным предприятиям, способствуя этим развитию фермерского хозяйства и поддерживая ресурсы тружеников в городе и деревне. Поступая таким образом, городские рабочие знали бы, что, помогая сделать жизнь в сельских районах более сносной, они тем самым уменьшают приток рабочих в города и укрепляют этим свое собственное положение.

Эта идея может получить почти безграничное распространение, и не последней среди ее привлекательных сторон является надежда, что мысль ирландских мужчин и женщин, однажды обращенная таким образом к общественному труду, общественной собственности и демократически управляемой промышленности, будет развиваться и далее в том же

направлении до тех пор, пока у них вновь не возникнет представление о такой Ирландии, в которой каждый должен быть равноправным наследником всего ее могущества, ее возможностей и способностей и все должны иметь свою долю в ее радостях и достижениях.

«Письмо к дублинским предпринимателям» *, хотя оно и вызвало гнев всех тиранов и реакционеров в Ирландии, помогло Расселу привлечь то внимание к идеям кооперативного движения, о котором мы только что упоминали и которое может сделать это письмо в двояком смысле историческим документом.

Если к объединению земледельцев и городских рабочих добавить дальнейшее возможное развитие взаимопонимания в политической области между этими двумя группами кооператоров, то станет ясна та великая и существенная перемена, которая теперь медленно назревает в нашей среде.

Подобное политическое улучшение не может произойти и, вероятно, не произойдет в ближайшее время, но появление законодательства, способствующего кооперативной деятельности, так же, как и предотвращение законодательства, препятствующего этой деятельности, приведет в нужное время к такому улучшению.

Тогда, когда к легко организуемым городским рабочим добавится громадная и прочная сила крестьянства, когда их представители появятся в залах законодательных органов, голосуя за их объединенные требования, тогда возникшая таким образом партия рабочего класса заговорит пророческим голосом, провозгласив свой идеал возрожденной Ирландии — Ирландии, отвоеванной для ее простого народа.

Ибо истинными пророками являются те, кто своими руками создают то будущее, которое провозглашают.

* Письмо это было напечатано в «Айриш таймс» в октябре 1913 года в начале знаменитой «дублинской войны». В нем один из организаторов ирландского кооперативного движения Дж. Рассел выступал в защиту прав ирландских рабочих и резко осуждал притеснения их дублинскими капиталистами.

Отвоевание. Резюме

Недавние события в Ирландии* ясно показали, что прежние политические демаркационные линии не отражают больше реального положения дел в жизни народа. Рост волнений в промышленности и ожесточенность промышленных конфликтов, способы, какими предприниматели весьма различных политических и религиозных взглядов объединяются против рабочих, пытаясь с помощью голода привести их к повиновению, заметное укрепление чувства братства у всех категорий рабочего класса — все это указывает на то, что в нашей среде создаются предпосылки для новой борьбы в национальном масштабе, борьбы достаточно яростной, глубокой и продолжительной, чтобы полностью стереть все старые вехи, перенесенные из прошлой политической борьбы в новые условия.

Во время знаменитого дублинского локаута 1913—1914 годов дублинские предприниматели, по преимуществу юнионисты, встретили горячую и беспринципную поддержку со стороны всей гомрулерской прессы, а это указывает на возможность новых объединений, с которыми рабочему классу Ирландии придется считаться. Стало ясно, что за полурадикальными фразами, с помощью которых буржуазная гомрулерская пресса и политические деятели так часто обманывают общественность (а иногда и самих себя), нет никаких радикальных чувств. Когда в воздухе зазвучали боевые лозунги подлинного конфликта, фальшивые лозунги мнимой борьбы были поспешно устранены из поля зрения.

Этот урок, как и другие, уже упоминавшиеся в

* Имеется в виду дублинская стачка 1913 года.

этой книге, должен заставить рабочий класс понять, что пришло время в преддверии будущего по-новому расположить свои отряды. Подобно тому как должны исчезнуть старые политические партии, должны исчезнуть и многие из прежних цеховых перегородок в рядах рабочего класса. Мы поняли, что значит стачка солидарности, и не должны допускать и впредь, чтобы цеховые перегородки сковывали наши действия и мешали оказать помощь нашим братьям или сестрам, когда на них нападают враждебные силы капитализма. Мы должны осуществить эту идею до конца и бороться против всякого раздробления сил рабочего класса в промышленной сфере.

Следует непрерывно стремиться к осуществлению принципа полного единства в промышленной области; индустриальный союз, включающий всех рабочих в каждой отрасли промышленности, должен заменить собою множество союзов, которые мешают нам и ограничивают наши действия, умножают расходы и разъединяют наши силы перед лицом общего врага. Нашим принципом действия должен быть индустриальный союз, а для того, чтобы осуществлять необходимый и эффективный контроль за делами цеха, верфи, дока или железной дороги, следует создать отделения индустриального союза; членами каждого отделения должны стать мужчины и женщины, входящие в организованный рабочий класс на таких же условиях, как и наши современные цеховые союзы.

Добавьте к этому идею создания единого всеохватывающего большого союза и вы получите контур не только наиболее действенной формы объединения для введения современной борьбы в промышленности, но также и контур общественного управления кооперативной республикой будущего.

Общественная система, в которой цехи, фабрики, доки, железные дороги, верфи и т. д. будут принадлежать нации, но управляться индустриальными союзами соответствующих отраслей промышленности, организованными так, как сказано выше, кажется наиболее пригодной для обеспечения самого высокого уровня производства в промышленности в

условиях наибольшей свободы личности от государственного деспотизма. Такая система, на наш взгляд, воплотила бы в Ирландии лучезарные надежды всех ее героев и мучеников.

Одновременно с постепенным приспособлением промышленной деятельности к целям индустриального союза рабочий класс неизбежно должен атаковать политическую и муниципальную цитадели власти.

Все усилия должны быть направлены на то, чтобы расширить сферу общественной собственности. Когда демократия овладевает общественной властью, общественная собственность неизбежно должна преобразовываться и наполняться новым содержанием. Когда появляется демократия, бюрократия должна исчезнуть. Но, не имея поддержки мощного индустриального союза, демократия окажется в государстве в таком же положении, в каком оказывается жертва, попавшая в глотку змеи.

Следовательно, трудящиеся классы должны добиться политической власти в результате борьбы в промышленной сфере, это явится выражением организованной экономической силы рабочего класса; иначе они вообще не могут добиться власти. Когда рабочий класс будет должным образом организован и в промышленной и в политической областях, тогда всякое расширение принципа общественной собственности приблизит нас к отвоеванию Ирландии ее народом; а это означает постепенное восстановление общего владения всей Ирландией всеми ирландцами, то есть — достижение свободы.

Немаловажным среди многих ободряющих признаков, обнаружившихся во время великой дублинской стачки, был острый и сочувственный интерес, проявленный «интеллектуалами» к судьбам рабочих. Само по себе это редкое явление в Ирландии. До этого здесь не существовало никаких способов заполнения брешки между теми ирландскими рабочими, которые тяжко трудились в качестве обычных наемных рабочих, и теми работниками, которые занимались умственным трудом и заработная плата которых обычно позволяла им избегать подлинной нужды.

В других европейских странах эти два элемента соединялись вместе в социалистическом движении и организованно вели оборонительную и наступательную войну против жестокого режима богачей; в Ирландии же борьба за национальную свободу поглощала все интеллектуальные возможности одного из этих элементов и мешала развитию необходимого классового сознания другого.

Но когда в Ирландии стало распространяться мнение, что в какой-то форме дело национальной свободы близко к осуществлению, и поэтому все стали размышлять о том, как эта свобода может быть использована, тогда возможность сотрудничества между этими двумя классами стала для мыслящего патриота и реформатора вполне очевидной.

События, сопровождавшие великую борьбу рабочего класса, привели к появлению общего знаменателя, необходимого для установления отношений между двумя классами.

Мы не сомневаемся, что и в Ирландии, подобно тому как это было в Италии, станет очевидным, что сотрудничество между рабочими, получающими заработную плату, и их товарищами, занимающимися интеллектуальным трудом, создаст возвышенную атмосферу социальной взаимопомощи в деле национального возрождения. В Ирландии, особенно вне промышленных районов Севера, существует значительно больше лиц свободных профессий, литераторов и художников, чем в какой-либо другой европейской стране, за исключением Италии*, и, не вдаваясь слишком глубоко в причины подобной несоразмерности, можно предсказать, что она послужит делу рабочего класса Ирландии.

В ходе этой борьбы стало ясно, что она может развиваться лишь при полном взаимопонимании и согласованности действий между городскими рабочими и поборниками кооперации среди сельского населения Ирландии. Великий гений Рассела подсказал труженикам Дублина, долго находившимся в пренебре-

* Видимо, имеется в виду численность этих групп в соотношении с общей численностью населения страны.

жении, новую идею, а именно: что кооперативные общества, которые столь долго и успешно распространялись в сельскохозяйственных областях страны, могут быть связаны с судьбами промышленных рабочих, и таким образом, поддерживая друг друга в повседневной жизни, они способны создать основу нового социального строя.

Почти во все исторические периоды между городом и деревней существовал скрытый антагонизм; социализм предсказал, что социалистическое государство будущего положит ему конец, дав деревенскому труженику те же преимущества, что и городскому; Рассел же предвидит такое сотрудничество, когда город и деревня объединятся в совершенствовании методов производства и распределения на основе братства, что сначала поможет вести борьбу против капитализма, а в конце концов и вытеснит его. Такое стремление к сотрудничеству между рабочими города и деревни было бы значительным достижением, и мы уже можем по крайней мере говорить о постоянной поддержке, которую подобные стремления получают от каждого друга прогресса в Ирландии.

В заключение можно сказать, что надежда на сотрудничество между городом и деревней ради возрождения страны — наиболее общая из всех надежд рабочих Ирландии.

Всюду, где прежде мы сталкивались только с подозрением и недоверием, мы видим теперь друзей и понимаем, что между отношением к рабочему классу в настоящее время и тем, с которым он сталкивался прежде, такая же разница, как между отношением мира к тем, кто всего лишь претендует на его жалость, и тем, кто достаточно силен и уверен в себе, чтобы заставить уважать себя.

Рабочий класс в Ирландии становится все более и более уверенным в себе и в этой уверенности он черпает свою силу. Это чувство уверенности имеет притягательную силу и будет вызывать все большую и большую поддержку со стороны приверженцев всего того, что в совокупности способствует возрождению Ирландии.

Член Гэльской лиги* отдает себе отчет, что капитализм за одно столетие сделал для разрушения гэльского языка больше, чем меч саксонца сделал за шесть столетий; поборник веры в свои собственные силы** не находит среди ирландцев и ирландок более ревностных пропагандистов веры в себя, чем те, кто пропагандирует ее в качестве кредо рабочего класса; ревностные защитники кооперации обнаруживают, что рабочие защищают идеал кооперативной республики; проповедник христианской морали видит, что только в кооперативной республике станет возможной подлинная нравственность, а пылкий патриот узнает, что его надежда на возрождение Ирландии к национальной жизни может быть выражена точнее, а также лучше и полнее осуществлена в движении рабочего класса за отвоевание Ирландии.

Наши читатели в дальнейшем помогут осуществлению тех целей, о которых говорится в этой книге, и ускорят получение хороших результатов благодаря счастливому сочетанию обстоятельств, уже отмеченных нами, если они всегда будут стремиться укрепить в сознании мужчин и женщин Ирландии мысль о необходимости сделать действительным, в политическом и социальном отношениях, право общества контролировать для всеобщего блага промышленную деятельность каждого своего члена и обеспечивать ее необходимыми средствами.

С исторической точки зрения это будет означать возведение ирландской нации на престол как верховного правителя и хозяина своей собственной судьбы и всего того, что необходимо для ее народа, верховного как по отношению к иностранцу, так и по отношению к местным узурпаторам собственности и той, опасной для свободы власти, которая устанавливается вместе с появлением собственности.

* Гэльская лига — главная организация движения за возрождение национальной культуры в Ирландии конца XIX — начала XX веков.

** То есть националист, сторонник лозунга «Шин фейн» («мы сами»).

Оглавление

К советскому читателю	3
Вступительная статья	9

Рабочий класс в истории Ирландии

Введение	29
Глава I. Уроки истории	39
Глава II. Якобиты и ирландский народ	46
Глава III. Крестьянские восстания	53
Глава IV. Социальные волнения и политические кор- шуны и вороны	61
Глава V. Парламент Граттана	69
Глава VI. Предательство капиталистами ирландских во- лонтеров	74
Глава VII. «Объединенные ирландцы»	98
Глава VIII. «Объединенные ирландцы» как демократы и интернационалисты	91
Глава IX. Заговор Эммета	115
Глава X. Первый ирландский социалист — предшест- венник Маркса	121
Глава XI. Ирландская утопия	134
Глава XII. Глава ужасов: Дэниель О'Коннелл и рабо- чий класс	152
Глава XIII. Ирландские жирондисты приносят ирландских крестьян в жертву на алтарь частной собствен- ности	161
Глава XIV. Социалистическое учение «Молодых ирланд- цев», мыслители и рабочие	175
Глава XV. Еще об ирландских пионерах социалистиче- ского движения	188

<i>Глава XVI. Рабочий класс, наследник ирландских идеалов прошлого — хранитель надежд будущего . . .</i>	193
--	-----

Отвоение Ирландии

<i>Введение</i>	211
<i>Глава I. Завоевание Ирландии</i>	213
<i>Глава II. Олстер и завоевание</i>	223
<i>Глава III. Дублин в двадцатом столетии</i>	235
<i>Глава IV. Рабочий класс Дублина</i>	249
<i>Глава V. Белфаст и его проблемы</i>	256
<i>Глава VI. Женщина</i>	268
<i>Глава VII. Школы и ученые Эрина</i>	276
<i>Глава VIII. Рабочий класс и кооперация в Ирландии .</i>	287
<i>Глава IX. Отвоение. Резюме</i>	296

Джеймс Конноли

**РАБОЧИЙ КЛАСС В ИСТОРИИ ИРЛАНДИИ.
ОТВоевание Ирландии**

Редактор *Е. Левица*

Художник *Н. Старцев*

Художественный редактор *Л. Шканов*

Технические редакторы *Н. Рабина, Н. Андрианова*

Корректор *Т. Гончарова*

Сдано в производство 6/VI — 1969 г.

Подписано к печати 10/XI — 1969 г.

Бумага 84×108¹/₃₂ бум. л. 4³/₄

печ. л. 15,96 + 1 вкл.

Уч.-изд. л. 14,33. Изд. № 6/10082

Цена 1 р. 08 к. Зак. № 187

Издательство «Прогресс»

Комитета по печати при Совете Министров
СССР

Москва Г-21, Зубовский бульвар, 21

Московская типография № 20.

Главполиграфпрома

Комитета по печати при

Совете Министров СССР.

Москва 1-й Рижский пер., 2.

113918

РАБОЧИЙ КЛАСС В ИСТОРИИ ИРЛАНДИИ

Джеймс Коннолли

92